

ЕЛЕНА ФИЛИППОВА

ЖЕНИХ ДЛЯ НЕУДАЧНИЦЫ

Annotation

Я неудачница по жизни. У меня все сыпется из рук, я ничему не могу научиться и спотыкаюсь на каждом углу. Поэтому меня надо контролировать и направлять. Так считает моя мама Ангелина... А еще на такую, как я, ни один мужчина даже не взглянет, поэтому надо радоваться, что хоть кто-то согласился взять меня в жены. Но я не хочу замуж! У меня другие планы! Даже такая неудачница, как я, может все поменять в своей жизни!

Пролог много, много лет назад...

В далекой Сибири шел суровый и беспокойный 17 год. Купец первой гильдии Матвей Куприянов сидел в своем кабинете за столом, подперев голову, перед чаркой водки и думал тяжелую думу. Когда то лихой и бесшабашный Матвей был разбойником, брал с ватагой золотые обозы, не брезговал и купеческие караваны пощипать, но став старше, накопив денег, быстро остепенился. Разгульную жизнь прекратил, выправил себе бумаги, переехал жить подальше, где о нем не слышали, в далекий сибирский городок, устроился к богатому купцу приказчиком, в сорок женился на купеческой дочке с хорошим приданным, а после смерти ее отца, стал владельцем его бизнеса. Быстро развернулся в Сибири, был поставщиком снеди и водки в артели золотодобытчиков, да и сам потихоньку мыл золотишко и сбывал в Китай.

Деньгами не тряс, богатство свое не выпячивал, разумно вкладывал деньги. И все бы было хорошо, но уж слишком время стало беспокойное, да и дело оставить некому. Жена Матвея Клавка хоть и молода была, да дети у них только спустя 4 года родились, и сейчас были еще подростки, сынку Николе всего-то шестнадцатый год пошел, а дочери Дарье и того меньше. Да и жена не слишком-то умная, молода, не доверишь. А самому Матвею уж за шестьдесят перевалило, не молод уж, того и гляди не сегодня, так завтра смерть призовет, а оставить капиталы, пустит их по ветру глуповатая жена, и деткам ничего не достанется. Вот и сидит Матвей, тяжелую думу думает. Кому доверить, кто сбережет капитал и детей без гроша не оставит.

— Прохор, иди сюда, — кричит Матвей приказчика.

— Чего изволите, Матвей Степанович, — приказчик появляется так внезапно на пороге комнаты, как будто выскочил как черт из табакерки.

— Прокофий, дела у меня к тебе есть, — тихо говорит Матвей. — Двери то прикрой, лишние уши не нужны.

Молодой приказчик быстро прикрыл двери, сделал шаг к хозяину и подобострастно улыбнулся.

— Ты вот что, завтра начни картины упаковывать, из рам извлеки, сверни аккуратно и в тубусы уברי, сверху крышку каждого тубуса сургучом залей, чтоб влага внутрь не попала, бумаги ценные, золото и прочие ценности в железный ларь положи, да тоже сургучом опечатай.

— Будет сделано, Матвей Степанович.

— Да, языком не болтай, о том, что я ценности упаковываю знать некому не должно.

— Будет сделано, Матвей Степанович, молчание золото.

— Я выберу книги ценные и иконы, ты ларь сыщи поболее, чтоб упаковать можно было, да смотри у меня, если что пропадет из ценностей, три шкуры с тебя спущу.

— Не извольте беспокоиться, Матвей Степанович, все будет сделано в лучшем виде.

— Иди, работай.

И высокий, плечистый приказчик исчез в проеме дверей.

Не то чтобы Матвей не доверял Прокофию, тот уже давно служил верой и правдой, просто знал, что деньги людей портят, отдай в руки приказчика ценности, это искушение для молодого человека, тут любой может пойти на преступление из-за такой суммы. Но не было у Матвея другого пути, спрятать ценности можно было только с помощником, одному не справиться.

Матвей составил загодя опись всего ценного, что было у него, а еще описал, как найти вход в подземное хранилище, бумажные листки спрятал в корешок семейной библии и отдал Клавдии, с указанием библию беречь пуще глаза.

На следующей неделе наметил Матвей увезти подводой ценный груз на дольную заимку, да спрятать в глубоких подвалах до поры до времени. Выехали рано, еще затемно, взял с собой только возницу, глуповатого недалекого парня, сами с приказчиком верхом на гнедых жеребцах, выносливых, хорошо откормленных, с собой прихватили оружие и патроны. Ехали медленно, подвода еле тащилась, поклажа тяжела. По дороге часто останавливались, давая передышку коням. Дорога до заимки заняла весь день. Когда прибыли, наступила ночь, подводу разгружать пришлось в темноте, в подземное хранилище стаскивали сундуки и ящики вдвоем с приказчиком, возница не должен был видеть тайные ходы.

Так устали, что проспали почти до обеда. Матвей хоть и хотел побыстрее вернуться к семье, но понимал, что выехав в ночь, по темноте у них больше шансов нарваться на банду разбойников, в лихие времена тех стало так много, что караваны с провиантом нанимали охрану.

Так что пришлось и во вторую ночь заночевать на заимке. Утром второго дня они двинулись в обратный путь. Подвода бежала уже легче, вечерело, на горизонте уже показались очертания городка, вот только что-то напрягло Матвея. Над городом стоял дым, и тянуло запахом гари. Пришпорив коня, не обращая внимания на отставшую

подводу, они вдвоем с приказчиком поскакали в сторону города.

То, что предстало перед их глазами, не на шутку напугало их. Везде царил хаос, крики женщин, бьющихся над трупами своих мужей и детей, куча барахла выкинутого из жилищ, много погибших, и горящие дома. Пытаясь выяснить что произошло, они остановились у одного из домов, где на завалинке сидел старый дед, но дед мало что прояснил, он был в тяжелом стрессе, у него погибла вся семья.

Наконец добравшись до своего дома, они увидели ужасную картину, от дома остались только крыльцо и остов на высоком каменном фундаменте. Возле крыльца билась в истерике старая горничная Прасковья...

— Где моя семья, где Клавка, — тряс ее Матвей.

Но та только мотала головой и рыдала.

Только на второй день Матвей узнал, что на городок налетела орудующая в этих краях банда. Вроде как командовал ей бывший офицер, налетчики действовали стремительно, грабили богатые дома, если ценности не выдавали, то поджигали дом и убивали хозяина. Время было бурное, небольшая часть, что раньше охраняла дороги, разбежалась, городок защищать было некому, а место глухое. За два часа успев набрать ценностей несколько подвод, прихватив его жену Клавдию с его детьми, банда скрылась в неизвестном направлении.

Матвей бросился на поиски жены и детей, только не повезло ему. Его убили на второй день поисков. Кто-то выстрелил из кустов из винтовки прямо в сердце.

Так закончил свой лихой путь богатый купец Матвей Куприянов.

А его богатства стали ждать своего часа.

Глава 1 *Наши дни.*

Я бегу, бегу со всех сил, ветки хлещут по лицу и цепляются за одежду, босые ноги все в крови от колючей травы, но я бегу, это единственное, что сейчас возможно, если я остановлюсь — меня найдут и убьют. Остается бежать, бежать как можно быстрее, ведь я не знаю, когда мои похитители меня хватятся.

Ветка ударила меня по лицу, я споткнулась и упала, больно, больно ноге, я наткнулась коленом на острую ветку, торчавшую из земли, очень больно, но надо бежать. Прихрамывая, подвывая от боли снова бегу.

В какой-то момент вдруг поняла, что бегаю по кругу, вот елочка, вот небольшой овражек, я их уже пробегала, а вот то место, где я упала и поранила ногу.

Ужас от осознания ситуации, я заблудилась, а еще хуже — никуда не убежала, я просто кружусь на одном месте. И мои похитители легко смогут меня найти. От страха и ужаса холодный пот потек по моей спине, меня зазнобило, руки и ноги затряслись. Мне понадобилось несколько минут, чтобы взять себя в руки. Я долго себя уговаривала, что все хорошо, ведь я смогла выбраться из сарая, значит, смогу и убежать, найти людей и позвонить в полицию. Полиция....

Полиция, звонить туда страшно, ведь я не знаю, сколько статей мне «нарисовали», может уже приписали не только кражу, но и что-нибудь еще. Он может все, он страшный человек. Если ему надо будет, он закопает меня живьем, а может посадить на много- много лет в тюрьму, меня некому даже защитить. Кроме бабушки я не кому не нужна. Но старенькая бабушка не сможет заступиться за меня, у нее просто не хватит сил.

Мысли о бабушке привели меня в чувства, ведь ей тоже никто не сможет помочь, и она останется без меня в руках злых, бессердечных людей. Теперь я поняла, что мое спасение в моих руках и только в моих, и в моих силах помочь себе и бабушке.

Это просветлило мои мысли. И я вспомнила правила ориентирования на местности, недаром же я в детстве прочла столько книг. Только вопрос куда идти, в какую сторону, где дороги, люди. А если по моим следам пустят собак....Ладно я смогу сориентироваться, найду дорогу, найду какой-нибудь населенный пункт, а что делать дальше....

Что делать дальше. Я в ловушке хитрого, расчетливого и жестокого человека, а еще он работает в полиции, он вычислит меня, если я выйду в город или населенный пункт, к его услугам будет вся наша доблестная полиция, мне никто не поверит. Я всего лишь девятнадцатилетняя девушка, без родителей, без денег, мне и адвоката не на что нанять, как быть?

Значит, мне надо не только выбраться, но и вступить в сражение с этими чудовищами.

Именно в этом мое спасение.

Глава 2 *Полина. Шесть месяцев назад.*

Моя приемная мама считает меня вечной неудачницей и неумехой. Даже профессию она выбрала за меня. Я любила рисовать, у меня хорошо получалась, и мечтала поступить в институт на факультет дизайнера, но мама мне не дала, сказав, что у меня нет ума и таланта, чтоб закончит это высшее учебное заведение. Поэтому окончив школу, я поступила туда, куда мне велели. И хотя все учителя говорили маме, что ее девочка очень талантлива, мама сказала, что мне хватит и среднего образования, для замужней женщины и так сойдет, ведь главное в семейной жизни уметь готовить и рожать детей. К слову она сама не то не другое делать не умела, готовила паршиво и совсем несъедобно,

родить ей тоже не удалось. Меня родила ее родная сестра, но так как сестра, со слов моей приемной матери, вела аморальный образ жизни, то ее лишили прав материнства, а меня удочерила моя нынешняя мама Ангелина Владимировна. А родная мама бросила меня и уехала, и от нее за мои девятнадцать лет не пришло ни одного письма. Где она и что с ней, никто не знает. Моя приемная мать очень боялась, что гены моей биологической матери проявятся и во мне, поэтому все силы бросила на мое правильное воспитание.

Меня с детства заставляли по 4–5 часов сидеть за уроками, затем еще часа два читать художественную литературу, в остальное время бабушка учила меня вышивать, вязать, шить и готовить. Мне некогда было гулять, да и не с кем, ведь подружек мне заводить было запрещено, они могли плохо на меня повлиять и научить дурному (что это такое это дурное, мама не уточняла). Так и выросла я закомплексованной и очень одинокой девочкой.

Когда я окончила школу, моя мачеха Ангелина сама выбрала мне профессию, сказав, что профессия фармацевта мне подойдет. Хотя ее доводы показались мне странными, главное, что фармацевт приучен к порядку, всегда в белом халате, на рабочем месте всегда чистота, работа в женском коллективе, значит, подцепить мужчину будет сложнее. Видимо и здесь боялись, что проявятся привычки моей биологической матери.

И вот, окончив колледж, я уже шесть месяцев работаю в аптеке фармацевтом. Не скажу, что работа мне нравится, но в принципе ничего плохого в ней нет. Я даже как то уже привыкла, у меня появились постоянные покупательницы — бабушки, которые зовут меня внученькой и навещают в аптеку в мою смену. Коллектив у нас подобрался веселый и молодежный. Ольга Леопольдовна — хозяйка аптеки, дама сорока лет с хвостиком, да две девчонки фармацевта Катя и Влада, они старше меня всего на год, молодые и разбитные. Когда выпадает свободная минутка, мне всегда интересно послушать рассказы девчонок, как они погуляли в выходные, от них я узнала, какой красочный и веселый мир за пределами моего убогого мирка, ограниченного домом и работой. А еще девчонки много рассказывают о своих друзьях, парнях, отношениях, то, что мне пока узнать, не дано. Слушая их, я испытываю чувство зависти смешанное с печалью, и понимаю, что время идет, а другая более интересная жизнь проносится мимо, словно моя жизнь — это поезд скучный и серый, а жизнь там за окном играет красками, богата событиями, но проносится мимо меня, дразня и маня.

После работы все свободное время у меня занимает дом, я прибираюсь в нашей огромной четырехкомнатной квартире, готовлю на нашу маленькую семью, бабушка совсем стала старенькой, и не может теперь стоять у плиты как прежде. А еще хожу в магазин покупать по списку продукты, стираю, глажу белье, и ремонтирую нашу с бабушкой одежду, мама не разрешает покупать новые вещи, считая, что это пустая трата денег, хотя себе она покупает вещи каждый сезон.

Теперь, когда у меня есть профессия и работа, мачеха решила меня выдать замуж.

Зачем? Это для меня остается самой большой загадкой.

Я не хочу замуж!

Глава 3 «Жених»

Моя мачеха Ангелина искренне уверена, что на такую как я не один мужчина без слез не взглянет, и надо радоваться, что хоть кто-то согласился взять меня в жены!!!!

А в жены меня решил взять не кто-нибудь, а любимый сынок маминой подруги — Витя. Мая мачеха раньше работала педагогом в школе лицея, преподавала литературу и русский язык, ее любимой подругой была Алла Семеновна Сидоркина преподавала в той же школе химию. Они были закадычными подружками еще со времен учебы в институте, у обеих не сложилась семейная жизнь. Алла Семеновна вышла замуж рано, ещё в институте после первого курса, сразу родила, но семейная жизнь не задалась, муж ее бросил и сбежал к любовнице, а моя мачеха так никогда и не выходила замуж, видимо сложно мужчинам с авторитарными женщинами. Ангелина растила и воспитывала меня, свою приемную дочь, а ее подруга — сына Виктора. Видимо когда то они между собой договорились, что поженят своих деток. А сейчас решили воплотить это решение в жизнь.

Уж кого, а Витька я знала с детства, когда он еще был прыщавым, худосочным подростком, сутулым, с некрасивыми кривыми зубами и длинными передними резцами, что делало его похожим на крысу, он был старше меня на 3 года.

Каждый праздник мы отмечали в одной и той же компании с Аллой Семеновной и ее сыном. В детстве я его терпеть не могла, мальчишка мог запросто исподтишка толкнуть меня, уколоть булавкой, дернуть за косичку, сделать много других гадостей. Но Витюшу, как звала его маменька, никогда не наказывали, ведь он очень хороший и воспитанный мальчик. Он читает наизусть стихи, всегда опрятен, учтив, целует подругам мамы ручки при встрече, подает маме пальто и туфли. А я всего лишь какое-то несуразное существо, которое воспроизвела на свет распутная мамаша, поэтому априори я всегда неправа, и наговариваю на бедного мальчика. А когда я давала сдачи подлому обидчику, то меня могли на весь вечер поставить в угол и оставить без сладкого. И тогда подленький мальчишка, пока никто не видит, брал со стола кусок сладкого пирога, приходил в комнату, где я стояла в углу, и с садистским наслаждением поедая его, заставляя меня давиться слюной.

Может маман и выбрала мне жениха, но, вспоминая наше детство, выходить за него замуж я не собиралась.

К тому времени Витек уже закончил экономический факультет института и работал младшим клерком в банке. На самом деле был на побегушках у менеджеров, распечатывал для них договора, раскладывал по папочкам, иногда его садили на телефон, отвечать на звонки, но чаще всего он стоял у банкоматов и как попугай спрашивал каждого встречного: Чем я могу вам помочь. Зарплату он получал мизерную, но его маменька всегда говорила, что его в банке все уважают и начальство продвигает его по службе.

В остальном ничего не поменялось, он, как был маленьким худосочным маменькиным сыночком, так и остался им, мальчиком с блеклыми, бесцветными глазами, прилизанными русыми волосами, разве что с лица сошла угревая сыпь, оставив после себя ямы, похожие на минное поле. Витек так и остался с подругами мамыши учтив, до тошноты слащав, и угодлив.

На все мои слова, что я не хочу замуж за Витьку, мама Ангелина отвечает, что меня такую страшную никто замуж не возьмет, поэтому надо хвататься двумя руками за такую выгодную партию. Наши мамыши решили заранее все спланировали и решили, что после свадьбы мы будем жить у нас, так как у нас большая четырехкомнатная квартира, что досталась нам от деда профессора, а летом ездить на дачу к Сидоркиным. И я понимаю, что как прежде буду прислугой в собственном доме с довеском в виде противного Витьки, а летом еще и прислугой и садовым работником у семьи Сидоркиных. Каждый раз на почве замужества у нас с мамой скандал.

Я не понимала и не принимала решение Ангелины, не понимала, почему должна так торопиться со свадьбой, ведь мне всего девятнадцать лет, и мне странно было принять такое решение, выйти замуж за противного и ненавистного Витьку.

А мамыши уже распланировали нашу семейную жизнь. И все это меня совсем не радовало. Ох, не так я представляла свою жизнь. Мне хотелось приключений, ярких событий, путешествий, хотелось поступить в институт и стать тем, кем всегда мечтала — дизайнером. А не жить вечной «Золушкой», в услужении у злой мачехи. Имея в качестве довеска к мачехе еще и противного Витьку.

Мир так велик и так прекрасен, и мечтала посмотреть его.

Поэтому я готовила план!

Свадьбу планировали сыграть летом, поэтому на составление и воплощение плана бегства в запасе у меня оставалось полгода.

Глава 4 «Жених» (продолжение)

Сегодня суббота, у меня выходной, но поваляться мне не дали, маменька в восемь часов утра влетела в спальню и устроила мне взбучку. Оказывается, к нам в гости придет Алла Семеновна с сыном, поэтому нужно приготовить достойный обед, еще прибраться в квартире, чтоб не было стыдно перед подругой, и не забыть погладить маменьке парадно выходное платье. А вечером они с Аллой Семеновной идут в театр, и надо остаток вечера развлекать Витьку, чтоб он не заскучал. Чувствую себя Золушкой, только нет у меня злых сестриц, а есть одна злая мачеха.

Чертыхаясь, я сползла с кровати и потащила в ванную. Кое-как умывшись и причесавшись, иду за пылесосом и тряпкой. Битых два часа навожу марафет в нашей огромной квартире. Потом еще час натираю мастикой пол в гостиной. И бреду на кухню, на столе меня ждет меню обеда. И снова по кругу, чищу, режу, смешиваю, запекаю.

Чувствую себя Золушкой, только не хватает очага, из которого нужно выгребать золу, да чугунков, которые надо чистить. Полдня пробежало незаметно.

И в два часа слышу звонок в наши двери. Гости на пороге. Иду переодеваться. Сквозь тонкие двери своей спальни слышу басистый громкий голос Аллы Семеновны и слащавый — Витька. Витек как всегда сыплет комплементы, шуршит бумага, видимо, как всегда, приперся с очередным пошлым букетом из хризантем, купленных на распродаже, звуки лобызаний, как же не облюбовать ручки любимой будущей теще.

Из прихожей доносится крик маменьки: Полина, к тебе пришел гость, выйди поздороваться.

А потом гостям: Дикарка она у меня, не культурная, никогда не умела встречать гостей, всему надо учить.

Я жду, когда гости разденутся и пройдут в зал, только после этого вынырываю из своей спальни.

В зале уже накрыт стол, расставлен фамильный фарфор и разложены серебряные приборы. Гости восседают за столом, дородную Аллу Семеновну мама посадила от себя по правую руку, рядом пристроился Витек, весь такой прилизанный, слащавый, крысиная мордочка выражает крайнюю степень подобоострастия, от него за километр несет противным одеколоном.

Я вхожу, быстро здороваюсь и сажусь по другую сторону стола.

— Ну, что ты, Полина, как неродная, садись рядом уже с Виктором, как-никак скоро будете мужем и женой, — начинает маменька.

— Мне и тут хорошо, — упорствую я.

Положение спасает бабушка, которая плюхается на стул рядом с Витькой со словами: Ну, хоть между молодыми посижу, вдруг сама помолодею....

— Мама, могла бы к столу и не выходить, мы бы принесли обед к тебе в комнату!

— Зачем, Ангелинушка, я еще сама хожу, вот когда слягу, тогда и ухаживать за мной будете.

Лицо Ангелины скривилось, но при гостях послать мать она не решилась, держала лицо.

Время обеда пролетело быстро, бабушка задремала в кресле, к пяти дамы начали собираться в театр. Перед уходом они долго читали лекцию нам с Витькой, чем мы должны заниматься, и как я должна развлекать гостя. И ушли, пожелав нам приятного время проведения, оставив за собой шлейф дорогих духов. А Витька остался ждать возвращения своей маман из театра, ведь кто-то должен ее проводить до дома поздно вечером. Упитанная Алла Семеновна боялась нападения хулиганов, как по мне, так это хулиганам надо бояться ее, одним ударом кулака череп снесет, а вот Витька ей точно был не помощник, так как от природы был труслив и тщедушен.

Только захлопнулась за ними дверь, я встала и пошла в свою комнату, на ходу бросила Витьку.

— Ну, ты тут не скучай, развлекайся.

— Ты куда, — удивленно вскинулся Витька, видимо уверовав, что его сейчас тут будут обхаживать. — Ты должна мне устроить развлекательную программу.

— Может, кому-то я должна, но точно не тебе.

— Я все расскажу Ангелине Владимировне, — не отступал Витек, преграждая мне пути отхода.

— Давай, ябедничай, я то думала, что ты взрослый мальчик, — с насмешкой сказала я, легко обходя препятствие в виде мелкого, худосочного Витька, которого я была на полголовы выше, и, зайдя к себе в комнату, громко хлопнула дверь. Устроилась на своем диванчике с книжкой в руке, открыла ее и зависла, мысли всякие в голове крутятся, и не могу сосредоточиться на сюжете книги. А тут еще Витька ходит за моей дверью и громко сопит.

Через некоторое время дверь тихо скрипнула, и он вошел в мою комнату.

— Надеюсь, я тебе не помешал, — начал он разговор.

— Помешал, но это, думаю, тебя не остановит.

— Я тут подумал....

— А ты что, еще и думать умеешь, я думала, что это за тебя маменька делает.

— Не ерничай, — Витька нахохлился, и взгляд его стал недобрый. — Я тут подумал, а чего нам с тобой тянуть, все равно скоро поженимся, давай займемся сексом, совместим полезное и приятное.

— Ты случаем не перегрелся, — начала было я, но заметив, что Витька стал подкрадываться ко мне, быстро соскочила с дивана, и забежала за письменный стол, перегородив ему дорогу стулом.

Витька изобразил на своем лице глумливую ухмылку.

— Мне нравятся девушки, которые сопротивляются, давай поиграем, — при этом он хищно оскалил мелкие, как у хорька зубки, и начал расстегивать ремень на своих брюках.

— Ээээээ, Витя, ты иди лучше телевизор посмотри, там как раз сейчас идет твоя любимая передача «спокойной ночи малыши», — пытаюсь вразумить «секс гиганта», а сама ищу рукой на столе предмет потяжелее.

— Иди ко мне моя дикая кошечка, твой мужчинка заждался, — начинает он противным слащавым голосом, облизывая тонкие синюшные губы, но тут что-то пошло не так, после этих слов с Витька падают штаны, и я вижу семейные трусы в цветочек, трусы огромные, еле держаться на его тощих бедрах. Витькина рука уже нырнула в это цветочное безобразия, видимо чего-то там ища, при этом он делает шаг ко мне, путается в своих упавших брюках, запинаясь и с грохотом падает на пол.

Я давно так не смеялась, просто трясет от смеха, у меня даже слезы текут, я начинаю икать от смеха, а Витька весь красный как рак, путаясь в штанах, ползает по полу у моих ног, и никак не может встать. Наконец ему удается выпутаться из брюк, нахохлившись, с презрительной гримасой на лице, он встает и идет к дивану, отворачивается от меня и натягивает брюки на свою тощую задницу.

Приведя себя в порядок, говорит: Надеюсь на твое благоразумие, маме ты не будешь рассказывать об этом инциденте.

Я прыскаю в ладошку и киваю, у самой по щекам слезы от смеха текут.

Витька, видимо собрав всю оставшуюся гордость, величественным шагом удаляется из моей комнаты.

Закрыв за ним дверь на ключ, у меня появляется возможность посмеяться вволю. Теперь и мне есть, что рассказать девчонкам на работе.

За весь вечер мы больше не общались, он сам нашел себе развлечение, и ко мне с всякими скабрёзными предложениями не приставал.

Когда пришли наши маменьки и спросили, хорошо ли мы провели время, мы дружно закивали головами как китайские болванчики.

Глава 5 *Еще один жених, или случайная встреча.*

Вот и кончились выходные, я снова бреду на работу, ох, недаром маменька мне говорит, что спотыкаюсь на каждом шагу, неуклюжая, рассеянная. Пока шла до аптеки и смотрела под ноги, не заметила спешащего навстречу мне мужчину. И тут я поскальзываюсь, падаю прямо ему в ноги, сбивая его, мы дружно ойкаем, а он не успевает вернуться и всем весом падает на меня.... Ой, ой, ой, так не ровен час и можно кости переломать....

— Ой, простите, — пишу я, придавленная чужим телом.

— Ну, что вы, девушка такая неуклюжая то, — пропело баритом тело, пытаясь подняться. Минут через пять активного ползания на корячках ему это удалось, и вот прямо передо мной стоит мужчина отряхивается и протягивает мне руку. Солнце бьет в глаза, я почти не вижу лица. Хватаюсь за руку и принимаю вертикальное положение, шапка съезжает на глаза, я не могу его разглядеть. А он что-то успокаивающее мне говорит своим красивым баритоном, поправляет на мне шапку. Ну, вот и он!

— Ну, здравствуйте, девушка. Как хоть вас зовут, красавица? — передо мной стоит высокий мужчина лет 35–37, его можно было бы назвать красивым, светлые чуть-чуть с проседью волосы, брови в разлет, жесткая линия губ, модная легкая щетина с признаками ухоженности, глаза серые, я бы сказала стального цвета. Только вот его глаза какие-то холодные, как будто стеклянные. Он мило улыбается, а глаза смотрят настороженно, внимательно, будто он изучает меня под микроскопом.

— Зззздравствуйтеееее, — блею я. — Полина.

— М, Полина, красивое имя, что-то лицо мне ваше знакомо? Фамилию не скажите?

— Казакова.

— Казакова? Казакова? Племянница Ангелины Владимировна?

— Да, — снова блею я.

— Полиночка, так мы с вами знакомы, помните, мы встречались на юбилее университета, вы тогда с бабушкой приходили и Ангелиной, еще вашего деда вспоминали. Хороший был ректор.

Я начинаю припоминать события почти пятилетней давности, когда еще школьницей Ангелина потащила меня в стены alma mater, своего родного университета. Был большой банкет, вспоминали нашего деда, что возглавлял университет больше десяти лет. Ангелина была еще в сногсшибательном алом платье, вся увешанная бриллиантами. И точно помню, что к нам подходил какой-то молодой человек, который долго и горячо о чем-то спорил с Ангелиной, но его я не запомнила, была мала, и очень увлечена разглядывая новую для себя обстановку, ведь меня почти никуда не водили.

— Я мала была, плохо запомнила, — оправдываюсь я.

— О, ну ничего, а я очень хорошо знал вашего дедушку, он часто бывал у нас в гостях, ведь моя мама была его секретарем почти 10 лет.

— Рада за вас, а я дедушку не помню, он умер, когда мне было всего год.

— Ну, это не мешает нам подружиться, — и он протягивает мне руку. — Меня зовут Станислав Серебряков. Можете звать меня просто Стасом.

— Приятно познакомиться, но извините, я спешу, мне на работу надо, — я пытаюсь бочком обойти Стаса, но не тут то было.

— А давайте я вас провожу, Полина, — Стасик упрямо гнет свою линию.

— Ой, не надо, тут уже совсем не далеко.

— Ну, с вашей неуклюжестью (тут он просто повторил слова Ангелины), вы можете опять упасть, там и до травмы недалеко, уж лучше я провожу вас, — Стасик настойчив, и мы идем в сторону аптеки.

В последний момент я быстро взбегаю по ступенькам крыльца и просто влетаю в двери аптеки, на бегу крикнув, — Спасибо, я уже пришла.

В подсобке аптеки выдохнув, переодеваюсь в белый халат, поправляю волосы и выхожу в зал. И охаю от неожиданности. Стас стоит в торговом зале аптеки.

— Думала убежать от меня, а вот и нет, — он смеется, но почему-то глаза у него по-прежнему остаются холодные.

— Да, я и не думала, — смело отвечаю я, чувствуя себя за прилавком в безопасности.

— Ты не пугайся, Полина, я ведь просто хотел проводить красивую девушку. Может, телефончиками обменяемся на всякий случай.

— У меня нет телефона, — нагло вру я.

Как представляю, что Ангелина найдет в моем телефоне чужой номер и устроит мне очередную головомойку, так по спине бежит холодок. Уж что-то, а вот промывать мозги Ангелина научилась, иногда с промыванием мозгов могла и рукой приложить так, а рука у нее тяжелая, что потом от затрешины голова болела неделю.

— Ну, ладно, может быть, еще увидимся, — говорит Стас на прощание и выходит из аптеки.

Тут же подсакивают девчонки, мои подруги по аптеке Катя и Влада.

— Ой, кто у нас тут красавчика подцепил? — начинает Влада.

— Влад, ну не цепляла я его, просто шла по улице, упала, он помог подняться, оказалась, что знакомый моей мачехи.

— Да, ладно, Полин, вот так просто на улице не каждой девушке будут помогать, можешь хоть десять раз упасть, поверь мне, — вступила в разговор Катя.

— А мужик то ничего такой, интересный, высокий, красивый, — опять влезла в разговор Влада.

— Девчонки, ну что пристали, просто проводил, говорит, что знакомый Ангелины, да и не помню я его совсем, — я почему-то начинаю оправдываться.

— Ой, да ладно, все лучше, чем твой женишок Витек, еще тот зануда, — продолжает Влада.

— Фу, твой Витек и правда препротивный, цепляй лучше кого-нибудь другого, — добавляет Катька. — Чем этот плох, взрослый интересный мужчина, наверное, обеспеченный, вот я бы такого не упустила.

— Да, одет клево, одно пальто две или три тысячи долларов стоит, — вторит ей Влада. — Я таких мужиков за версту чую, один парфюм чего стоит.

— Полинка, тебе надо ноги в руки и окрутить такого мужика, вот и от Витьки избавишься, — Катька не отступает.

Ох, если бы они знали правду, да если бы моя воля, никого не хочу окрутить, просто уехала бы отсюда далеко, далеко. Давно бы уже унесла отсюда ноги, сбежала бы без оглядки, даже бы вещи не взяла, но, есть одно важное «но», у меня нет паспорта, и нет денег, Ангелина держит паспорт и мою зарплатную карточку у себя в сейфе, а без паспорта никуда, да и без денег далеко не уедешь. Вот и приходится терпеть мачеху, Витька с его маманей, напоминающую очертаниями баржу.

Но и Стас мне с первого взгляда не понравился. А еще он вспомнил деда, именно дед, как сказала моя бабушка, отобрал меня у мамы, после его смерти меня воспитывает Ангелина. Я не знаю, и мне никто не говорит почему, но моей родной мамы нет со мной рядом, почему она позволила меня забрать, почему не стала за меня бороться. Я не знаю всей этой истории, но так хочется разобраться. Слова Стаса о деду только еще больше всколыхнули мои детские воспоминания, когда я каждый день ждала, что мама появиться на пороге и заберет меня из этого ужасного дома.

В нашей семье я любила только одного человека — бабушку, только она защищала меня от Ангелины, и только она любила и жалела меня.

Глава 6 Жених номер два

Не прошло и недели, как на крыльце аптеки вновь материализовался Стас.

— Здравствуй, Полина, — пропел он своим мягким приятным баритоном.

— Здравствуйте, Станислав, зачем пожаловали, может, хотите гематоген, у нас сегодня свежий привезли, — язвлю я.

Не, конечно Станислав лучше Витька, вон какой импозантный, высокий, статный, в дорогом кашемировом пальто, русые волосы чуть-чуть тронула седина, совсем незаметно, благородный профиль, сегодня у него модная маленькая бородка. Вот только глаза прозрачно — серые, как подтаявший весенний лед, не излучают тепла, они заглядывают мне в душу и ощупывают ее холодными пальцами. Почему-то меня напрягает его внимание к моей скромной особе. Что-то есть неприятное в его кривоватой улыбке и холодных льдистых глазах. Ему далеко за тридцать, а мне и двадцати еще нет, и для меня он слишком какой-то взрослый, слишком уверенный в себе, властный, но если выбирать из двух мужчин, то он на много приятнее Витьки.

Поэтому я не отказала ему, когда он предложил проводить меня домой.

Мы идем с ним до дома медленно, разговариваем на разные темы, удивительно, но он оказался интересным собеседником, начитанным. Он знает так много о живописи, бывал в разных картинных галереях Европы, даже в Америку летал на некоторые выставки, его познания просто потрясающие. Через час мне уже с ним легко, и просто беседовать, я не испытываю к нему отторжения. Как будто я его знаю много лет. Мы прощаемся на входе во двор, мне пришлось объяснить Стасу, что не хочу, чтобы Ангелина заметила меня с мужчиной, в этом случае она обязательно устроит скандал. Стас давно знает Ангелину и соглашается со мной.

С этого самого дня, он часто приходит к аптеке, и провожает меня до дома. Лед между нами начинает таять, но чувств, про которые рассказывают девчонки, у меня к Стасу нет, вот просто хороший знакомый, собеседник и не более. Девчонки утверждают, что чувства — это как фейерверк внизу живота, когда внутри тебя взлетают бабочки и щекочут тебя своими крылышками, это эмоции через край. А тут все буднично, если бы он не пришел, то я бы, наверное, даже и не заметила.

Мне с ним просто интересно, каждый день он рассказывает мне что-то новое, то о прочитанной книге, то о картине. А еще Стас сказал, что оказывается, мой дедушка был коллекционером картин, его во времена советского союза очень хорошо знали в среде коллекционеров, и очень уважали.

— А где сейчас эта коллекция?

— Не знаю, Полина, я думал, что ты мне расскажешь, очень хотелось бы посмотреть на коллекцию твоего деда.

— Я выросла в квартире деда, но картин никогда не видела.

— Может, стоит спросить у твоей тети?

— Ой, нет, вот кому-кому, а маму Ангелину лучше ни о чем не спрашивать.

— Полин, у меня создалось впечатление, что ты боишься ее?

— Давай не будем об этом, я не боюсь, не хочу ее огорчать.

Стас на какое-то время замолчал, потоптался и вдруг спросил, — Полина, а если я тебя позову замуж, ты согласишься?

У меня чуть челюсть не упала.....

И этот туда же. Ещё один жених на мою бедную голову...

И что я им медом намазана, почему это вдруг уже двое меня замуж приглашают...

— Стас, но мы почти не знаем друг друга? — я растерянно смотрю на мужчину.

— Я, конечно, понимаю, что очень спешу с таким предложением, но вижу как тебе плохо в твоей семье, я могу забрать тебя к себе, и все будет хорошо. Мы можем не спешить со свадьбой, когда ты будешь готова, тогда она и состоится.

— Спасибо, Стас, за такое предложение, но..... — ответить Стасу не успеваю, так как краем глаза вижу, что к нам на всех парах несется Ангелина, волосы от бешеного темпа растрепались, лицо красное, из ноздрей валит пар, она больше похожа на огнедышащего дракона.

У меня кожа покрылась от страха мурашками. Разъярённая буйволица в лице Ангелины, подлетев к нам, хватает железной хваткой меня за локоть и резко дергает на себя.

— Тебе чего от нее надо, — почти выплевывает слова, глядя на Стаса.

— И вам здравствуйте, Ангелина Владимировна.

— Я еще раз спрашиваю, чего тебе от нее нужно?

— Ангелина Владимировна, Полина взрослая девочка, а взрослые девочки иногда встречаются с мужчинами.

— Пошел вон! — визжит Ангелина. — Чтоб я тебя даже близко возле нее не видела.

Она разворачивается, и пытается утащить меня за локоть, но в это время Стас ловит меня за другую руку и резко дергает на себя, я чувствую себя тряпичной куклой, которую сейчас разорвут в клочья.

— Полина, ты взрослая уже, нельзя разрешать так с собой обращаться, — Стас пытается притянуть меня к себе и заглядывает мне в глаза, я чувствую, что он хочет, чтобы я прямо сейчас приняла решение, но я не могу...

— Мы уходим, Полина, живо домой, — кричит Ангелина, я и опускаю глаза и делаю шаг к Ангелине.

Да, я понимаю головой, что, наверное, Стас лучше, чем Ангелина и противным Витька. Но я так устала, что все принимают решение за меня, и пытаются заставить меня делать то, что нужно им. Иногда мне уже кажется, что меня нет, только оболочка, кукла — марионетка, окружающие просто дергают за ниточки, и у меня дергаются руки и ноги. И уступи сейчас я Стасу, я снова стану марионеткой, но уже в руках опытного взрослого мужчины, и снова потеряю себя. А мне так хочется сделать то, о чем мечтала! И я снова делаю шаг в сторону Ангелины.

Дома меня ждет головомойка, но к этому я привыкла. Ангелина орет, топает ногами, бьет по лицу, но если абстрагироваться, то экзекуцию можно пережить. Не в первый раз и не в последний. Я с детства привыкла все эмоции держать в себе, и не провоцировать мачеху на агрессию. Ходить по дому тихо, как мышка, не досаждать вопросами, не приставать с просьбами, делать все быстро. Годы жизни с Ангелиной выдрессировали меня, ведь не всегда за меня могла заступиться бабушка.

— Как давно ты встречаешься с этим мужиком? — орет Ангелина.

— Он просто проводил меня после работы, — пытаюсь оправдаться я.

— Ты с ним спала? — снова не отстает Ангелина.

— Спать я домой прихожу.

— Не ерничай, я тебя о другом спрашиваю.

— Он просто проводил меня домой.

— И давно он тебя домой провожает?

— Нет. Мы встретились недавно.

— Недавно! И уже командует! Что ты мне заливаешь? Не надо мне врать, — орет Ангелина, брызгая слюной.

— Я не вру, мы даже не друзья.

— Не друзья! Так в постель друзей не кладут, твоя мать — девка гулящая, тоже не с друзьями спала и нагуляла тебя, а мне теперь тебя воспитывай!! С этого дня тебя будет встречать с работы Витька, и не дай бог, я увижу возле тебя этого Стасика! — кричит Ангелина.

— Не говори ерунды, Ангелина, не была ее мать девкой гулящей, не придумывай, — прерывает ор Ангелины бабушка, она давно уже болеет и редко выходит из своей комнаты.

— А кем она была? — кричит та.

— Она была хорошей, доброй, просто жизнь у нее так сложилась.

— Ты вечно ее большего всего любила, вот и получила...

— Не ври, Ангелина, ты правду знаешь, не надо лгать, — бабушка впервые так жестко ответила Ангелине, что само по себе было очень странно.

Мне так и хотелось сказать им: А вот с этого места поподробнее? Что-то много тайн развелось в нашей семье.

Но Ангелина вдруг перестает ругаться, быстро спохватилась и убежала к себе.

И мы уходим с бабушкой в ее комнату. Я хочу ее расспросить, но бабушка молчит, как воды в рот набрала. Что же все-таки произошло в нашей семье, что я осталась у Ангелины — женщины, которая меня не просто не любит, а — ненавидит.

Я уже так привыкла получать от Ангелины, даже не плачу, просто привожу себя в порядок, расчесываю косу и снова заплетаю, да мажу мазью от синяков места, куда она ударила. Не охота на работе отсвечивать синяками.

В моей голове, словно в котле, все варятся мысли, они мне давно не дают покоя, но ответы на них я никак, ни от кого не могу получить. Почему бабушка заступилась за свою младшую дочь, и не дала порочить ее, почему она так сказал, в чем секрет? Почему Ангелина так боится подпускать ко мне парней, и дело тут даже не в том кем была моя мать или все считают, что была? Дело тут в чем-то другом, она просто охраняет меня как цербер. Почему то охраняет от всех, и заставляет выйти замуж за Витьку? В моей и без того странной истории жизни появляется еще один пунктик, на который я хочу найти ответ.

Глава 7 Расплата

На работе все участливо заглядывают мне в глаза, синяков избежать не удалось, даже профессиональный макияж от Катьки не помогает. Катя и Влада сначала долго пытались вытящить из меня подробности, но натолкнувшись на мое нежелание что-либо рассказывать, быстро отстали. Только хозяйка аптеки Ольга Леопольдовна участливо вздыхает, глядя на меня, и все пытается накормить чем-нибудь сладеньким.

Я привыкла к этим участливым взглядам, с детства чужие тетеньки жалостливо смотрели на меня, и все старались угостить конфеткой. Когда я подросла, я старалась избегать расспросов, жалости, я спрятала свои чувства в кокон, и только иногда, когда никого не было рядом, я рыдала в подушку тихо, почти беззвучно, пытаюсь выплакать свое горе и одиночество.

В перерыв вновь появился Стас, хорошо я заметила его издалека, и быстро сбежала в подсобку, разговаривать не хотелось, да и объяснять, что произошло после его ссоры с Ангелиной. Он ничем не мог помочь мне в моей ситуации, да я и не хотела принимать его помощь. Ведь принять от него помощь, значит выйти из-под контроля одного монстра, и не факт, что Стас окажется лучше. Уж слишком холодный у него взгляд, Слишком часто он говорит в приказном тоне, столько властности в его голосе. Не хочу быть больше игрушкой в чужих руках.

Вечером в конце смены приковылял Витька. Как всегда напояженный, одетый в одеколоном несет за версту, на новых брюках стрелки наглажены так, что ими порезаться можно. Мне его мамаша все время талдычит, чтобы я научилась гладить и стирать одежду вручную, ее сынок должен одевать каждый день свежее и выглаженное, и делать все должна я своими руками, а не в прачечную носить. Как по мне, шли бы они от меня куда подальше...

— О привет, вижу, вы опять с Ангелиной Владимировной что-то не поделили, или кого-то? — ехидно начал разговор Витька, а у самого глазки мышинные заблестели от удовольствия.

— Ты чего пришел? — зло ответила я.

— Так это Ангелина сказала тебя с работы встретить и домой привести, — бросив на меня сердитый взгляд, ответил мне Витька. — Так бы не пришел, вот надо было мне уставшему, после рабочего дня по доброй воле тащиться за тобой в аптеку.

— О, кто тут у нас пришел, — язвительно пропела Катя, выходя в торговый зал.

— Катерина, добрый вечер, вы как всегда прекрасны, — глазки Витьки залоснились, он плотоядно облизнул свои синюшные губы.

— Ой, не растекайся комплиментами, не пройдет твой подкат, я с мужчинками, с которых штаны сваливаются, не гуляю, — бойко ответила на подкат Катерина.

Витька зло стрельнул в меня глазами, но я обещала не рассказывать его матери и Ангелине про наш инцидент, а вот девчонкам расписала все в красках.

— Ну, что вы, Катерина, у меня вот невеста есть, с другими девушками я не гуляю, — с этими словами Витька театрально закатил глаза.

— Ха, невеста, я бы вот за такого хоряка никогда бы в жизни замуж бы не вышла, — съязвила Катя.

— Так я замуж и не предлагаю, — Витька оценивающим взглядом окинул Катю с ног до головы.

— Витенька, ты слишком тщедушный, не в моем вкусе, — парировала Катя и, вильнув попой, уплыла из торгового зала, оставив Витьку «кусать локти» да капать слюной на кафель.

Мы остались одни. Витька посмотрел на меня с неприкрытой злостью.

— Ну, мы уже идем домой, я отдохнуть хочу после работы, — взгляд его сквозил холодностью и презрением.

— Пошли уже, жених... — я тоже сказала это с пренебрежением, моя язвительность его не задевала. Мы тихо друг друга ненавидели.

И вот в этом то и была странность, мы не испытывали друг другу чувств, а чаще всего друг друга просто ненавидим, делаем друг другу гадости, у нас не было никогда перемирия, и даже дружеских или приятельских отношений, и это у нас с детства. Тогда почему так спешат со свадьбой наши мамы? Что скрывается за этой

поспешностью? И почему согласился на этот брак Витька, ведь и ему это не доставляет удовольствия? А может, я чего-то не знаю?

Когда мы вышли из аптеки, был уже поздний вечер. Март. На улице было ветрено, сыро и холодно. Снег подтаивал днем, а вечерами замерзал в ледяную корку. Освещение на улице работало плохо, и домой приходилось идти в потемках, осторожно ступая по обледенелым дорожкам.

Витька как всегда шел впереди, засунув руки в карманы. Я семенила сзади, обувь у меня была демисезонная (Ангелина сказала, что до работы идти не далеко, зимы теплые, обойдусь и без теплой обуви), с тонкой скользкой подошвой, мне приходилось просто виртуозно махать руками и перебирать ногами, чтоб не растянуться в очередной раз на тонком льду.

Но что-то опять пошло не так, и в очередной раз, вскрикнув, резко взмахнув руками, я падаю почти плашмя на заледеневшую дорогу. В последний момент у самой земли чьи-то сильные руки меня подхватывают сзади и ставят на ноги. Я оглядываюсь и понимаю, что этими руками, были руки Стаса. Оооооооооо, теперь скандала не избежать.

— Мужик, ты чо к моей девушке пристаешь, — Витька зло смотрит на моего внезапного спасителя.

— Ты бы лучше бы за своей девушкой смотрел, так бы упала и что-нибудь себе сломала.

— Мужик ты чо попутал, — Витька становится похож на маленького драчливого бойцового петуха, волосы топорщатся, куртку расстегнул, чуть привстал на носочки, ну, прям сейчас, в бой ринется, если бы я не знала, что Витька паталогически труслив, то, наверное, поверила бы.

— Полина, с тобой все хорошо, — Стас игнорирует Витьку.

— Да, все хорошо, Стас, — я стараюсь повернуть голову сторону, чтобы были незаметны мои синяки.

— Вы чо? Знакомы? — кажется, до Витьки дошло...

— Виктор, познакомься, это Стас — давний знакомый Ангелины, — я говорю тихо, а в голове уже прокручивается сценарий экзекуции от Ангелины на сегодня.

— Это тот хмырь, с которым тебя Ангелина застукала? — да уж, Витька не способен на дипломатические переговоры.

— Полина, с тобой все хорошо, — и с этими словами Стас берет меня за подбородок и поворачивает мою голову к свету. — Кто с тобой это сделал?

Ну, вот сейчас начнется...

— Это сделал этот придурок или Ангелина?

— Как ты смеешь меня так называть, — Витька снова как петух подпрыгивает, растопыривает руки, прям вот сейчас, в бой кинется, но остается стоять на месте.

— Стас, уже поздно, мне пора домой, — я отстраняюсь и делаю шаг назад.

Он отпускает меня, хотя его глаза продолжают внимательно следить за мной.

— Спасибо, что помог, но не нужно больше приходить, — я стараюсь говорить убедительно. — Так будет лучше для меня.

Я снова делаю шаг назад, разворачиваюсь, беру Витьку под руку, и мы уходим.

Дома Витька первым делом рассказал все Ангелине, приукрасив конечно, выставив себя чуть ли защитником девушки от насильника. Слушать это было смешно, я уйду в комнату к бабушке. Странно, но Ангелина не спешит меня наказывать. Она прибывает в умиротворенном состоянии и даже идет пить чай с Витькой.

Я была в недоумении, почему так быстро поменялось ее настроение, почему она успокоилась. Иду к себе в комнату, слишком много сомнений в моей голове, слишком много мыслей, все как-то странно. Не могу объяснить поведение моей мачехи, а это меня очень напрягает. Если бы я знала, что готовит мне будущее....

Глава 8 *Знакомство с новым родственником*

С того памятного вечера прошло несколько недель, Витька еще неделю встречал и провожал меня, потом исчез, Алла Семеновна что-то подозрительно редко стала заглядывать к нам на чай. Стас приходит ко мне в аптеку каждый день в обед, здоровается и интересуется делами, но провожать больше не пытается. Все вернулось на круги своя...

Сегодня с работы пришла рано, обычно Ангелина уже дома сидит, но в квартире пусто и тихо. Бабушка как всегда дремлет в своей комнатке.

Я прошла на кухню, привычно уже надела фартук и начала готовить ужин.

Не прошло и часа, как входная дверь открылась и вошла Ангелина Владимировна, да не одна, а в компании с мужиком средних лет. Ангелина за собой следила, хоть и не была красавицей, в свои сорок с хвостиком выглядела хорошо и молодо, в отличие от Аллы Семеновны, сохранила стройную фигуру, роскошную шевелюру, а лицо поправляла у отличных пластических хирургов. Мужики за ней увивались постоянно, но домой она редко кого приводила, ее романы с мужчинами сводились к нескольким встречам. Мужчин Ангелина выбирать умела, это были всегда очень обеспеченные люди, мужчины с достатком и положением.

Поэтому было странно ее появление с таким субъектом, с очень посредственной внешностью, с одутловатым лицом алкоголика, вышедшего из долгого запоя, в помятом костюме а-ля фабрика Большевичка привет 80-тым, даже сквозь запах одеколона, от него чувствовался перегар.

— О, ты уже дома, вот познакомься, Полина, это Семен Петрович, мой мужчина, муж, мы будем жить вместе, — пропела нежным голоском Ангелина Владимировна, заглядывая ему в глаза. — А, это Полина, Семен, моя приемная дочь, я тебе про нее рассказывала.

Семен Петрович мазнул взглядом по мне, одобрительно хрюкнул, отвернулся и, сопя, начал стягивать ботинки.

— Давай я за тобой поухаживаю, — еще более слащаво пропела Ангелина, снимая с него пальто. — Поля, не стой столбом, на стол накрывай, Семен Петрович с работы, голодный.

Пока Ангелина копошилось в прихожей, Семен по-хозяйски прошел в зал, все окинул взглядом, осмотрел меня с ног до головы и глумливо улыбнулся, пока я расставляла тарелки на столе, он подошел сзади и шлепнул меня по пятой точке. От такого обращения я пришла в ужас, первая мысль моя была, ударить его по рукам, но столкнувшись с его взглядом, отпрянула. Глаза у него были как у наркомана — стеклянные, бесцветные, ничего не выражающие, взгляд холодный, наверное, так смотрят убийцы, перед тем, как выстрелят жертве в голову. Я втянула голову в плечи и быстро ретировалась из столовой.

Шум и разговор видимо разбудил бабушку, последнее время она стала плохо ходить, но видимо любопытство взяло верх. И на пороге гостиной материализуется бабушка старушка, божий одуванчик с выпученными глазами и открытым ртом, видимо шок от увиденного был сильнее чувства самосохранения.

— Ангелина, что за хмырь у нас в гостиной?

— Мама, что тебе не сиделось в комнате, ужин мы тебе туда подадим.

— Ангелина, еще раз спрашиваю, кто это такой?

— Это мой мужчина, мама, и мы сегодня расписались в загсе, теперь вместе будем жить, — отчеканила Ангелина.

— Ты, дочь, на старости лет совсем с ума сошла, что за пьянь ты домой притащила?

— Мама, это Семен Петрович он — майор милиции, никакая не пьянь, соизволь выбирать выражения.

— У, ну раз майор милиции. Где ж ты его подцепила, майора то такого, — продолжает язвить бабушка.

— Мы знакомы по работе, я периодически приезжаю к Семену Петровичу в отдел по делам несовершеннолетних, — чеканит слова Ангелина.

Весь диалог Семен Петрович сидит молча во главе стола, нога на ногу, буравя злым взглядом бабушку, чувствуя здесь себя хозяином. И от этого мне становится не по себе, по спине бежит холодок, и я понимала в этот момент, если он останется здесь жить, мне не поздоровиться, это не Витька, которого я легко могла отправить восвояси одним только взглядом.

Во время ужина все молчали, мы с бабушкой перекидывались красноречивыми взглядами, Ангелина глупо улыбалась и подкладывала на тарелку Семен Петровичу добавки, а тот молчал, жевал и лишь изредка отрывал взгляд от своей тарелки, чтоб окинуть нас с бабушкой холодным волчьим взглядом.

После ужина они с Ангелиной ушли в ее комнату и больше не выходили, чем они там занимались, мне было неизвестно. Но как-то тревожно было на душе, что с моим планом побега, ведь теперь у Ангелины есть майор милиции, удастся ли мне теперь от нее сбежать?

Глава 9 *Что делать? Нежданное знакомство*

Начало апреля. На дворе слякоть, с неба сыпется не то дождь, не то снег, холодный промозглый ветер. На тротуарах и дорогах наледь.

Бреду осторожно на работу. В голове снова и снова крутятся нерадостные мысли, я чувствую себя паршиво, моя серая жизнь и раньше была без проблесков светлого и хорошего, а сейчас, с появлением нового ухажёра Ангелины, так совсем стала серо-черная.

Пока Ангелина дома, Семен Петрович вел себя прилично, только изредка исподтишка щипал за попу. Но если дома не было хозяйки, мог похабно приставать, лапая меня за попу или грудь, поэтому большую часть времени, я сидела у себя в комнате заперев ее на ключ или у бабушки. Из-за этого стала не успевать делать домашние дела, поэтому постоянно получала выговоры от Ангелины, а ещё она любит читать нотации на тему морали какая я плохая дочь.

К этим часовым выносам мозга присоединяется Семен Петрович с его опытом проведения допросов, и тут совсем становится плохо. Последний раз он даже ремнем по ногам врезал, обозвав неблагодарной сукой.

Если раньше я подумывала, выйти замуж за Витьку, а потом сбежать, то теперь понимала, что это не выход. Ангелина меня контролировала очень строго, паспорт мой держала у себя, зарплатную карточку тоже, деньги на покупки выдавала строго под отчет, лишняя копейка мимо не проскочила. Выйдя замуж, я могла получить паспорт на руки, и сбежать. Иногда хозяйка аптеки Ольга Леопольдовна давала нам небольшие премии наличными деньгами, эти деньги я прятала и уже скопила небольшую сумму. Но сейчас меня это не спасет, майор милиции

езде найдет и достанет хоть из-под земли. Единственный выход бежать в другой город, но для этого у меня недостаточно средств. Мысли роятся, их много, но выхода я пока найти не могу.

И вот иду я на работу вся в своих мыслях, не замечая ничего вокруг, останавливаюсь на пешеходном переходе, жду, когда загорится зеленый, и тут ноги мои поскользываются, и я вылетаю вперед ногами на проезжую часть, боковым зрением вижу летящую машину и в ужасе закрываю глаза. Все конец, вот и выход из положения, проносится у меня в голове.

Визг тормозов. Слышу, как хлопнула дверка, остановившейся машины, и крепкие мужские руки меня поднимают в вертикальное положение и ставят на асфальт. У меня прямо дежавю.

— Тебе что, жить надоело, смотреть надо куда идешь.

— Ммммм, — я ничего кроме мычания из себя выдавить не могу, открываю глаза, и вижу перед собой мужское лицо, но сконцентрировать взгляд не могу.

— У тебя что-то болит, где? Покажи.

— Нееееет, ничего не болит, просто голова кружится, — блею я, поправляя шапку.

— Давай ка я тебя в больничку отвезу, там тебя посмотрят.

— Неааа, — снова блею я. — Мне на работу надо.

— А где ты работаешь?

— Тут близко, в аптеке, сама дойду.

— Я уже понял, как ты дойдешь. Давай ка довезу тебя.

И тут мужчина наклоняется ко мне, поправляет шапку и стряхивает с меня снег, и я вижу его глаза. Они синие, с длинными черными ресницами, таких красивых глаз я ещё не видела, в его глазах я тону безвозвратно. Да и где бы мне встретить такого мужчину, я даже в кино не хожу, а в аптеку к нам такие красавцы только за презервативами ходят, им не до нас, у них уже есть девушки.

— Что зависла, говори адрес работы, довезу, — он сердито сводит брови, и смотрит на меня своими синими глазами, что-то говорит, но слова до меня плохо доходят. И я тупо тычу пальцем в противоположный конец улицы и мычу, наверное, он решил, что я страдаю олигофренией, потому что берет меня за локоток и ведет к машине.

И вот я сижу в машине, повернув голову к водителю, смотрю на него и глаз оторвать не могу. Залипла. Запинаясь, называю адрес аптеки, и продолжаю пялиться на мужчину, разглядывая его, вижу только его профиль, но мне и этого достаточно.

Видимо он это списал на мой стресс, едем, он что-то спрашивает, о чем-то говорит, но я не слышу его, просто молча хлопаю глазами. В моем животе порхают бабочки, в голове ни одной мысли....

Конечно, девчонки мне рассказывали, что если мужчина сильно понравится, то я сразу это почувствую. Но у меня просто не бабочки, а — бегемоты какие-то, и сейчас табуны этих бабочек — бегемотиков просто топчет мое сердце...

Он лихо тормозит на стоянке перед аптекой, выходит первый, открывает мне дверь и подает руку. Я не привыкла к такой галантности, передо мной никто никогда дверь не открывал, даже когда я тащила тяжелые сумки с покупками домой, Витька мог идти рядом с пустыми руками и даже подъездную дверь не придержать.

Выбираюсь из машины, стараюсь не смотреть на мужчину и быстро семеню мимо в сторону аптеки.

— Девушка, вы мне так свое имя не сказали, — мужчина догоняет меня и преграждает мне дорогу.

— Полина, — мямлю я, задираю голову, чтоб лучше рассмотреть его, блин, вблизи он еще красивее.

— А меня Денис, вот и познакомились, Полина. Может, телефончик свой дашь, я вечером перезвоню и проверю, все ли с тобой хорошо, — продолжает Денис.

— Нет у меня телефона, — тут уже я пугаюсь, маман после той памятной встречи со Стасиком, проверяет мой телефон, если увидит чужой номер, тут уже ремнем не отделаешься.

Обегаю препятствие, в виде сердобольного мужчины, и несусь к аптеке, проклиная себя и свою горькую долю, в какой век встретила мужчину — мечты, который мне понравился, и должна убежать от него, как Золушка после бала, только тувельку не теряю, а голову. Успеваю, не опоздала. Захожу в зал, а там Катька и Ольга Леопольдовна в окно таращатся. Середина дня, народа ещё мало, видимо увидели, как я из машины выхожу, и прильнули к окну. Ну, все, сейчас не отстанут, пока не обсудят новость.

— Смотрю, тебя мужик интересный подвез, везет же тебе Полинка, второй раз такого красивого мужика отхватила, — Катерина закатила глаза, на губах играет улыбка, главная наша сплетница не могла пропускать столько эпичное мое появление на работе. — Я смотрю, тебе последнее время везет на мужчин.

— Давай, колись, где его подцепила, — тут же встряла Ольга Леопольдовна, хозяйка нашей аптеки.

— На дороге. Он меня чуть не задавил, когда я поскользнулась и упала, — мямлю я.

— Ой, я смотрю, у тебя сценарий не меняется: шла, упала, очнулась, мужчина, — смеется Катерина.

— Катя, у меня жених есть, свадьба скоро, какой мужчина.

— Да ты чего, Полина, совсем головой ударилась, где твой пришибленный и где такой красивый мужчина,

рядом не стояли, хватала бы и бежала, таких, как он, разбирают прямо с колыбели.

— Вот, вот, кто тебе сказал, что он свободен, может так, для развлечения и познакомился, — сама себя успокаиваю я. — Да и кто на меня посмотрит, не красавица ведь.

— Ну, ты и дура, Полина, ты себя в зеркало видела, да когда летом мы с тобой по улице идем, мужики головы сворачивают, у тебя же ноги от ушей, фигура как у модели, волосы вон какие красивые, мне бы такие параметры, все мужики бы мои были, — завистливо вздыхает Катерина.

Маленькая ростом черноглазая и бойкая Катя только для вида вздыхала, у нее у самой отбоя не было от кавалеров, один парень встречал ее с работы, и караулил, с другим она ходила в клуб или кафе, третий отбивал ее у второго ухажёра.

Ольга Леопольдовна и Катя ждали продолжения моего рассказа, но я повздыхала и принялась за работу. Видимо сегодня я действительно сильно головой ударилось, все мысли о красивом парне, никак не могу выбросить его из головы. Впервые у меня от взгляда мужчины перехватило дыхание, в животе запорхали бабочки, а сердце понеслось галопом. Ну что я за неудачница такая, вот даже поговорить с ним не могла. Сегодня у меня все валилось из рук.

В результате меня с работы отпустили пораньше.

Глава 10 Тайны «мадридского двора»

До дома добралась быстро и без приключений. Зашла домой тихо и сразу услышала в гостиной голоса. Заглянув, увидела всю компанию в сборе. Во главе стола, развалившись, в майке алкоголичке и трениках сидит Семен Петрович, справа от него как императрица в золоте и брильянтах восседает Ангелина, на другом конце овального стол — раскрасневшаяся, с блестящими глазами Алла Семеновна и ее сынок. Сынок, как всегда, прилизан, в костюме при галстукe и от него на версту воняет одеколоном, а Алла Семеновна в дорогом блестящем платье в обтяжку, что обтянуло ее безразмерные телеса, как оболочка краковскую колбасу, вся увешанная яркой бижутерией, похожая на престарелую проститутку.

Ну, прямо сбор во дворце императрицы Ангелины — великой и ужасной. И тут меня заметили, компания дружно поворачивает головы, и в их глазах я вижу презрение, пренебрежение, явилась Золушка в услужение королеве, сейчас будут подавать на стол.

— О, ты уже пришла, — окинула меня своим взором Ангелина. — Давай на кухню, пирогов нам сделай к чаю, и не стой тут.

— И кофе мне свари, а то надоело пить это пойло, — рыкнул мне в след Семен Петрович. Видимо опять налили чай, который он терпеть не мог.

Я подорвалась и побежала на кухню, тесто у меня стояло еще с вечера, нарезать начинку к пирогам — дело не долгое. Я быстро поставила на плиту турку с кофе, и схватилась за нож, руки привычно начали чистить, резать, шинковать, любила работу на кухне, самое главное не сидеть с ними за одним столом.

Кофе сварилось, я перелила его в кофейник и побежала в зал. При моем появлении все как то сразу замолкли, и странно переглянулись. Тут я поняла, что они что-то обсуждают и не хотят, чтобы я это слышала.

Я вышла из гостиной и прикрыла за собой дверь, но не плотно, оставив маленькую щелку. Пока пироги пеклись, я решила послушать, о чем идет речь.

— А вдруг заартачится и откажется, что тогда будем делать, — продолжила разговор Алла Семеновна.

— А что тут гадать, если откажется, поместим в больничку к одному доктору, он быстро сделает послушной, — глумливо усмехнулся Семен Петрович.

— В дурдом что ли? — взвизгнул Витек.

— Тихо ты, заполошный, — понизил голос Семен. — Ну, конечно, у меня везде свои доктора есть, посидит недельки две, а то и три, и выйдет шелковой.

— Потом недельку на даче, там посидит, отдохнет, там свежий воздух и дешевые натуральные продукты, — продолжила Ангелина. — А там мы с нотариусом подьемем документы подписывать.

Дальше слушать я не стала, вот это тайны мадридского двора, и что за странные документы, которые надо подписать с нотариусом, и кого они собираются отправлять в дурку и кормить таблеточками? Бабушку или меня? Может еще кого? Тогда кого? Вопросов становится все больше, а ответов я пока найти не могу.

От мыслей, что роятся в моей голове, не слежу за временем. Пироги чуть не подгорели, пришлось срочно бежать на кухню.

Потом я раскладывала пироги на блюда, накрывала на стол, заваривала чай, расставляла посуду. Разговоры за столом перешли в другое русло, в рабочее, Алла Семеновна с Ангелиной жаловались на непослушных учеников, Витек хвастался своими «успехами» на работе, один Семен Петрович взирал на это все осоловелыми, пьяными глазами и молчал. Чем больше он пил, тем страшнее становились его глаза, тем ужаснее было его молчание, словно гроза, что копит свою силу, собирает темные дождливые облака, а потом обрушивается на головы тех, кто не успел укрыться.

Быстренько накрыв стол для гостей, я побежала кормить бабушку.

Ба встретила меня встревоженным взглядом, видимо тоже подслушивала разговоры в гостиной, куда выходит дверь ее комнаты. Ба уже давно глуховата, и не понимает многого из того, что вокруг говорят.

— Привет, Ба.

— Добрый вечер, внученька, наши то окаянные что опять о свадьбе талдычали? Что они тебя в покое оставить не хотят?

— Да, ладно, ба, прорвемся как-нибудь.

— Как ты прорвешься то ...

— Тихо, бабушка, пусть думают, что у них все получится.

— Бежать тебе внученька надо, бежать, пока не поздно.

— Конечно, ба, всему свое время, ты ужинай, давай, а я с тобой посижу.

В это время дверь в комнату бабушки широко распахивается, на пороге стоит пьяный Семен Петрович, он держится за косяк, чтоб не упасть, глаза у него уже были стеклянными от большого количество вылитого в его утробу алкоголя. При его появлении бабушка вздрогнула и инстинктивно прикрылась пледом, словно тряпка могла спасти от грозы по имени Семен Петрович.

— Ты что, профурсетка, уже и слушать меня не хочешь, я тебя кричу, а ты значит, этой старой кляче ужин принесла, а своему отчиму даже кофе не подашь.

— Семен Петрович, кофе на столе в кофейнике.

— Так иди и налей, — он начинает дико орать, от чего лицо его наливается и становится бордовым, где-то в глубине я даже была бы рада, если бы сейчас у него случился удар. Но он стоит в проходе, весь багровый, с пьяными стеклянными глазами, в грязной майке алкоголичке и трениках с вытянутыми коленками, не понимаю, что в нем наша наша Ангелина.

Чтоб избежать скандала, быстро поднимаюсь и бегу мимо стоящего в дверях майора, но проскочить не успеваю. Он хватает меня за длинные волосы, наматывает их на руку и со всей дури бьет меня головой о косяк. Я падаю, бабушка кричит, Ангелина пытается урезонить своего сожителя, и он, напоследок, пинает меня по ребрам.

Пытаюсь встать, в голове туман, к горлу подкатывает тошнота, в глазах двоится, я вроде вижу картинку, но она какая то не реальная, как искаженная, как-будто я вижу все в кривом зеркале, уши заложило, словно заткнули ватой, я вижу, что Ангелина наклонилась надо мной, открывает рот, но слов не слышу. Через мгновение я теряю сознание и проваливаюсь в темноту.

Как сквозь вату слышу голоса, видимо приехал врач, меня трогают, ощупывают, потом куда грузят, несут, и я снова погружаюсь в спасительную темноту. Мыслей нет, нет чувств и боли.

Глава 11 Неожиданная встреча

Я очнулась в больнице. Не знаю, сколько тут провалялась. Очнулась днем, солнце заглядывало в большие окна, бликами играя на полу, в палате было тихо, где то что-то пикало и издавало непонятный звук. Огляделась, часть палаты от меня скрыта ширмой, возле меня нагромождение приборов, это они издают много странных звуков, от них ко мне тянутся провода. Попыталась встать, но тут прибор издал какой-то противный звук, моя голова закружилась, и я снова упала на подушку.

В комнату влетела медсестра, взглянула на меня и закричала кому-то в коридор: Илья Кузьмич, в шестую палату зайдите, пациентка очнулась.

Тут же, как ураган в палату ворвался мужчина, молодой лет так 30–35, в белом халате, с включенными волосами, и начался осмотр, опрос.

Илья Кузьмич что-то сверял в своих бумажках, заставлял смотреть на молоточек, водить глазами, все время что-то записывал. Потом дал назначения сестре и ушел.

Опять лежу, просто отдохнуть не дают, пришла медсестра со стойкой и кучей флаконов на ней, ставит капельницу, потом появилась нянечка с обедом, долго пыталась накормить меня с ложки. Меня тошнит, кушать совершенно не хочется. Нянечка чем-то напоминает мне бабушку, но даже ее увещания, что надо покушать, чтобы быстрее выздороветь, не помогают. Через час уходит сестра с флаконами, нянечка уносит недоеденный обед, и я снова остаюсь одна.

После обеда нарисовалась мама Ангелина, вплыла в палату вся такая красивая, в новом коротком платье футляре красного цвета, с сумочкой от именитого бренда, в сапогах ботфортах. Волосы уложены в сложную прическу, лицо с ярким макияжем, вся увешана дорогими украшениями.

Она осмотрела палату, хмыкнула и под села к кровати ближе.

— Я пришла с тобой поговорить, — начала она, жеманно поджимая губы пельмешки.

— Я поняла уже о чем.

— К тебе следователь придет, так вот, скажешь, что нечаянно упала и ударилась, Семен пообещал, что так больше делать не будет, у него и так проблемы на работе, не усугубляй.

— А как в следующий раз будет? Снова ремнем или сапогом по морде?

— Семен пообещал держать себя в руках, ты сама виновата, не надо было с бабкой сидеть, видишь, что у нас гости, могла бы с гостями побыть, ничего бы не случилось, просто больше его не зли, делай, что прикажет и все будет хорошо.

— Я все время делаю, как он приказывает, но что-то мне это мало помогает.

— Полина, ты все всегда делаешь назло, даже когда выполняешь, что тебе приказали. Ты все делаешь с таким выражением лица как будто из-под палки, это хоть кого взбесит, просто надо быть услужливой и покорной, и никто тебя трогать не будет.

У меня не было слов, оказывается, я сама виновата. Если раньше мне Ангелина иногда пощечину отвесит, ну по рукам ударит, то сейчас в ходу ремень, скалка и прочие предметы быта. Иногда просто так, просто за то, что, по их мнению, на них как то не так посмотрела. Но воевать с ними мне не очень хотелось, знала, что проиграю.

Ангелина посидела не более 15 минут и ушла.

Сразу после нее в палату зашла старенькая нянечка, — Что за фифа к тебе приходила? После нее так и хочется палату проветрить, за километр духами несет, как не в больницу пришла.

— Мачеха моя, Ангелина.

— Тю, девонька, а что отец твой?

— Нет, у меня отца, только мачеха и отчим.

— Это отчим тебе так?

— Упала я, ...сама...

— Ой, милая, не надо сказки рассказывать, я тут давно работаю, всего насмотрелась, если сейчас его не прижмешь, то с каждым разом все хуже и хуже будет, пока совсем не убьет, вот придут к тебе из милиции, все им и расскажи, его быстро прижучат.

— Мой отчим — майор, работает в милиции, так что бесполезно.

— Да, ужо... Уходи от таких родственников, чем скорее, тем лучше, девонька.

Я и сама знала, что надо бежать, но вот куда и как, без документов и денег далеко не убежать.

Потом ко мне прибежали девчонки из аптеки, и зашел Витька, девчонки над ним всячески подтрунивали, припоминали ему падающие штаны, Витек бледнел, краснел, надувался как индюк и в конце концов сбежал.

Вечером меня ждал еще один сюрприз. Ко мне заглянул мой случайный знакомый Денис.

Сказать, что я была удивлена, это ничего не сказать, у меня было ощущение, что просто челюсть отпала и обратно встать не могла. И голове стало как-то лучше сразу, а в животе снова вспорхнул рой бабочек, а точнее стадо бегемотов в виде бабочек, они прошлись своими ножищами мне по сердцу, потоптали желудок, а может не желудок, сразу вспомнилась наша первая встреча с ним... Так приятно кружится голова...

— Привет, красотка, — он зашел, широко улыбаясь, держа в руках огромный пакет с фруктами и сногсшибательный букет из огромных белых лилий.

— Привет, а ты откуда здесь?

— Ну, ты же не дала мне телефон, я тебя с собаками искал по всему городу, вот, нашёл, — он улыбался во все 32 зуба.

— Я рада, что ты меня нашел.

— Правда, я рад, что ты рада, — и мы вместе засмеялись. Хотя смеяться мне было больно, жутко болели ребра.

— А, если серьезно, — он перестал улыбаться, и лицо его стало печальным, — То я тут в командировке, приехал устанавливать медицинскую аппаратуру, после установки и наладки, мы первое время помогаем медикам. В тот вечер, когда тебя привезли, я был в больнице, сразу узнал тебя, все дни, пока ты лежала без сознания, я приходил к тебе, — Денис говорил с какой-то печалью в голосе, ресницы его подрагивают, брови сошлись у переносицы, я вижу, что ему больно и горько вспоминать.

— Спасибо, Денис.

— Я бы убил ту суку, которая сделала с тобой это, — глаза его недобро сверкнули.

— Не нужно, считай, я упала сама.

— Неужели ты будешь это терпеть? Это ведь не первый раз? Да?

— Денис, у меня сложная жизнь.

— Хочешь, я увезу тебя с собой, я через месяц домой возвращаюсь? В Москву.

После этих слов мое сердце остановилось, затем радостно забилось в тахикардии, наверное, у меня подпрыгнул не только пульс. Он позвал меня с собой? Может, я ему нравлюсь? У меня перехватило дыхание, еще мгновение и побегут слезы, я тяжело вздохнула.

Может, это решение проблемы? Но чертова память подкинула мысль, кто мой отчим, вот далеко ли я успею убежать....

Закроет Дениса в каталажку, а меня на дачу отправят, замуруют там, и поминай, как звали.

- Ты расстроилась, детка?
- Нет, что ты. Я так рада снова тебя видеть.
- А что ты скажешь на мое предложение?
- Прости, но это вряд ли получится.
- Я тебе не нравлюсь?
- Очень нравишься, но у нас ничего не получится...
- Почему?
- Это сложный разговор, давай в другой раз...
- Прости, не подумал, тебе надо отдохнуть...

Он поцеловал меня в щеку и, пожелав выздоровления, ушел.

Только за ним закрылась дверь, меня накрыло, впервые меня поцеловал мужчина, коснулся моей кожи твердыми, горячими губами. От одного прикосновения по всему телу пробежалось тепло, волоски на руках и ногах встали дыбом, и где-то внизу живота разлилось горячим желанием. Еще никогда я не испытывала ничего такого. Да и кому я могла такое испытать?

Витька однажды попытался меня поцеловать, до сих пор вспоминаю это с отвращением, словно верблюд слюнями своими испачкал. В школе я была тихой и не заметной, мальчишки обходили меня стороной, а в фармацевтическом училище у нас не было мальчиков.

Я, конечно, понимала, что ничего дальше не будет, что мне не даст Ангелина продолжить эти отношения, а потом он уедет. Наверное, у него много знакомых девушек, пройдет время, и он забудет меня. Но я его никогда.

Та и лежу теперь одна со своими мыслями...

В больнице я лежала десять дней, Денис приходил ко мне каждый вечер и развлекал меня, он читал мне книги вслух, так как доктор запретил мне самой читать, а когда доктор снял ограничения, принес мне планшет, на который скачал дюжину фильмов, и мы вместе их смотрели по вечерам. А ещё я узнала, что живет он в Москве, и подруги у него нет, почему то эта мысль меня очень обрадовала. Не просто обрадовала, я готова была прыгать до потолка, бежать за ним без оглядки, хоть в Москву, хоть на край света. Каждый раз, прощаясь, он нежно меня целовал, как будто я хрустальная и рассыплюсь сейчас на тысячи мелких осколков. Мое сердце билось сильнее, волна чувств захватывала меня и уносила ввысь, ни к кому у меня не было таких чувств. Тем горше было осознание, что это скоро кончится, ведь меня выпишут из больницы, а у него кончится командировка, и он уедет домой.

Мои чувства к нему были другими, я не могла себе описать, что я чувствую, но так как с ним у меня не было ни со Стасом, и уж тем более с Витькой.

Ох, размечталась ты, Полина, пора спускаться на бrenную землю, дома тебя ждет любимая бабушка, злая мачеха, противный жених, и страшный, злой отчим, никто тебя никуда не отпустит.

Глава 12 Колесо жизни

Через десять дней я вернулась домой.

Дома все чинно, как будто ничего и не произошло, Ангелина ходит по дому королевой, купила себе в спальню еще один шкаф для нарядов, Семен Петрович примолк, только вот взгляд у него недобрый, сальный. К нам зачастил Витек, что не вечер, так на ужин приходит, и хоть видеть мне его противно, делаю лицо и сажусь с ним за стол.

На работе все хорошо, хозяйка ставит мне утренние смены, чтоб нагрузка у меня была небольшая, с утра меньше людей приходит. Стала замечать, что девчонки смотрят на меня с сочувствием, жалостливо. Никогда не любила, когда на меня смотрят с жалостью. Все детство свое сталкивалась с такими взглядами, жалели меня соседки по дому, воспитатели в детском саду, да преподаватель в Изостудии. Они жалели бедную девочку, которой уготована участь, расти не с самой лучшей мачехой, ходить в обносках и играть роль Золушки. Разве что я не чистила котлы от золы, не перебирала крупу, и не никто не заставлял меня пересаживать кусты роз.

Одно радовало, каждый вечер после смены меня встречает Денис!

И хотя до дома идти 15 минут, мы идем с ним час, идем закоулками, гуляем по парку, подальше от дома. За эти дни мы так много говорили на разные темы, я призналась, что люблю рисовать, даже в одну из встреч показала свой альбом с набросками.

— Полина, ты очень талантлива, я конечно не спец, но твои наброски потрясающие, кстати, а почему ты выбрала профессию фармацевта?

— А я и не выбирала, мама Ангелина просто взяла мои документы и отнесла в техникум.

— То есть в твоей семье это норма, что решение принимают за тебя, но при этом тебя никто не пытается защитить.

— В моей семье все сложно, пока бабушка была в силе, она меня защищала, любила, но теперь она тяжело болеет, теперь я ее защищаю.

— Почему ты не уйдешь?

— Не могу бросить ба, без меня ее Ангелина совсем заклюёт.

— Наверное, стоит сначала помочь себе, а потом выгнать бабушку. Иначе пропадешь и ты, и бабушка не спасется. Ты мне очень нравишься, Полина, я это не скрываю. И я могу и хочу тебе помочь.

— Лучше не надо, Денис, и дело не в том, что я не хочу помощи, хахаль Ангелины — майор милиции, он из-под земли меня достанет, и тем, кто мне помогал, перепадет.

— Даже на майора милиции можно найти управу.

— Ты не представляешь что там за чудовище.

— Я тебя не хочу принуждать, но тебе рано или поздно все равно надо принять решение и уйти из этого дома, ты совершеннолетняя.

— Все гораздо труднее, чем ты думаешь, — и мне пришлось рассказать все о своих «родственниках».

Мы еще долго с ним обсуждаем мои семейные дела, Денис уговаривает меня, что все решается, но я знаю, что своими действиями могу накликать беду и на Дениса, не хочу его втягивать. На этой трагической ноте мы попрощались.

Время бежало неумолимо. И однажды Денис пришел ко мне в аптеку последний раз, я это сразу поняла. В последний раз мы идем от аптеки в сторону моего дома.

— Полина, время моей командировки подходит к концу, мне надо уезжать домой, но не хочу бросать тебя в беде.

— Ты мне очень помог, Денис, — я это говорю, а у самой губы трясутся и наворачиваются слезы на глазах, стараюсь смотреть в сторону, чтобы Денис этого не заметил. Но голос предательски дрожит.

— Я хочу предложить тебе поехать со мной в Москву. Обещаю найти управу на твою родню.

— Не могу я пока, Денис.

— Я не хочу тебя к чему-то принуждать, просто приедем в Москву, помогу тебе устроиться учиться, если не хочешь от меня зависеть, найду тебе работу. Я все что угодно готов сделать для тебя.

— Не могу, ты даже не представляешь всю сложность моего положения...

— Но и в беде я не могу тебя оставить, я тебе телефончик один дам, это мой друг — он частный детектив, если прижмет, набери его, он или сам поможет, или подскажет, как решить дело.

— Спасибо тебе.

— Полина, ты мне очень нравишься, очень, не хочу ходить вокруг да около, решайся, я тебя буду ждать в Москве. Я конечно не олигарх, но у меня приличная зарплата, могу содержать и тебя, и твою бабушку, помогу встать тебе на ноги, получить любую профессию, которая тебе нравится, а там дальше, ты сама все решишь.

От таких слов мое сердце затрепетало, вспорхнули бабочки и полетели, он единственный, кто сказал мне, что я могу все решить сама, мне тоже нравился Денис, но как вспомню «любимых» домашних тиранов, так озноб до лопаток пробирает. Нет, Дениса сюда вмешивать нельзя, уничтожат и его и меня.

И тут как из-под земли появился Витек.

— Полина, — визгливым голосом заблажил он. — Что за мужик с тобой? Почему ты смеешь разговаривать с каким-то чужим мужиком, я — твой жених, отвечай мне?

— И вам здравствуйте, молодой человек, — Денис быстро ориентируется, и старается спасти положение. — Я — врач, обследовал Полину в больнице, и сейчас мы обсуждаем дальнейшее лечение, тяжелое сотрясение мозга имеет всегда отдаленные тяжелые последствия.

Денис был на полторы головы выше Витька, в два раза шире того в плечах, поэтому смотрел сверху вниз на тщедушное тельце, говорил назидательно, как строгий учитель с нашкодившим учеником. У Витьки даже голова втянулась в плечи, как у черепахи.

— И что, Полина теперь больная, да?

— Я бы сказал, что последствия сотрясения непредсказуемы, — все больше запугивал Денис.

— Так и знал, что твои родные мне хотят сбегать порченный товар, — зло выплюнул Витек.

У Дениса от таких слов желваки по скулам заходили, пальцы непроизвольно сжались в кулаки, чтоб разрядить обстановку, я поспешила закончить разговор, — Денис, я поняла, лечение обязательно продолжу, у меня очень серьезные домашние, они за мной поухаживают.

Мы мило попрощались и разошлись в разные стороны.

Дома Витек вместе с Ангелиной устроили мне промывание мозгов, почему это ко мне доктора приходят как на свидания, мои отмазки, что случайно встретились на улице, воздействия не имели. Ангелина еще час орала на меня и обзывала проституткой, тыкала в меня моим происхождением, ведь мать моя такая, что отдавалась мужчинам за деньги, а отца даже имени не известно. И я, с ее слов, пошла по той же дорожке, и меня надо срочно отдавать замуж, чтоб муж выбивал из меня дурь. А я сидела и думала, что готова жить с родной матерью, какой бы она не была, но лишь бы с родной.

На следующий день, когда в конце рабочего дня, мне принесли от Дениса пакет, в нем лежал сотовый телефон с вбитыми в него двумя номерами, один был помечен как Руслан — детектив, второй был телефон Дениса. В

приложении к телефону шла записка.

«Полина, этот телефон с сим картой без регистрации, его не отследить, в телефоне забит всего два номера, один мой, второй моего друга — частного детектива Руслана. Телефон спрячь, если попадешь в трудную ситуацию, или захочешь устроить побег, набери один из этих номеров, мы тебе поможем. Я буду ждать твоего звонка в любой час даже ночью. Я не готов от тебя отказаться! Денис.

PS. «Люблю тебя».

Меня накрыло смешенное чувство, чувство восторга и любви, он признался мне первым. Но тут же в душу вполз страх, и «за скребли кошки», бабочки как то разом свернули крылышки и уснули, пока шла до дома дважды успела поплакать. Ну, почему он не попался мне еще до того как Ангелина притащила домой этого противного майора....

Глава 13 Исповедь

Наступил вечер. Маменьки ушла со своим ухажёром в гости. И мы тихо коротали вечер с бабушкой, сидя в ее маленькой уютной комнатке на старом продавленном диванчике, когда то в богатом профессорском доме, эта комнатка считалась комнатой прислуги, сейчас сюда родная дочь переселила свою немощную мать. С экрана старенького телевизора диктор вещает какие-то новости.

Первой разговор начала бабушка.

— Давно с тобой поговорить хотела, мало мне уже осталось, болею сильно, — устало сказала бабушка.

— Ба, ну чего ты опять начала, живи на здоровье.

— Не перебивай, чую, что мало осталось, не хочу правду в могилу уносить, раньше боялась рассказать, теперь уже все равно, — бабушка опустила усталые натруженные руки на колени.

— Ну, что еще за секреты, ба?

— Много секретов в нашей семье, такие скелеты по шкафам прячем, что самой страшно, никакие молитвы грехи не закроют.

— Ба, ты преувеличиваешь, — снова попыталась ее отвлечь от горестных мыслей внучка.

— Ты даже не представляешь, девочка, насколько наша семья грешна перед тобой и твоей матерью.

— Ты никогда не рассказывала мне о моей маме, — осторожно сказала я.

— Да, не говорила, Ангелины боялась, она такая же, как дед твой, злая, если что и ударить может, — с горечью сказала бабушка.

— Ба, неужели она и тебя била?

— Когда дед жив был, он руку поднимал, когда в могилу ушел, думала, вот теперь жить спокойно буду, ан, нет, родная дочь не гнушалась ударить, это сейчас она порядочной прикидывается. Но не в этом дело. Послушай меня, только не говори Ангелине, что я тебе рассказала. И бабушка начала свой рассказ.

Видимо судьбы у нас с тобой похожие. Я была сиротой, когда скончалась моя мама, мне и пяти лет не было, тетка забрала к себе в деревню. Как исполнилось мне 19, тетка сбагрила меня замуж за деда твоего, Владимира Петровича, он был старше меня на 25 лет. Я что, совсем девчонка, ничего в жизни не понимала, думала, более взрослый мужчина меня любить и защищать будет. Да не тут-то было, дед то ваш еще тот ходок был, бабник был ужасный, на мне женился только потому, что ему детей вдруг захотелось иметь от здоровой и крепкой женщины, а меня вырастили в деревне, за него вышла девственницей. Очень мужу моему хотелось сына — наследника. Но через год у нас родилась Ангелина, потом твоя мама — Аврора, последние роды были тяжелые, и после них я больше не беременела. Сына не получилось родить. Дед ваш снова стал гулять по бабам и меня поколачивать.

Девчонки то мои с детства росли не дружно, Ангелина боевая была и твою мать все время шпыняла. Дед не разрешал вмешиваться, говорил, что так характер закаляется, грубый он был, жестокий человек. Да и внешне девочки разные были, Ангелина та копия отца, брюнетка, волосы черные жесткие, и характер такой же, а Аврора в меня волос светло-русый вьющийся, сама красавица, умница, ты на нее похожа. Девочки быстро выросли, а как перед выбором профессии стали, так Ангелину отец заставил пойти по его стопам, он ее в свой институт и устроил, даже кафедру ей сам выбрал. А Аврора пошла на конфликт с отцом и отказалась от его протекции, она была девочка творческая, у мужа моего отец был художник, видимо, в него пошла, и выбрала профессию творческую — художник декоратор. Как отец не злился и не кричал, не переубедил. Стали они учиться. Аврора все время в художественном училище да в мастерских пропадала, домой только вечером возвращалась. И вот однажды отец решил съездить в мастерскую при училище и проверить, чем она там занимается, и застал там Аврору полураздетой, она позировала молодому художнику. Сколько там было крика и оскорблений, отец Аврору выгнал за это из дома и обозвал проституткой. Мне не разрешил с ней общаться и поддерживать ее деньгами, финансы он строго контролировал, поэтому дать какую-то копеечку дочери я не могла. Почти год Аврора скиталась по друзьям, одно время сошлась с художником одним, еще тот жук оказался, когда она забеременела от него, он ее за двери выставил. В общем, через год она пришла беременная домой, деваться ей было некуда, денег нет, работы нет, жить негде. Отец на удивление ее принял, но создал такие условия, что ад раем бы показался. Жила она как прислуга, вся

работа была на ней, он буквально об нее ноги вытирал, оскорблял всячески, даже поколачивал иногда, учебу ей пришлось бросить. А когда она родила, отец заставил ее от ребенка отказаться. И он оформил опеку на себя. А Аврору опять выгнал из дома, девочка моя так сильно переживала разлуку с тобой, что даже облысела и похудела, страшная стала, под глазами черные круги, кожа да кости. А через год муж мой внезапно умер, здоровый, еще крепкий был, но случился инсульт. Аврора хотела восстановить свои права на тебя, но не тут то было. Теперь Ангелина начала войну с ней, писала ей на работу пасквили, обвиняла в пьянстве и разврате, всем знакомым растрезвонила, что якобы Аврора с мужчинами за деньги встречается, даже в милицию на нее заявление написала. Я хотела заступиться, ну тут моя дочь впервые побила меня, и я струсила, это сейчас я могу сказать ей все, что о ней думаю, а тогда боялась ее. Ангелина получила право опеки над тобой. А Авроре так испортила жизнь, что той пришлось уехать из города, так как все знакомые стали считать ее падшей женщиной.

Ангелина сама то не могла иметь детей, она в отличие от Авроры, когда случайно забеременела от своего любовника, втайне от отца на аборт побежала, да ей неудачно сделали, после этого она детей то не может иметь. Из-за этого семейная жизнь у нее не сложилась, всем мужики рано или поздно ее бросали.

А Аврора уехала в Питер, там окончила Художественную Академию, стала художником декоратором, не так давно замуж вышла. И все это время поддерживала со мной связь, письма писала, иногда приезжала, издали посмотреть на тебя. Чтоб Ангелина не знала, письма присылала на адрес нашего терапевта Катерины Петровны, что живет во втором подъезде. А еще посылала деньги, а я их на счет в банк вносила, а документы все, чтоб Ангелина не узнала, храню там же у Катерины Петровны в книжном шкафу, там же доверенность от нотариуса на тебя.

— Значит, мама меня не бросала?

— Что ты, что ты, она любит тебя, но Ангелина какую то бумагу имеет на нее, вроде как шантажирует она ей Аврору, если она к тебе подойдет, то сядет в тюрьму.

— Поэтому мама не может видиться со мной?

— Да, детка.

— Ба, а что за документы, о которых постоянно говорит Ангелина со своим хахалем?

— Да черт их знает, я в дела твоего деда и Ангелины не лезла, только перед смертью отца, он с Ангелиной поругался очень сильно, кричал на нее, что-то про документы говорил, а что там за документы такие....

— Ну, хоть что-то ясно стало.

— Бежать тебе надо от них. Я ж не слепая, вижу, что Ангелина творит, забирай деньги и уезжай к матери, ты теперь совершеннолетняя, нет у нее над тобой власти. И забудьте сюда дорогу с матерью. Такие, как Ангелина, не перед чем не останутся.

— Не могу я тебя здесь бросить, Ба, — начала было я.

— Обо мне не думай, мне еще чуть — чуть осталось, о себе думай, женят тебя с этим слюнтяем, жизнь тебе сломают, как мне тетка сломала в свое время. А еще этот хахаль ее новый, я же вижу, как он на тебя смотрит и облизывается. Беги отсюда, беги, девочка, — грустно закончила свой рассказ бабушка.

У меня в голове начали складываться паззлы...

Я о маме никогда не забывала, теперь понятно, почему она меня Ангелине оставила ....

Я должна узнать всю историю до конца...

Обязательно разберусь в этих хитросплетениях и сложу вместе все паззлы.

Я обязательно вырвусь отсюда, я обязана вырваться....

Глава 14 *Подготовка к побегу*

Скоро конец апреля. Я снова иду пешком на работу, и в голове моей рой мыслей, как паззлы, которые надо расставить по своим местам, складываю картинку побега.

Теперь у меня есть деньги, которые дадут возможность первое время не работать и устроиться в другом городе. Но чтобы их получить, нужен паспорт. Без него я не смогу получить деньги, да и уехать без него проблематично, разве что на перекладных.

Захожу на работу, сегодня у меня вторая смена, значит, до позднего вечера дома меня не будет.

Занимаюсь работой, рутинная, время течет быстро. В конце рабочего дня заглядываю в кабинет к директору.

— Можно к вам, Ольга Леопольдовна.

Заходи, заходи, Полиночка, какие то вопросы?

— Ольга Леопольдовна, мне очень нужен мой паспорт, а мама мне его не отдает, можете помочь, ну, придумать какую-то ситуацию, чтоб паспорт я смогла взять.

Ольга Леопольдовна смотрит на меня с тихой грустью: Все-таки решилась бежать от них?

— Пожалуйста, никому не говорите, иначе ничего не получится.

— Да, я на твоей стороне, девочка, надоело смотреть на твои синяки, помнится на работу ты пришла со сломанной рукой, сказала, что сама упала, и сотрясение твое....Если решилась, то действуй. Матери скажи, что мы меняем банк и оформляем новые зарплатные карты, паспорт обязателен. Зарплату в этом месяце выдам тебе

наличкой.

— Спасибо, Ольга Леопольдовна.

— Не за что детка.

Я радостная выбегаю из кабинета. Одно решение найдено, надо довести его до конца.

Прихожу вечером домой. Родственничка нет дома, видимо опять на

«оперативно — розыскных мероприятиях», проще на попойке. Так даже легче, некому устроить допрос с пристрастием. Сканирую лицо Ангелины, та расслаблена, о чем то думает, мечтает....

— Мам, у нас тут на работе затеяли переход в другой банк, новые зарплатные карты оформлять будут, так паспорт требуют срочно.

— С чего это вдруг, — напряглась Ангелина, накаченные силиконом губы поджала, в глазах появилось сомнение.

— Ну, можешь сама позвонить Ольге Леопольдовне, она подтвердит, — пытаюсь развеять ее сомнения.

Ангелина хватает трубку и начинает названивать хозяйке аптеке, все предсказуемо. Та видимо ее убедила. Ангелина идет к себе в комнату и достает из сейфа паспорт.

— Вернешь сразу, как оформишь, новую банковскую карту принесешь мне, — поджав губы пельмешки, говорит мне Ангелина.

Я стараюсь не показать свою радость, делаю послушное лицо, глаза в пол.

Утром, только зашла в аптеку, как ко мне подошла Ольга Леопольдовна с вопросом, я, чтобы никто не видел, показываю ей паспорт. Она улыбается и показывает мне большой палец, первое дело сделано.

В обед бегу в банк, к бабе Кате сбегала заранее, забрала у нее документы. В банке меня огорошивают, сумма, которую скопилась за десять лет, весьма и весьма приличная, на такие деньги можно жить год, если сильно не тратиться. Сумму снимаю и бегу снова на работу.

Теперь возникает вопрос, где хранить деньги и паспорт, дома все проверят. И тут на помощь снова приходит Ольга Леопольдовна. Она предложила пока все хранить на работе, у нас есть второй сейф, который не используется, в нем все и закрываем.

Подготовка закончена. Надо выбрать момент. Скоро майские праздники.

Глава 15 *«Родственнички»*

Впереди было три праздничных выходных. Ангелина уже с обеда носилась по дому, примеряя наряды, собирая вещи, только купальников выбрала три, в этом году Первомайские праздники выдались солнечными и жаркими, и на все дни мы уезжали на дачу к Сидоркиным. Ехать решили на машине Семена Петровича, и так как в машину поместился он сам, Ангелина, Алла Семеновна, Витек и бабушка, мне места уже не хватило, и меня отправили на дачу на электричке.

Мне не особо хотелось на дачу, я там вечная «Золушка», все что привезли, съедят за один вечер, а на следующий день и все последующие я буду стоять у плиты, как проклятая, подай, принеси, помой. Еще за грядками присмотри, полей. Поэтому я не очень торопилась на электричку.

Электричка пришла уже поздно вечером, и пока шла по улицам дачного поселка, начало темнеть, вдалеке заметила Ангелину и Аллу, они гуляли, видимо решили навестить соседок и собрать все местные сплетни.

Для себя отметила, что Витек и Семен Петрович дома одни, встречаться с ними один на один не хотелось, поэтому подошла к дому и зашла с черного хода. За годы жизни с мамой Ангелиной, научилась ходить бесшумно, как мышка, решила прокрасться к себе в комнату мимо столовой, чтоб меня не заметили. И тут что-то меня остановило и заставило задержаться, я спряталась за дверь и напрягла слух, в щель мне было видно часть комнаты со столом. Мужчины были уже пьяны и говорили громко, видимо думали, что услышать их никто не сможет.

Они сидели за богато сервированным столом и выпивали, Витька был уже совсем пьяненький, а у Семена Петровича только взгляд стал тяжелее и злее.

— Ты, Витька, слушай меня, я тебя научу, как бабу в кулаке держать, будет послушной и шелковой.

— Вам легко говорить, Семен Петрович, вы вот здоровый какой, при чинах, при деньгах, за вами бабы сами, наверное, бегают.

— Будешь меня слушаться, и за тобой бегать будут, бабы они что, они сильных любят, твоя вон ничего такая красотка, жопой вертит пока, ничего прищучим, отучим жопой то вертеть, будет дома сидеть, детей тебе рожать, пылинки с тебя сдувать.

— У вас талант просто Семен Петрович, умеете вы женщин укрощать, — льет в уши Витька.

— Я не только баба укрощаю, но и подчиненных, у меня все по струнке ходят, — при этом Семен Петрович сжимает кулак, словно показывает, где у него все подчиненные. — Ты вот мне скажи, ты уже с женщинами того...сексом занимался.

— Ну как вам сказать, была у меня в институте одна девушка, ну даже не знаю, получилось ли.

— Ты не мямли, значит, не было, то бы запомнил, — хохотнул Семен. — Ну, мы тебе перед свадьбой устроим

мальчишник, эскортницу Катюшку пригласим, та еще оторва, всему научит.

— Семен Петрович, я не хочу секса с продажными девками, еще подцеплю от них заразу какую.

— Витек, кто ж тебя научит то, твоя вон девственница еще, она и члена еще не видела, что ты с ней делать будешь? А то смотри, подари нам с моим замом ее на ночь, мы ее быстро объездим и всему научим.

— Что вы такое говорите, она не согласится.

— А зачем ее согласие, мы ей одну таблеточку интересную дадим, она на все согласная будет, а самое главное утром ничего помнить не будет. Смотри, Витек, мы с моим замом дядьки богатые, тебе за такой эксклюзив денежку подкинем, или, например, подгоним автомобиль из арестованных, у нас сейчас как раз есть БМВ, за копейки продадим, при авто будешь, совсем другой колленкор, все девки твои будут, сами на шею бросаться будут.

— Заманчивое предложение, я, наверное, подумаю.

— Думай быстрее, пока предложение в силе.

Я стояла за дверью, не жива, не мертва, по спине пробежал холодок, от напряжения все волоски на коже стали дыбом, от страха зубы начали стучать и пробирать нервная дрожь. Эти два ублюдка просто покупали и продавали меня, как вещь.

И тут хлопнула входная дверь, на веранде я услышала шаги и голоса. Быстро, как заяц, я понеслась вверх, в свою комнату. Сразу нырнула под одеяло, и когда Ангелина поднялась ко мне, я, сославшись на усталость, сказала что, спускаться к ужину не буду, а со стола уберу все завтра с утра.

Они еще долго сидели в гостиной, пили, веселились, что-то громко обсуждали, я слышала, как пьяного Витька Алла Семеновна тащила в его комнату, а он упирался, матерился и пинал ногами стены.

До самого рассвета я не могла уснуть, в голове все прокручивала и прокручивала слова этих нелюдей, всплывают жуткие воспоминания о вечных побоях, ругани, и в голове вертится только одна мысль, надо сбежать, прямо сейчас, права бабушка, они не люди — животные, если я останусь здесь, они сломают меня.

Только забрезжил рассвет, я тихонько встала, забрала свою сумку и прокралась в комнату к бабушке. Она не спала, лежала тихо и грустно смотрела в потолок, увидев меня, обрадовалась, хотело что-то сказать, но я приложила палец к губам, нагнулась и тихонько сказала ей: Ба, я убегаю, когда доберусь, я тебе напишу, а как появится возможность, я тебя заберу. Бабушка ничего мне не сказала, только сильно сжала мою руку, и из уголка глаза по морщинистой щеке покатились одинокая слеза. Наше прощание было коротким.

Я тихонько спустилась по лестнице и вышла через запасной вход, чтоб не скрипеть воротами побежала огородами на станцию. Солнце уже встало, время оставалось мало.

На станции я купила билет на первую скоростную электричку, и в 7 уже была дома.

Глава 16 *Воспоминания Дениса...*

Я чуть было не сбил ее на том переходе. Был сильно зол, когда поднимал эту девчонку недотёпу, ведь нельзя же на красный свет вылетать на пешеходный переход, да и еще и падать перед самым капотом. Но потом увидел ее глаза и мир перевернулся.

Ни одна девчонка меня так не торкала, эти огромные голубые глаза цвета весеннего неба, в них сочеталось несочетаемое: и невинность, и умудренность житейским опытом; и детская непосредственность, и женственность; в этом взгляде была надежда на жизнь и какая-то обреченность. Только узнав о ней больше, понял, откуда такой взгляд.

Она меня «отшила» при первой встрече, хотя я видел, что понравился ей с первого взгляда, и это у нас взаимно. Но она все равно отшила меня. Странно, но почему-то это не вызвало отторжения, хотя меня девушки не отшивали никогда. Друзья даже подтрунивали надо мной, что я родился с встроенной функцией «пикапа». Подходил к девушке, которая мне нравилась, и уже через пять минут разговора, она готова была идти со мной хоть на край света. Нет, Дон Жуаном я себя не считал, просто не заводил длительные отношения, наверное, тогда еще не встретил свою девушку.

Здесь сразу понял, что эта моя! Вот так сразу и навсегда.

Она поразила меня: хрупкая, девочка подросток, но со скрытой женственностью, изящная и нескладная. Вырасти она в другой семье, наверное, смогла бы стать моделью, ее фото смогли бы украсить обложки известных журналов. Невероятно красивая. Она не кичилась своей красотой, даже не понимала, насколько она красива, насколько притягательна для противоположного пола. При этом ее красота сочеталась с умом, она была разносторонне развитой девушкой, с ней было о чем поговорить. Мне понравилось в ней все!

А потом я увидел ее в приемном покое. Уже собирался уходить домой с работы, когда подъехала скорая, и меня попросили помочь санитару вынести на носилках девушку. Узнал, хотя пол лица заплыло, и было фиолетового цвета, девчонка лежала без сознания, дыхание ее было прерывисто. Роскошные белокурые волосы рассыпались по носилкам, тоненькими ручками она охватила себя, словно ей больно было дышать.

В груди у меня закипел гнев, какая скотина могла сделать с ней это, это какой же надо было быть убогой тварью, чтоб ударить эту хрупкую девочку.

Я остался с ней в больнице, помогал санитару переключать ее, заставил врача сделать ей МРТ и рентген. Оказалось, что у нее сотрясение мозга и сломано одно ребро.

Был с ней все те дни, что она пролежала без сознания, и когда вернулась к нам. Был возле нее. Таскал ей охапками цветы и конфеты, носил фрукты, и развлекал. Я видел эту фифу — ее мачеху, она пришла к ней один раз за все время, что бедная девочка лежала в больнице, я не увидел только ее отчима, может и хорошо, боюсь, что сорвался бы, и тот просто сотрясением мозга не отделался бы.

Она лежала в больнице, а я боялся, что ее рано или поздно выпишут, и она вынуждена будет вернуться в тот дом, где не смогу ее защитить.

Но она отказалась от моей защиты....

Какие же убогие люди ее окружают. Но она их боится...

И кого! Мачеха — последняя сука, бог ей не дал детей, так тому ребенку, что доверили ей, эта сука испортила жизнь. Или тот задрот, который называет себя ее женихом. Да я бы такого на пушечный выстрел не подпустил к ней.

Но она почему-то не хочет посвящать меня в тайны своей жизни и своего славного семействе.

Люблю ее. Тем больнее было уезжать, находиться от нее вдалеке и знать, что не сможешь ее защитить.

Не выдержал, в очередной раз и попросил Руслана последить за ней....

И не ошибся. Девочка действительно попала в скверную историю.

Руслан раскопал подноготную ее отчима.

Отчима Полины в милицейских кругах и у уголовников зовут Пирог, кличка у него такая, мерзкий человечиска, многих с его допросов в больничку увозили, ему все с рук сходило, перед начальством хорошо выслуживался, дела закрывал быстро, а что сажал невинных людей, никто это во внимание не брал. И теперь он при чинах с большими возможностями. Была у него слабая сторона, любил молоденьких девочек, не раз на него подавали жалобы за домогательство, приставал, а иногда и насиловал, но все дела против него разваливались, а свидетели либо исчезали, либо отказывались от показаний.

Тип мерзкий, и понятно, что Полине угрожает опасность.

Я уехал, но решил держать руку на пульсе...

Звонил ей каждый день, но она отвечала не всегда. Если отвечала, всегда говорила бодрым голосом, что у нее все нормально, что дома тихо и никто ее не обижает, но лишь по интонации я понимал, насколько все плохо...

Мы уже стали думать, как ее спасти...

И все было хорошо, но Полина вдруг исчезла...

Глава 17 Побег.

Домой приехала сразу с вокзала. Все было рассчитано заранее, я знала расписание всех автобусов, которые выезжали из города, знала точно расположение всех камер наблюдения, что должны мне встретиться на пути. За месяц до побега прошла путь от квартиры до автовокзала, выучив все камеры.

И план действия я составила заранее. Поэтому мне осталось только торопливо собрать вещи на первое время, взяла только самое необходимое, все сложила в рюкзак, свой телефон бросила у себя в комнате, из тайника достала телефон Дениса и выбежала из дома. Мои действия были отработаны до автоматизма. Вот не зря я читала детективы, много умных вещей почерпнула из них, а самое главное знала, как уйти так, чтобы отследить было трудно. Из квартиры вышла, нацепив темные очки на пол лица и одев бейсболку, волосы заплела в косу, которую спрятала под куртку. Думала, меня теперь никто не узнает.

Это было мое первой ошибкой.

Добравшись до городского парка, уже там набрала на телефоне номер Ольги Леопольдовны. Хотя было еще рано, она ответила мне сразу, и приказала идти в аптеку. До аптеки снова шла по парку. Думала, что так не попадусь на камеры! Это было моей второй ошибкой.

В аптеке меня уже ждали, Ольга Леопольдовна — милая, добрая женщина даже хотела довезти меня до автовокзала, но я не желала ей зла, и не хотела втягивать ее в историю, знала, что майор отомстит всем, кто мне помогал, да и у Ангелины «руки длинные», через своих знакомых может много гадости сделать. Поэтому, забрав из сейфа документы и паспорт, до автовокзала добиралась сама.

Я решила уехать из города на автобусе до Москвы, надеясь, что меня никто не отследит, ведь автобусный билет можно купить без паспорта. Денису решила не звонить пока, вот приеду в Москву и сразу наберу. Это решение стало моей самой главной ошибкой. Лучше бы я с ним связалась и предупредила, кто знает, может, у моего побега было больше шансов!

Автобус шел медленно, заезжая в разные мелкие города, где подолгу стоял на остановках. В одном городе он сломался, и водитель долго копался в двигателе. Но это меня только радовало. За все свои девятнадцать, почти уже двадцать, лет я нигде не была, кроме своего родного города и дачи. Тут за несколько часов мы проехали множество городов и поселков, оказывается мир такой яркий и интересный. Мне нравится рассматривать старинную и

современную архитектуру, широкие улицы соседствовали с маленькими и узкими, громоздкие и помпезные здания с современными из стекла и бетона, а другие сплошь деревянное зодчество! Да и просто мне нравилось любоваться реками, полями, горами, что мелькали за окном автобуса. Всю дорогу сидела, прильнув к окну, и широко открыв рот.

На одной маленькой станции водитель сказал, что будем стоять сорок минут, можно погулять и перекусить. Люди быстро покинули автобус, толпа ринулась на станцию, кто в туалет, кто в закусочную. Я, почувствовав голод, тоже решила посмотреть, что можно купить в маленьком продуктовом киоске. Но когда подошла к прилавку, глянула на залежалые вялые беляши и засиженные мухами бутерброды, быстро потеряла аппетит, поэтому купила только бутылку воды, и вышла из здания вокзала. Мне не хотелось сидеть вместе с толпой, смотреть на жующие лица, слушать громкие разговоры ни о чем, захотелось покоя и тишины. В кои веки я осталась одна! Можно просто посидеть, и не ждать окрика, мата, никто не пристанет ко мне с требованием немедленно идти подавать на стол, или готовить, или еще чего...

Наконец, я осталась совсем одна!

Обошла старый пыльный вокзал и нашла маленькую хорошую скамейку в тени раскидистого клена. И хотя она была пыльная и не совсем чистая, я с удовольствием на нее присела, откинулась на спинку и подставила лучам солнца лицо. Вокруг было тихо, только надоедливый комар все пищал возле уха.

Не надо было уходить от людей! Это было моей третьей ошибкой!

Я услышала только шорох, потом крепкие руки схватили меня и заткнули рот грязной вонючей тряпкой. Я не успела закричать. Только рванулась вперед и затрепыхалась в руках, как раненая птица. Через секунду мой разум померк.

Глава 18 Похищенная.

Очнулась. Темно. Противно пахнет бензином и машинным маслом. Больно, боль пронзает все тело, болит бок, отдает в ногу, руки затекли, я их не чувствую. Только через несколько минут понимаю, что лежу в машине, точнее в багажнике, а ноги и руки мои перевязаны веревками.

— Меня похитили! Ужас!

Страшные мысли начинают метаться в голове, Руки стали холодными и мокрыми. Первая мысль: Меня поймали мои родственнички, я не успела убежать? Мысли до жути пугают, теперь я в их власти, и мне придется отвечать за побег. Даже боюсь предположить, что они со мной могут сделать...

Лежать в багажнике было неудобно, бок затекал, каждая колдобина отдавалась болью в ребра и бедро. Связанные веревкой руки уже занемели. Сильно хотелось пить, меня укачало, кляп во рту противно пахнет бензином, от чего еще больше мутит. Казалось, дорога никогда не кончится.

И вот, наконец-то машина заскакала по кочкам проселочной дороги. В многочисленные щели багажника просачивается дорожная пыль, хочется чихать, но страшно, похитители поймут, что я очнулась. Стараюсь вслушиваться в происходящее за бортом, услышать хоть что-то приметное, чтобы понять, куда меня везут. Но звуков нет, только кочки, пыль и брань водителя. В гуле голосов узнаю голос майора, Витьки и Ангелины, а вот четвертый голос мне не знаком.

Останавливаемся. Двери авто открываются, и майор посылает Витьку открывать ворота. Слышу, как скрепят железные ворота. Мои похитители матерятся между собой. Машина въезжает во двор и останавливается.

Скрипит запор замка и багажник открывается. От яркого света я шурюсь и не сразу замечаю мужика, он легко поднимает меня, взваливает на плечо, и куда-то несет. Несмотря на ужас ситуации, мне становится легче, кровь начинает движение, я могу хоть немного пошевелить ногами и руками. Видимо меня заносит в сарай, сквозь дощатые стены пробивается свет, на полу грязно, рядом верстак с инструментами, весь пол в стружке.

— Ну, вот и приехали, — говорит он, голос его мягкий, но глаза холодные. — Сиди смирно, скоро все закончится.

Он водружает меня на деревянный стул с высокой спинкой. Руки связаны по локоть, кисти сильно стянуты, ноги — до щиколоток. Не распутать, не освободиться. Напоследок он выдергивает изо рта кляп.

— Здесь вокруг не души, так что ори не ори толку мало...

Мужик уходит и запирает сарай на замок. Хочу встать, но понимаю, что ноги так онемели, что нужно время, чтоб я их опять начала чувствовать. Поэтому начинаю разминать, насколько это возможно, руки и ноги, постепенно мурашки перестают бегать по конечностям, и хотя они еще холодные, я уже чувствую их.

Примерно через час приходит майор, похабно улыбается, щурит свои отекавшие от пьянки глазки.

— Ну, что сука, отбегалась. Сейчас подпишешь нам бумажки, вечером мы организуем тройничок, чуть покувыркаемся, а потом тебе в расход пустим. Прикопаем в местном лесочке, тут вокруг на десяток километров ни души, — и Семен ржет, довольный собой.

— Не смогу я ничего подписать, руки затекли, — я в голове уже начинаю прокручивать возможности побега.

— Ладно, ты уже никуда не денешься, ослаблю немного путы.

Он развязывает мне ноги, и руки, затем заводит руки за спинку стула, так что приходится прогнуться назад, и связывает сзади кисти. Видимо моя поза его очень вдохновила, он начинает ощупывать мою грудь, как на приеме у маммолога. И забывает привязать мои ноги. И тут на пороге появляется Ангелина.

— Семен, ты что делаешь? — визгливо орет она.

— Ничего, проверяю на наличие оружия? — глумливо улыбается Семен.

— Уйди, дай я с ней поговорю.

Видимо от сильных переживаний, от того, что участвовала в чем-то незаконном, моя мачеха осунулась как-то, губы-пельмени стали выглядеть неестественно и вычурно, как будто бутафорские. Гель, что вкалывала она себе в лицо, сбился какими-то комками, еще больше исказив и без того не самое красивое лицо. Волосы неряшливо заколоты, одета она в простую футболку и джинсы. Сейчас она не была похожа на ту Ангелину, которую я знала всю свою жизнь.

— Дрянь такая, — начала она, как только за Семеном закрылась дверь. — Не могла спокойно выйти замуж за Витьку, мы могли все документы подписать, и жила бы ты дальше, как раньше, так нет, побегать решила.

— От хорошей жизни, наверное, сбежала, — решила дать отпор ей. — Надоело баграчить на тебя, деньги на твои пластические операции зарабатывать, хотя тебе уже и они не помогают.

— Ах, ты — бя... — Ангелина отвесила мне пощечину. — Ишь, говорить научилась, дрянь малолетняя, мало я тебя в детстве учила, надо было еще больше бить, чтобы всю дурь из тебя выбить.

— Ты сама дрянь и сука, тебя не любит никто, даже твой Семен Петрович.

У Ангелины сверкнули глаза, и она снова ударила меня по лицу, ее удары только сильнее раззадоривали меня. Так и хотелось выплеснуть на нее все, что накопилось у меня за все время моего нерадостного детства.

— Ты такая же проститутка, как твоя мать, думаешь, твой мальчик повелся на тебя, да на деньги он повелся. Это мои деньги, мои! Никто их у меня не отнимет! И с такими деньгами у меня будет столько мужчин, сколько я захочу.

— Тебе я смотрю только деньги и нужны, — снова подначиваю ее, в попытке докопаться до правды, чувствую, что сейчас в эмоциональном накале она может выложить все, что столько лет боялась мне рассказать.

— Да, что ты знаешь, сучка малолетняя, я за эти деньги отца родного убила!!!!

Вот это признание! На минуту в сарае повисает гробовая тишина. Лицо Ангелины меняется, черты лица искажаются, обнажая боль, что давно прячется в ее груди, в ее глазах появляется страх, явно она не хотела это говорить, признание просто вырвалось в гневе. Ангелина семенит к выходу и боязливо выглядывает, видимо, поблизости никого нет, она выдыхает и возвращается ко мне. Но у нее уже другие эмоции на лице, теперь она смотрит на меня безумными глазами, черты лица перекошены в жуткой маске, передо мной маньяк, который получает удовольствие от стонов жертвы.

— Я за эти деньги хоть кого убью, — говорит она уже тише. — Знала бы раньше, что отец завещание собрался переписывать, сразу бы грохнула. Сука, он мне мозги начал промывать, видишь ли, я, как дочь профессора, недостойную жизнь веду, мужиков у меня много, — в запале бормочет Ангелина, ее взгляд расфокусированный, почти безумный. — Не надо было ему меня учить, я сама лучше знаю, как себя вести и как жить. Я жить хотела хорошо, чтоб шампанское рекой, мужик каждый день новый, одежда лучшая, поездки по курортам. Не учил бы меня жить, может, до сих пор жив бы был. Яду ему подсыпала, он и скопытился.

Она говорит это, сверкая глазами, в этот момент взгляд ее больше похож на взгляд сумасшедшей, губы пельмешки расплылись в какой-то чудовищной, уродской улыбке, она похожа на клоуна из фильма ужаса, что мы смотрели вместе с Денисом. На лбу и над губой выступили капельки пота, голос дрожит от вожделения, ощущение, что она испытывает удовлетворение от одного воспоминания об убийстве.

— А через неделю я узнала, что эта гнида завещание все-таки переписал, — продолжает исповедь Ангелина. — Эх, жаль, не успела. Пришлось почти восемнадцать лет ждать, когда ты вырастишь, на какие-то гроши жить, подумаешь, оставил несколько миллионов, что это в наше время, пшик, все, надоело! Завтра привезут документы, ты их подпишешь, твой брак с Витькой будет считаться законным, затем нотариус заверит твое желание отписать мне свои активы. Получу свое наследство, за полгода утрясу все дела, и поеду отдыхать на Лазурный берег.

Тут ее взгляд становится мечтательным, Ангелина смотрит куда-то вдаль, поверх моей головы, как — будто там, за стеной старого грязного сарая Лазурный берег и яхты у причала.

Видимо все убийцы рано или поздно хотят раскаться, но страх перед разоблачением не давал ей открыть рот, только ярость и чувство собственной безнаказанности, и мысль, что я долго с этой правдой не проживу, развязали ей уста.

— Размечталась, не рано ли делишь шкуру не убитого медведя.

— А что мне может помешать, тебя эти дебилы все одно прикопают, а я прикажу, положат в ящик, и живьем закопают. Я стану наследницей всего состояния. Думаешь, тебя твой мальчик будет искать? Он себе другую глупышку найдет.

— Не думаю, что Семен Петрович тебя с деньгами отпустит, делиться надо будет, — пытаюсь поселить в ее голове сомнения.

— А случайные смерти у нас еще никто не отменял и яд тоже, — злорадно улыбается Ангелина.

И я понимаю, ох, не того человека я боюсь, Ангелина страшнее всех троих мужчин.

— Так что, ты подпишешь все документы быстро и без проблем, и тогда я обещаю тебе быструю и безболезненную смерть.

Капнув ядом напоследок, Ангелина выплывает из сарая.

Сквозь тонкие стенки, слышу, что из дома выходят мужчины, они о чем-то между собой переговариваются, садятся в машину вместе с Ангелиной, и уезжают.

Дверь сарая снова открывается, и заходит Витек.

— О, у меня сегодня день посещений, — язвлю я.

— Не ерничай, я тебя пришел охранять, — Витек выпятил худосочную грудь.

— Охранник, смотри, чтоб тебя вороны не унесли, — продолжаю выводить из себя Витьку.

— Поговори у меня еще, сейчас кляп вставлю, — говорит Витька, но подходить близко боится.

Пока мы перекидываемся фразами, я потихоньку начинаю поворачивать кистями рук, тяну их в разные стороны, веревка обычная крученая, да и затянута не так крепко, видимо надеялись мои похитители на крепость запоров сарая, да на худосочного охранника. Натяжение постепенно слабеет.

— А знаешь, мы тебя разыграли в карты, я, Семен Петрович и Петр. Знаешь, кто выиграл? — глумливая ухмылка появилась на крысином личике. Семен! Он у нас дядька, ух, какой, будет иметь тебя жестко.

Лицо Витьки стало розовым, глазки заблестели, он стал облизываться от вожделения, ручки у него затряслись, над синюшными губами выступили капельки пота. Видно было, что он крайне возбужден, и сейчас испытывал наслаждение только от одного упоминания о сексе.

— Я тут чо подумал, может мы с тобой того, пока они ездят, ну того самого, попробуем, тебе какая разница, кто первым будет?

Витька запустил одну руку себе в штаны, что-то там ища, и стал подкрадываться ко мне, в его глазах плескалась похоть. Я напряглась, продолжая тянуть и растягивать веревки в разные стороны и поворачивать руки, больше всего мне не хотелось, чтобы меня начал лапать этот худосочный «секс-гигант».

Витька подошел ко мне совсем близко, начал одной рукой, потливой ладонью водить мне по груди, тяжело дыша, другой продолжая шарить в штанах, что уж там искал он, и тут я изловчилась и ударила его коленкой в пах. Витька странно крякнул и согнулся, сделав шаг назад. Не останавливаясь, я целюсь в него второй ногой, и попадаю ему в грудь, он шипит и начинает оседать, наклоняясь вперед. И снова удача, изловчившись, третьим ударом я попала ему в лицо. Из носа и рта Витька брызжет кровь, он падает и корчится на полу. А мне удается выпутаться из веревки и вытащить одну руку, освобождаю от пут вторую, со всей дури пинаю Витьку по ребрам, чтоб подольше не очнулся, и выбегаю из сарая.

Глава 19 Глава от майора...

С Ангелиной мы познакомился давно, еще в молодости, когда я был «зеленым» лейтенантом. Девка она была по тем временам лихая, красавицей ее не назовешь, так на любителя, но кувыркатся в постели любила, главное без претензий, там жениться не просила, бебики заводит тоже не собиралась, дети у нее вызывали чувство брезгливости. Мы весело проводили время, иногда вдвоем, иногда втроем, любила она эксперименты, а мы с Петром не отказывались. Но тут ее отец узнал про то, какую бурную жизнь ведет его дочь, про кучу аборт, скандал был, в общем, хотел ее денег лишить, она примолкла, исчезла с горизонта. Потом я узнал, что ее отца инсульт хватил, умер он. А через короткий промежуток времени она вдруг пришла и рассказала занятную историю, просит у меня помощи. Нюх на деньги у меня был всегда, а тут явно дело в деньгах. Просит она Аврору, сестру ее, опорочить так, чтоб ее лишили родительских прав, а племянницу передали ей на попечение, зачем ей сопливая племянница не объяснила. За это пообещала мне кучу денег. Я не отказался, был у нас рейд по проституткам, ну мы с Петром, сейчас он мой зам, Аврору, идущую домой с работы, взяли и вместе с проститутками в отделение и привезли, наркоту в карман подкинули. А там оформили, как гражданку, занимающуюся проституцией. Все сошло удачно, кто будет слушать дамочку, без местожительства и работающую официально натурщицей у художников. Аврору запугали, дополнительно уголовное дело оформили за сбыт наркотиков, и сказали, если возле отпрыска своего появится, мы дело в ход пустим, так она к административной ответственности за проституцию, еще лет от пяти до двенадцати получит по уголовной. На суде ее родительских прав лишили. Мы с Петром ее вещички собрали и из города выставили. Ангелина за то дело нам с Петром хорошо денжат подкинула, видно через племянницу она к папенькиным деньгам подбиралась. После этого Ангелина исчезла с моего горизонта. Слышал, что живет хорошо, в школе где-то работает, потом устроилась в министерство образования, дела ее пошли в гору.

И вот через много лет, Ангелина вновь оказалась на пороге моего кабинета. Годы ее не пощадили. И так красавицей не была, а тут уж и не красавица вовсе, пластическими хирургами морда подправлена; говорят, бегала

все годы за богатыми мужиками, но никто не взял. Сидит передо мной вся такая холеная, в ушах серьги с бриллиантами, руки все в золотых кольцах и браслетах. На лице шпугатурки килограмм, глазки мне строит. Не, уже не нужна она мне. Я молоденьких девочек люблю ....

Но ей опять нужна моя помощь, но теперь уже с той мелкой, дочерью Авроры, выросла видать племянница. Чувствую, что опять деньги подвязаны, уж очень сложную схему Ангелина задумала, значит, там крутятся очень большие деньги. За маленькую сумму на такой подлог бы не пошла. Построили мы с ней план, оговорили сумму. Сторговались.

Ангелина, у тебя своя игра, а у меня — своя.....

В субботу проснулись рано, что эта мелкая дрянь сбежала, поняли сразу. Сразу звякнул своему заму Петру, чтоб пробил, брали ли она билеты, и перекрыл выезды из города. Через час точно знали, что брала билет на утреннюю электричку до города, больше нигде не светилась, решили сначала, что спряталась где-то в городе, проверили квартиру, съездили в аптеку.

Ангелина орет, бабка молчит как партизан. Обыскал все шмотки и нашел старое письмо от Авроры из Питера адресованное бабке. Отдал Ангелине, пусть сама со старухой разберется.

Уехал в отделение к своему заму.

— Пусть проверяют все выезжающие машины, камеры вокруг дома и аптеки проверят. Не могла она бесследно исчезнуть.

— Семен, ты осторожнее, под нас и так собственные безопасники копают.

— Да, плевать мне на все, тут такие деньги, как только дело сделаем, я сразу уволюсь и на Кипре виллу куплю, и гарем у меня будет из девок восемнадцатилетних.

— Ха, тебе твоя Ангелина последние волосы на башке вырвет и не только на башке.

— На черта мне Ангелина, она — дура старая, получим деньги, я от нее избавлюсь; помог же избавиться тебе от жены, когда та хотела с тобой развестись и все у тебя отобрать. А здесь такие деньги, что до смерти в шоколаде жить можно, за эти деньги я всю эту семейку закопаю лично.

— Ох, Семен, чует мое сердце, не к добру ты это все затеял.

— Не бзди, прорвемся, главное девку сейчас найти.

Не прошло и часа, как по камерам вычислили, куда она шла, дворничиха рассказала, что видела ее переодетой, даже не сразу и узнала. Составили фоторобот, быстро опросили служащих на автовокзале. Выяснили номер автобуса и маршрут.

Но в некоторых моментах нас ждал сюрприз, оказалось, она получила деньги, которые на имя бабки высылала ей мать больше десяти лет. И сумма очень приличная.

Иду домой на разборки.

Начинаем разборки с порога. Дым коромыслом.

— Вы меня вместе с внучкой потаскушкой обворовываете, — кричит Ангелина.

— Нет, доченька, это ты у нас воровка, я пенсии своей не вижу, Полина — зарплаты, ты все забираешь и на свои наряды да свою рожу поганую тратишь, — гордо отвечает бабка. — Да и дед умирая деньги мне оставил, что то я ни копейки не видела, куда все делось.

— Как ты смеешь, — Ангелина от злости шипит.

— А так и смею, доченька, ты в моей квартире живешь, из моей посуды ешь, на моих стульях сидишь, хватит, побыла здесь хозяйкой, пора и честь знать, — бабка держит оборону.

— Я же говорила, предупреждала тебя, чтоб ты не звонила и не писала этой проститутке, своей дочурке.

— Доченька, ты что-то путаешь, это ты у нас с семнадцати лет по мужикам и по койкам скакала, на тебе пробу ставить некуда было, как отец то это не замечал, и это ты на аборт побежала, боялась, что отец из дома выгонит. А Аврора не побоялась, родила, да и мужик в отличие от тебя у нее был один.

— Не смей так со мной разговаривать!

— А, что ты мне, шалава, со своим упырем, пьянчугой сделаете? Меня давно на том свете ждут, поэтому мне уже здесь ничего не страшно, — упрямо стоит бабка на своем.

Ангелина пошипела, но спесь ей бабка сбила, толка от разговора нет.

Звоню знакомому психиатру, прошу упаковку препарата. Не хотела девка по-хорошему, будет по-плохому.

Почему выбрала Москву? Почему не в Питер к матери махнула?

И тут снова подсказка, «киндер» Алки вспоминает, что возле девки какой-то кент крутился, вроде он его и в больничке видел, доктором назвался. Значит, к мужику побежала, это плохо, очень плохо.

Что за семейка дебилов! Одна паспорт отдала девке и не забрала обратно, другой ушами прохлопал, что возле девки мужик вьется! Как с такими людьми на букву «М» дела проворачивать.

Поэтому прыгаем в тачку с Петром, заезжаем к психиатру за лекарством, и летим за девкой, далеко она не уедет.

Глава 20 Победа № 2

Мои похитители не вдали; кругом ни одного дома; лишь старая покосившаяся избушка, с завалившимся забором; сарай; да несколько остовов домов, что остались после того как их разобрали; кругом густой лес. Я выбегаю на дорогу, бежать по дороге не вариант, увидят сразу. Поэтому бегу в лес, по дороге вспоминаю правила ориентирования. Стараюсь прислушаться, вдруг где-то рядом есть другая дорога, или может другая деревня. В висках пульсирует кровь, приливает и шумит, ничего не слышу, как будто в глухом лесу.

Бегу, бегу со всех сил, ветки хлещут по лицу и цепляются за одежду, босые ноги все в крови от колючей травы, но бегу, это единственное, что сейчас возможно, если остановлюсь — меня найдут и убьют. Остается бежать, бежать как можно быстрее, ведь я не знаю, когда мои похитители меня хватятся.

Ветка ударила меня по лицу, я споткнулась и упала, больно, больно ноге, наткнулась коленом на острую ветку, торчавшую из земли, очень больно, но надо бежать. Прихрамывая, подвывая от боли снова бегу.

В какой-то момент вдруг поняла, что бегаю по кругу, вот елочка, вот небольшой овражек, я их уже пробегала, а вот то место, где упала и поранила ногу.

Ужас от осознания ситуации, я заблудилась, а еще хуже — никуда не убежала, просто кружусь на одном месте. И мои похитители легко смогут меня найти. От страха и ужаса холодный пот потек по моей спине, меня зазнобило, руки и ноги затряслись. Мне понадобилось несколько минут, чтобы взять себя в руки. Стою и уговариваю себя, что все хорошо, ведь я смогла выбраться из сарая, значит, смогу и убежать, найти людей и позвонить в полицию. Полиция....

Нет, в полицию нельзя...

Надо звонить Денису...

И снова бегу, но теперь обращая внимание на ориентиры. Бежать тяжело, когда меня похищали, с меня слетели туфли, и я босиком. Шишки и старая трава колют ноги, через час бега у меня уже все ноги изрезаны, но останавливаться нельзя. Если меня найдут, то меня точно убьют. Нещадно кусают комары, очень хочется пить. Волосы цепляются за ветки, лес становится все гуще. Останавливаюсь, прислушиваюсь. Краем уха слышу, что где-то журчит вода. Справа от меня толи ручей, толи маленькая речка. По реке выбраться проще, главное не заблудиться. Бегу туда, и вот спасительная вода, вода чистая, прозрачная, дно камушки с песочком. Горстями черпаю воду и пью.

Теперь надо определиться в какую сторону бежать. Вокруг тихо, не слышно шума от дорог, значит я где-то глубоко в лесу. Пытаюсь вспомнить, как меня везли, минут за сорок до остановки я перестала слышать шум проезжающих машин, тогда же мы сделали крутой поворот. Скорость была небольшая, значит до трассы километров двадцать, тридцать то точно есть. За ночь пройти можно, нет еды, нет обуви, скоро стемнеет, будет холодно, дневной зной сменится вечерним холодом, я почти раздета, футболка и джинсы не спасут, значит надо идти быстро.

Решила пойти по ручью вниз по течению, если ручей впадает в речку, или сам образует речку, то где-то по его течению все равно найду людей, ведь села всегда строились у рек. Вспоминаю из прочитанных книг, что беглецы часто добегаю до воды, шли дальше по руслу рек, так как собаки не смогут найти беглеца. Это было основным в моем решении передвигаться по ручью, ведь у моих похитителей есть возможность привезти розыскных собак. Холодно, вода еще очень холодная, но у меня нет выбора, галька и камешки так и стараются попасть между пальцами и поранить ноги. Солнце садиться и становится прохладно.

Это была самая длинная ночь в моей жизни. Не раз с отчаянья падала на колени и плакала, но выплавав слезы, снова вставала на разбитые ноги и шла. Ручеек вскоре перешел в речушку, берега, которой покрыла осока, и камыш, идти стало еще труднее, мелководе закончилось, берега стали неровными, дно покрылось корягами и илом, иногда проваливаюсь по колено в холодную воду, выкарабкиваюсь и снова иду.

На мое счастье светать стало рано. В предрассветной дымке стали заметны берега, деревья и кусты. Можно было ориентироваться. С наступлением утра, похолодало. Меня колотила дрожь от холода, так что зуб на зуб не попадал. Мокрая одежда тоже не помогала согреться, дикая усталость парализовала мышцы, я уже сутки ничего не ела, и не сплю вторую ночь, в голове мелькнула мысль, что если сейчас упаду, то встать уже не смогу. Стараюсь подавить панику, у меня уже не осталось слез, только отчаянье....

И тут в предрассветном тумане вижу в отдалении тени машин и шум дороги... Ура! Я спасена....

Глава 21 Спасение

Я бежала до дороги, откуда взялись силы не знаю, бежать пришлось с километр, но я бежала, спотыкалась, падала и снова бежала....

Когда выбежала на дорогу была уже без сил, просто упала на гравий, которым были отсыпаны откосы, и встать уже не смогла. Краем глаза видела, как огромная фура затормозила и стала скатываться на обочину. Хлопнули дверки, и ко мне бежали двое.... Меня тормозили, о чем-то спрашивали, но сил ответить уже не было, я так вымоталась, что сознание просто отключилось.

Очнувшись, и сначала не поняла где это я, узкое пространство, завернута как в кокон во что-то теплое. С трудом

приподнялась. С удивлением поняла, что нахожусь в большой грузовой машине, в каком-то маленьком отсеке позади водителей. Они сидят внизу, и машина летит по дороге.

— О, наша находка проснулась! — радостно обернулся ко мне пожилой коренастый мужчина, он улыбался во весь свой щербатый рот. Что-то доброе, искреннее было в его улыбке. — Долго же ты спала, шесть часов почти.

— Привет, находка! Как ты там? — спросил меня молодой человек, что в данный момент сидел за рулем.

— Давай знакомиться, — снова обратился ко мне мужичок. — Меня зовут Коля, а это Олег, а тебя как?

— Полина, — почти беззвучно, хрипло ответила я, в горле было сухо и першило.

— Так что с тобой случилось, Поляночка?

— Я в лесу заблудилась, всю ночь дорогу искала, — я побоялась говорить правду незнакомым людям, пусть лучше так, ведь узнав о похищении, они могли позвонить в полицию, и тогда майор со своими поделщиками опять бы меня нашли.

— Бедолага. Так тебя, наверное, ищут? — посочувствовал мне щербатый Коля.

— Наверное, надо позвонить, можете мне дать телефон?

— Да, не вопрос, — Коля порылся в карманах своей куртки и протянул мне старенький, потертый, кнопочный телефон.

На мое счастье я помнила все телефоны наизусть. Вот только кому звонить? Ангелина что-то говорила о моем парне, как они узнали о нем. Я в голове быстро прокручиваю события того дня, когда меня похитили. Где был мой телефон? Я его выключила на всякий случай, и хотела включить уже при въезде в Москву. И тут меня я вспомнила, выключив телефон, положила его в карман впереди стоящего сидения, значит, вышла из автобуса без него, и у моих похитителей его нет. Тогда почему Ангелина так уверенно говорила о моем парне? И тут память снова подкинула мне разрозненную информацию, встречу Дениса с Витькой возле дома, наверное, они решили, что я бежала к нему. Так, значит, Денису лучше не звонить. И я решила набрать Руслана.

Но как говорить в автомобиле при случайных свидетелях, надо сказать информацию так, чтобы они ничего не заподозрили.

— Скажите, Николай, а куда мы едем?

— Так в Москву, если тебе надо в другую сторону, сейчас по рации свяжемся и пересадим тебя на другую машину, — начал было Коля.

— Нет, нет, мне как раз надо в Москву, — остановила его я. — А нам долго еще до Москвы?

— Скоро в Нижнем будем, часа через два точно, а там до Москвы рукой подать, — говорит Николай.

— Ничего себе, как я сюда попала, — срывается у меня с языка, и понимаю, что проговорилась.

— Так ты не знала, где ты была? — удивленно спрашивает Олег.

— Мы просто с друзьями поехали к их родственникам, я не спрашивала в какую область, деревня и деревня, — на ходу вру.

— Тогда понятно, а как заплутала?

— Да, поссорилась, решила уехать домой, пошла через лес к дороге и заблудилась. Вещи потеряла, в речку упала, с трудом нашла дорогу, — продолжаю врать, хоть и стыдно врать таким хорошим людям, но своя шкура дороже.

— Тогда понятно, горемыка ты, больше не ходи одна в лес.

— Не буду, — бурчу себе под нос, теперь то уж точно никогда в лес не пойду.

Я набираю номер Руслана. Стараюсь говорить кратко, объясняю, что звоню с чужого телефона, в какой машине еду, через какое время буду в Нижнем, где меня встретить. Получаю краткий ответ, и выключаю звонок.

Все буднично, как будто не было похищения, того страшного сарая, где держали меня связанной, сумасшедшего признания моей мачехи, побега, и этой ужасной ночи в лесу, когда я была на грани. И спасения, моего спасения...

Кажется, что все, что со мной произошло, было не со мной, словно смотрела кино, фильм ужасов со мной в главной роли.

Я пила горячий чай, заботливо налитый мне Николаем, смотрела в окно, на пролетающие мимо пейзажи, и все прокручивала в голове события последнего дня, рассказ Ангелины, то, что поведала мне бабушка в своей исповеди, все сложилось в картинку моего прошлого, теперь стало понятно, из-за чего был весь сыр бор. Паззлы сложились!

Глава 22 *Мой новый дом*

В Нижнем на стоянке дальнбойщиков меня встретил Руслан. Я не знала, как он выглядит, боялась, что моя ложь выйдет наружу, но как только увидела рослого красивого парня, почему то сразу поняла, что это Руслан.

Тепло попрощавшись, со своими спасителями, покинула их уютную машину.

Четыреста километров до Москвы мы промчались на машине за шесть часов, почти не останавливались.

Остановились всего раз, чтобы покушать и купить мне одежду, моя рванная и грязная верхняя одежда могла вызвать вопросы.

В Москву въехали ближе к вечеру, Руслан кого-то набрал, быстро переговорил, и набил в навигаторе новый населенный пункт.

— Куда мы сейчас? — спросила я Руслана.

— Едем в коттеджный поселок, там пока поживем, ты устала?

— Да, и есть хочу, — последний раз я ела на маленькой заправочной станции часа три назад.

— Ну, потерпи, тут недалеко.

Мы еще с полчаса едем по каким-то дорогам, окруженным лесом, вдруг лес расступился, и перед нашим взором выросла кирпичная стена. Мы подъехали к воротам, они автоматически открылись. И вот въезжаем в коттеджный поселок....

Ух, я такую красоту только на картинках видела в модных зарубежных журналах, двух и трехэтажные красивые дома среди сосен и берез, между ними зеленые, красиво подстриженные лужайки, посередине поселка озеро, все ухоженное, к каждому дому своя отдельная дорожка из белого кирпича, все чисто. Наконец подъехали к нужному коттеджу.

И тут мое сердце просто подпрыгнуло, сделало кульбит и выдало бешеный галоп. Дверь шикарного коттеджа открылась, и на крыльцо вышел Денис. Черная футболка подчеркивало его красивое тренированное тело, он был в простых джинсах и кроссовках, но какой же он красивый. Он шел мне навстречу и улыбался. Сердце снова затрепыхалось, в животе проснулись бабочки, зашелестели крылышками, вспорхнули, весело закружили. Время словно остановилось, я видела только его, мир вокруг вдруг стал как вязкое желе, и у меня заложило уши.

— Привет, я так долго ждал тебя....

Это не слова, а музыка для моих ушей. Я так боялась, что за почти месяц, который мы не виделись и редко звонили друг другу, он меня забыл. Так долго моя душа тосковала по нему, а ведь раньше я даже не смотрела на парней. От радости не смогла сдержаться, заплакала, слезы бежали по моим щекам, после всего пережитого, снова увидеть его, когда, казалось, уже ничего больше не будет в моей жизни, меня просто убьют и закопают. И вот я снова с ним рядом....

— Что ты плачешь, родная моя, — обнимая меня, говорил Денис. — Все осталось позади, теперь ты дома, я тебя никому не отдам.

— Я так скучала....

— Я тоже скучал, но все прошло, теперь мы будем вместе

Через десять минут мы уже сидели в просторной кухне и ели вкуснейшую запеченную рыбу с овощами. Денис с Русланом наперебой рассказывают, как присматривая за мной, Руслан вычислил, что я готовлюсь к побегу и уже хотел предложить мне помощь, но я пропала.

И тут уже я начала рассказывать все с самого начала, про какие-то документы, свадьбу, скабрзные потуги моего отчима, Витька, и предложение меня продать, и про бабушку, и ее странную исповедь. Рассказала я и про свое похищение, какую судьбу уготовили мне мои родственнички, как мне удалось вырваться из сарая, долгое блуждание по лесу, и нечаянное спасение. Рассказывала сухо, без эмоций, видимо все чувства умерли еще тогда в лесу, от того, что я пережила.

Только видела, как во время моего рассказа, сжимались кулаки у парней, как катались желваки по скулам Руслана и Дениса, Денис даже выругался.

— Вот, сволота, давно знаю, что Пирог к себе в кабинет да в сауну девчонок таскает, только на него заявление никто писать не хочет, все боятся его, застрашал весь город, а его подчиненные — свидетелей, вот и молчат все, а Пирог распоясался.

— Родственничков твоих судить надо, — сделал заключение Денис.

— Да, для этого надо твои свидетельские показания, потом на них заведут дело о похищении, — Руслан задумчиво почёсывал щетину, видимо побриться с утра времени у него не было — спасал мое тело.

— Давай сначала мы ее отправим отдохнуть, потом сами делами займемся, — прервал Руслана Денис, Руслан при этом одобрительно качнул головой.

И Денис повел меня наверх, показывать мне мою комнату.

Я шла и разглядывала комнаты, удивляясь; дом был внутри так красиво обставлен, с таким вкусом; такую красоту я видела только в глянцевах журналах про интерьер; когда то давно в детстве мечтала стать дизайнером и любила смотреть журналы.

— Дом не мой, родителей. Они сейчас устроили себе отпуск и на месяц уехали в Испанию. Папа и мама у меня врачи, в свое время открыли частную клинику, там и работают. А я вот пошел по другой стезе — инженер, работаю на одно немецкое предприятие, мы продает и устанавливает медицинское оборудование. Я чисто городской житель, квартира у меня в Москве. А вот и твоя комната, — с этими словами он распахнул передо мной дверь, и я ахнула. Во всю стену комнаты было окно, которое выходило прямо в сад. Комнату заливал свет заходящего солнца, окрашивая мебель в золотисто — багряные тона. Большую часть комнаты занимала кровать и пара кресел, в

противоположной стене было две двери.

— Нравится? — спросил Денис.

Я закивала головой, как китайский болванчик, у меня даже слов не было, как все здесь прекрасно, просто и в то же время уютно.

— Вот там дверь в ванную, а рядом в гардеробную, располагайся, отдохай — сказал Денис, поцеловав меня в висок, удалился, осторожно прикрыв дверь.

Как только он ушел, я поспешила в ванную, смыть с себя грязь от чужих прикосновений, грязного багажника, пыль сарая, и ила лесной речушки.

Но войдя в ванную, потеряла дар речи, так меня поразило убранство ванной комнаты. В центре перед окном, выходящем на лес, стояла огромная, красивая ванная, настолько огромная, что в ней можно легко поместиться вдвоём, стены комнаты были выложены мраморными плитами, везде зеркала в полный рост, здесь был даже маленький диванчик и кресло, на вешалке висел мохнатый халат и два полотенца.

Я сбросила с себя одежду, быстро наполнила ванну, на полочках нашла много разных бутылочек с разными гелями, и вот лежу в ванной и смотрю через окно на темнеющее небо. Всю жизнь об этом мечтала.

Закутав волосы в полотенце, а себя в халат, выхожу в спальную, прыгаю на свою кровать, даже не разбирая ее, поверх шелкового покрывала, что приятно холодит ноги.

И мечтательно смотрю на закат в окне, темнеющий лес и первые звездочки.

Уснула мгновенно.

Глава 23 *Моя новая жизнь...*

Утром я проснулась рано. Удивительно, я точно помню, что у меня не хватило сил расправить кровать, а проснулась, укрытая одеялом, шелковое стеганое покрывало покоилось на одном из кресел, а подушка была заботливо подсунута мне под голову. Я улыбнулось, представив, как Денис переносит меня на руках, расстилает постель и заботливо укутывает одеялом.

А потом меня бросило в пот, и лицо залило краской, ведь на мне не было белья, что если халат распахнулся.

Но отдых, даже такой небольшой, благотворно на мне сказался.

От моей вчерашней усталости не осталось и следа, только саднили царапины и чесались укусы комаров. Иду в душ, одеваюсь во вчерашнюю одежду, что купил мне Руслан на маленьком придорожном рынке, другой одежды у меня нет, и спускаюсь вниз на кухню.

Кухня также прекрасна и удобна, как все в этом доме. Быстро нахожу в огромном холодильнике нужные ингредиенты и готовлю завтрак для моих мужчин.

Видимо на запах еды в кухню спускается Денис, обнимает меня сзади и нежно целует в макушку, за ним подтягивается Руслан. Оба не выспавшиеся, всклоченные, небритые, под глазами синяки, сидят, пьют кофе. Я побыстрому накрываю на стол, как всегда омлет с сыром, тосты, салат, режу на бутерброды все, что нашла в холодильнике.

— О, хозяйюшка, ты наша, чтобы мы без тебя делали, — мужчины набрасываются на еду.

— Что сегодня будем делать? — спрашивает Руслан.

— Мне на работу срочно надо съездить, так что ты через час два, три подруливай к офису, дальше по обстоятельствам, — решает Денис.

Они завтракают, перекидываются между собой короткими фразами, из них понимаю, что мои мужчины уже начали действовать, только не хотят меня нагружать информацией, дают время мне на передышку. Ведь впереди самый трудный бой с моими родственничками.

После завтрака они быстро собираются, и уже на пороге Денис вспоминает, — Полина, ты без вещей приехала, я тут попросил жену своего друга помочь тебе подобрать гардероб, она подьедет, с тебя мерки снимет. Ты уж не удивляйся.

— Что ты, Денис, зачем беспокоить кого-то, я и так прохожу, скоро все закончится, я заберу свои вещи.

— Я думаю, что это не скоро закончится. Так что расслабься и получай удовольствие от шопинга! — он улыбнулся и вышел из дома.

Не успела я помыть посуду, как в дверь позвонили. Открываю, на пороге стоит такое рыжее гламурное чудо, девушка красивая глаз не оторвать, очень похожая на Николь Кидман в юности, с копной рыжих волнистых волос и ярко-голубыми глазами.

— Привет, я — Юля. Денис просил меня к тебе заехать.

— Привет, Юля. Я — Полина, проходи, пожалуйста.

Юля прошла, минула прихожую и сразу в гостиную, плюхнувшись на диван, положила ногу на ногу и прошлась оценивающим взглядом по моей фигуре, вызвав волну смущения у меня. На меня часто так оценивающе смотрели мужчины, но женщины — скорее с жалостью, иногда с завистью.

— Так и знала, что если Денис выберет себе девушку, то какую-нибудь сногшибательную. Ты просто

красотка.

Я зарделась, никто некогда мне такое не говорил, Ангелина наоборот все мои достоинства переводила в недостатки, что высокая я как каланча, слишком худая и страшная. Поэтому все свое детство и юность я комплексовала из-за своей внешности. Мне была приятна похвала Юли, сердце приятно забилося еще и от того, что меня называли девушкой Дениса. Никогда не была ни чьей девушкой, Витек не считается...

— И так, Денис не сказал мне на какие случаи жизни тебе подбирать гардероб, может, покажешь вещи, которые у тебя с собой.

И тут я вспомнила те линялые, старые тряпки, которые я называю одеждой, и посмотрела на ту одежду, в которой была Юля, мне стало ужасно стыдно. Я даже не замечала раньше, как плохо я была одета, как нищенка.

— У меня нет одежды с собой, так получилось, собиралась в спешке, — соврала я, не хотелось Юлю посвящать во все нюансы моего побега.

— Хорошо, тогда на первое время подберем тебе базовый гардероб.

И Юля с энтузиазмом стала снимать с меня мерки.

— У тебя какой рост?

— Метр семьдесят шесть.

— О, супер, у тебя потрясающие параметры, ты моделью в нашем магазине не хочешь поработать, мы иногда для клиенток устраиваем показы?

— Может быть, как-нибудь попробую, — замялась я.

— Подумай, сейчас лето, клиенток не так много, а осенью будем новую коллекцию показывать, — Юля говорила с таким энтузиазмом, а мне было страшно, как это выйти и показать себя другим.

— Я тебе даже за это некоторые вещи подарю.

Юля вертела меня и так и этак, что-то прикидывала, прищутив глаз.

— У тебя просто шикарное тело, не прячь его, знаешь тебе надо немного раскрепоститься, походить на занятие по пластике и растяжке, может танцами заняться. Ты же очень красивая. А еще скажи Денису, что я тебе к своему парикмахеру запишу, пусть свозит, тебе надо подравнять кончики волос и сделать для них маску.

Потратив на меня два часа драгоценного времени, Юля упорхнула. Я даже не успела спросить ее, сколько буду должна за новые вещи.

Немного отдохнув, я пошла в кухню, готовить ужин своим бравым защитникам.

Они вернулись поздно вечером, все такие же уставшие, Денис положил передо мной кучу пакетов, сказал, что это вещи от Юли и ушел в душ.

Пока я накрывала на стол, мужчины привели себя в порядок, и к столу вышли бодрые, в хорошем настроении. Мы ужинаем. Перекидываемся новостями, шутили и смеялись.

— Полина, как прошел шопинг с Юлей, ты уже примеряла вещи, — интересуется Денис.

— Нет, — отмахиваюсь я, просто стесняюсь представить перед моими спасителями в новом имидже.

— Давай ужин закончим и посмотрим, что тебе выбрала Юля.

После ужина Денис просто из-под палки погнал меня примерять новый гардероб.

Никогда в своей жизни я еще не носила новых вещей, это было так необычно, когда достаешь из пакетов что-то красивое с этикетками в хрустящих прозрачных обертках. Одежды оказалось много, слишком много, а еще было нижнее белье из кружева, и даже балетки и кроссовки в коробке. У меня голова пошла кругом. Даже не знаю, сколько это все стоит, на этикетки смотреть страшно.

Наконец выбрала джинсы, топ, пиджак сверху и одела кроссовки.

Выхожу в зал, где на диване расположились Денис с Русланом.

— Ооооооо, блин, Ден, я тебе завидую, где ты такую красавицу открыл, нет правда, я видел, конечно, что красивая девушка, но не до такой же степени, — восхищено глядя на меня говорит Руслан.

— Я сам себе завидую! — смеется Денис.

От их шуток хочу удрать обратно, но Денис ловко соскакивает с дивана и почти набегу ловит меня, поднимает на руки и несет ближе к окну.

— Не убегай от меня, моя испуганная лань, я тебе еще не рассмотрел, — Денис ставит меня на ноги, и заставляет покружиться. — Ты прекрасна!

Я смеюсь, впервые мне говорят, что я красивая, впервые мной восхищаются.

Хочу запомнить этот момент.

Мне кажется, что все мои беды остались позади...

Если бы я знала своё будущее...

Глава 24 Долгожданная встреча

Конец мая, весна заканчивается, на улице солнечно и тепло, все деревья в цвету, зеленая трава густо покрыта

яркими одуванчиками. Каждый день мы с Денисом ездим куда-нибудь: были на ВДНХ; съездили на Воробьевы горы; прошлись по Красной площади; заглянули в храм Василия Блаженного; побывали в Казанском соборе; съездили и прогулялись по Тверской и театральному проезду, посмотрели на большой театр. Денис пообещал, что мы обязательно в ближайшее время выберемся в театр. Вчера сходили в Пушкинский музей, долго гуляем по старому Арбату. Я смотрела на выставленные, на продажу картины, художников, что рисуют портреты, сидя прямо на асфальте, лавки с сувенирами. Здесь другой мир, он цветной, яркий и затягивает меня в свой круговорот. Так захотелось нарисовать его.

Озвучила Денису свои мысли, он засмеялся, а на утро я нашла возле своей кровати альбом для акварели, кисти и набор красок.

Правда, Руслан был против наших прогулок, он не хотел, чтобы меня вычислили, но в большой и шумной Москве так легко затеряться.

Прогулки с Денисом дарили мне нереальные ощущения, эйфорию, жизнь для меня поделилась на «до» и «после». Именно сейчас я живу на полную катушку, вдыхаю аромат жизни, до этого она была просто черновым наброском на холсте.

Мы вместе, Денис говорит, что мы пара. У меня никогда не было парня, и я всегда об этом мечтала. И сейчас все как в моих мечтах и даже лучше. Если бы я сейчас встретила своих девчонок с работы, то обязательно с ними посплетничала. Жаль, что мне некому рассказать, как счастлива.

Руслан пропал на несколько дней, а когда появился вновь, заговорщицки подмигнув, сказал мне собираться, нам надо куда-то ехать. Я уже по привычке натянула джинсы, футболку и одела кроссовки. Волосы уложила в хвост. Если бы вы встретили меня на улице, то не отличили бы от тысячи прогуливающихся по городу девушек.

И вот машина везет нас в центр Москвы.

— Руслан, а куда мы едем?

— На Воробьевы горы.

— Зачем?

— Увидишь, но тебе точно понравится, — Руслан улыбается.

Мы оставляем машину неподалеку и идем к смотровой площадке. Народу много, толчея, куча туристических автобусов, китайские и корейские туристы, маленькие, юркие, шумные с фотоаппаратами и телефонами пытаются запечатлеть панораму. Через минуту на площадке появляется свадьба, красивая невеста в платье торте под руку с женихом во фраке, в сопровождении огромной толпы подруг, друзей и родственников, шумно, кто то начинает открывать шампанское и разливать его по пластмассовым стаканчикам, фотограф пытается уговорить толпу гостей и построить всех для общего фото. Шум, гам, крики «горько».

И вдруг для меня все стихло, в ушах просто звенящая тишина, словно кто-то воткнул туда беруши. Я смотрю и не могу отвести глаз. Возле перил стоит женщина и смотрит на меня, она словно мое продолжение, но только старше лет на двадцать. Высокая как я, не знаю почему, но все детство стеснялась своего роста, светлые вьющиеся волосы, красиво заколотые наверх, оголяют длинную шею, мягкие черты лица, голубые глаза. Ее фигурка точенная, с красивыми изгибами, длинные ноги. Она улыбается моей улыбкой, словно притягивает меня. И я вдруг понимаю, что это моя .....

Мама!

Господи! Я бросилась ей шею, обхватила ее руками, вдыхая аромат ее тела, я так скучала по ней, так долго плакала, читая ее письма бабушке. И вот она здесь, рядом, до нее можно дотронуться.

— Мамочка, — шепчу я ей на ушко.

— Доченька, как долго я ждала этой встречи.

Мы все стоим в обнимку и никак не можем оторваться друг от друга, народ на площадке передвигается, людская река обтекает нас, изредка касаясь.

Не знаю, сколько мы так простояли, но подошел Руслан.

— У нас мало времени.

— Почему, мам, ты разве уезжаешь?

— Дочь, — мама смотрит мне в глаза. — Я не хочу тебе навредить.

Я в отчаяние, смотрю на Руслана.

— Я устроил эту встречу вам, но это опасно, за всеми твоими близкими следят, Пирог устроил слежку и прослушку, — говорит мне Руслан, хотя я плохо понимаю его слова. — Поэтому сегодня вы просто увиделись, скоро мы во всем разберемся, и тогда ты поедешь к маме.

Я смотрю, и понимаю, что мама сейчас исчезнет опять, у меня на глазах наворачиваются слезы....

— Доченька моя, я уже больше никогда не уйду, я всегда буду с тобой, но сейчас не хочу сделать тебе плохо, не хочу, чтобы тебя нашла моя сумасшедшая сестрица, и ее муж. Ко мне уже приходили из милиции, я знаю, они тебя ищут.

— Мам, зачем я им? Почему они меня преследуют?

— Поленька, я точно не знаю, но есть какая-то загвоздка в завещании, что написал твой дед, — говорит мама. — Меня тогда Ангелина после смерти отца из дома выгнала, со своим другом милиционером завели на меня уголовное дело, суд по опеки я проиграла, а они пугали меня тюрьмой, выгнали из города. После смерти отца должны были огласить завещание, и они не хотели, чтобы я там присутствовала, поэтому от меня избавились. Что там было в этом завещании, я не знаю.

— Мам, я не хочу прятаться по углам, я хочу жить нормальной жизнью.

— Потерпи родная, мой муж тоже подключил нужных людей, мы их скоро выведем их на чистую воду, и тогда ты сама выберешь, где ты будешь жить.

— Ты знаешь о Денисе?

— Конечно, Руслан мне все о тебе рассказал, и я буду рада познакомиться с Денисом, но это будет позже.

— Мама, там осталась бабушка, одна с этими извергами!

— Не бойся за нее, бабушку мы поместили в санаторий, она сейчас чувствует себя хорошо. Через неделю или две, мы ее заберем к себе.

И тут к нам подошел высокий моложавый представительный мужчина, лишь пробивающаяся на висках седина, указывала, что он уже не молод, он улыбнулся, в уголках глаз образовались лучики из морщинок. Чуть приобняв маму, он сказал, — Нам пора.

— Познакомься, Полина, это мой муж — Александр Андреевич Одоевский. — Он известный врач кардиохирург.

Александр Андреевич широко улыбнулся и протянул руку, словно сомнамбула я протянула ему руку в ответ, и тут он обнял меня и сказал, — Всегда хотел иметь дочь, очень рад, что теперь она у меня есть.

— Я тоже рада.

— Мы были осторожны, сюда приехали, даже не взяв телефоны, Руслан помог нам в Питере оторваться от «хвоста», все прямо как в лучших шпионских боевиках, — смеется Александр и подает мне маленький кнопочный телефон. — Мы не прощаемся, Полина, по этому телефону ты можешь связаться со мной, если вдруг понадобится помощь, или вечером, если захочешь поговорить с мамой, телефон этот не отследить. Так что все как у шпионов.

Он снова засмеялся, приобнял маму и поцеловал ее в висок. У меня защипало глаза, навернулись слезы. Так не хотелось их отпускать. Но время уходило, им надо было двигаться домой, а мне продолжать ждать и бороться за свою свободу.

На прощание, мы договорились друг другу звонить каждый вечер.

Глава 25 *Бабушка.*

Я так давно не говорила с бабушкой, единственным родным мне человеком, который был рядом все беспросветное моё детство. Волнуюсь за нее, полгода назад она очень плохо себя стала чувствовать. У нее скакало давление, мучали боли в желудке, ноги почти не ходили, с трудом ходила сама до туалета. Жаловалась на сердце. Тахикардия.

Переживаю за нее, даже слова мамы меня не успокоили, конечно, хорошо, что она сейчас не с Ангелиной, но за ее здоровье я очень беспокоюсь. Решила позвонить ее подруге бабе Кате с телефона, что мне дали мои родные.

Знаю, что Руслан будет недоволен, он не разрешает мне звонить Ольге Леопольдовне, девчонкам в аптеку, людям, которые меня знали и возможно переживали за мою судьбу. Ведь охота на меня продолжается, а значит, есть риск, что по звонкам могут вычислить, но страх за бабушку пересиливает страх перед опасностью, что меня обнаружат и снова вернут домой.

— Добрый день баба Катя! — я говорю тихо, словно боясь, что меня услышат мои преследователи. — Это я — Полина.

— Ой, доброе, Поленька, как давно я тебя, деточка, не слышала, не видела, все ли у тебя хорошо, — сыпет словами добрая старушка.

— Все хорошо, баба Катя, я за бабушку волнуюсь, как она там?

— Да, как ты уехала, Ангелина на нее набросилась, чуть не сожрала заживо, да бабушка твоя хитрая, она ко мне сбежала, а тут мы ей вызвали скорую, и ее увезли в больницу, там она недельку полежала, и я позвонила Авроре, та ей оплатила месяц в санатории у нас на Волге.

— Да, мама мне говорила, что бабушка в санатории.

— Так ты виделась с мамой?

— Да, видела, баба Катя, и очень этому рада. Но вы так и не сказали, как бабушка себя чувствует?

— Так хорошо, Поленька, ничего у нее не болит, кушать стала, поправилась, и тахикардия с давлением прошли, как рукой сняло.

— Как хорошо. Ей домой никак возвращаться нельзя.

— Так, Поленька, мы уже все придумали, пока Ангелина со своим хахалем полями рыскает, мы ее в Питер к

Аворе отправим. Дочка ее уже ждет.

— Спасибо вам, баба Катя, что бы мы без вас делали.

Прощаюсь с доброй старушкой и набираю телефон бабушки. Знаю, что опасно, ее точно прослушивают, но так хочется услышать родной голос. Стараюсь говорить кратко и быстро.

— Привет, Ба, как ты?

— Привет, моя хорошая, как же я по тебе соскучилась.

— Как твое здоровье?

— Да отлично все у меня, и на здоровье не жалуясь, еще на свадьбе твоей погуляю и правнуков своих понянчу.

— Я очень рада, бабушка, мы обязательно тебя заберем к себе, — у меня щиплет глаза от слез, но я не хочу, чтобы бабушка это почувствовала. — Ну, я побежала, Ба, так рада была с тобой поговорить, ты уж береги себя.

— Пока внученька, пока....

Я поговорила и успокоилась, на душе стало хорошо. Сажу в своей комнате, уже вечер, тихо, спокойно, и всплывают воспоминания.

Вот и в моем детстве были такие спокойные вечера, когда Ангелины не было дома, я приходила в комнату к бабушке, она рукодельничала, а я читала ей книги. В нашем доме была большая библиотека, оставшаяся от моего прадеда, в ней было много очень редких изданий и даже антикварных, но все же больше было художественной литературы. Дедушка тоже не отставал от своего отца и активно пополнял коллекцию книг. Так что для чтения у нас было много чего интересного.

Бабушка всегда сидела в кресле, оно было старое и скрипучее, потертые подлокотники прикрыты белой накидкой. Бабушка, с накинутой на плечи шалью, что-то вяжет, тихо побрякивают спицы, вязаное полотно закрывает бабушкины коленки.

Под мое чтение, бабушка засыпает, с носа скатываются очки с толстыми линзами, на коленки падают спицы. Она вздрагивает, встряхивает головой, прогоняя дремоту, поправляет очки на носу, и снова берется за спицы.

В сердце тепло, я поговорила с любимыми, родными людьми.

Глава 26 *Разгадка ребуса.*

Каждый день Руслан куда-то исчезает, приезжает поздно, долго обсуждает на кухне дела с Денисом, мне они нечего не говорят, видимо не хотят беспокоить.

Но мне тревожно, знаю, что в опасности, и эта опасность пока никуда не исчезла. Вижу, что мои мужчины не хотят меня тревожить, и не рассказывают всей правды, но видно дела пока идут плохо, чем дальше, тем меньше они улыбаются. И тем реже они меня выпускают из коттеджного поселка.

В один прекрасный момент к нам приезжает человек в штатском, но по его выправке и прическе сразу понятно, что он офицер каких-то силовых структур. Взгляд его цепкий, холодный, как стальная бритва, такому не соврешь.

Коротко представляется и достает из объемного портфеля бланки, диктофон. Только понимаю, что тоже майор, как мой отчим. Он просит рассказать всю историю от начала до конца, и ставит передо мной записывающее устройство.

И я рассказываю....

Все! И то, как подставили мою маму, как оказалась в руках мачехи Ангелины, ее исповедь про убийство отца, мою жизнь с ней, какие-то таинственные документы, как появился в моей жизни Семен Петрович, и все, все...

Рассказываю долго, не останавливаясь, даже не переживая, как робот. Только вижу, как меняется от моего рассказа лицо Дениса, то темнеют, то суровеют его глаза, вижу, что он переживает за меня все мои злоключения.

А я переживаю за него, ведь в какой-то раз слышит мой рассказ, он даже представить себе не может, что это все можно вынести и не сломаться.

Когда мой рассказ заканчивается, меня просят подписать какие-то бумаги, и говорят, что я теперь свидетель. И что на отчима заведено уголовное дело, возможно и на мачеху, и впереди судебное разбирательство, по которому я буду проходить свидетелем. Смотрю на Дениса, вижу в его глазах поддержку. Это меня успокаивает.

Хотя мне до жути страшно снова лицом к лицу встретиться со своими «родственничками», выступать на суде, смотреть в глаза этим монстрам.

Но я на все согласна, ведь у меня есть Денис, который меня не бросит, он моя стена и защита...

Уже поздно вечером за ужином Руслан рассказывает, что все-таки нашёл нотариуса, у которого хранится завещание моего деда. И тут начинается все самое интересное. Конечно, не один нотариус не разгласит завещание чужим людям, но им было сказано, что завещание Казакова Владимира Петровича будет оглашено в мой двадцать первый день рождения, либо после моего замужества, если такое событие наступит раньше.

— Теперь ты понимаешь, почему твоя мачеха так спешила со свадьбой, — говорит Руслан.

— Да, паззлы сложились, я бы вступила в наследство, а там бы они заставили через нотариуса переписать все на них, вот о каких документах они все время говорили, — говорю тихо, в моей душе пусто, деньги руководили

этими людьми, только деньги.

— Вот отсюда и весь сыр бор.

— За деньги эти люди пойдут на любую подлость, — говорю я.

— Смотри, за какие деньги? Ты хоть представляешь, наследницей чего ты становишься? — говорит Руслан улыбаясь.

— Я как-то даже не задумывалась, Руслан.

— Я тут поковырялся в прошлом твоего деда, он был коллекционером.

— Я уже в курсе, только картин этих никогда не видела.

— Ну, наследницей станешь и увидишь, а вот цена этих картин просто баснословная, там, на десятки миллионов долларов оценили эксперты, а может и больше, это предварительная оценка, — Руслан смотрит на меня с восторгом в глазах, ждет моей реакции, а ее нет, меня за эту коллекцию пытались продать, как вещь.

— Теперь понятно, почему моя тетка Ангелина отобрала меня у матери, — говорю тихо. — Вот почему она поругалась с отцом, всему причина — завещание. Она знала о нем с самого начала, она отобрала меня у родной матери, чтобы деньги ее отца никуда не ушли. Если до двадцати одного года только мать могла распоряжаться моими деньгами, значит, ей было выгодно. А я — то глупая всю дорогу думала, что я плохая дочь, мама Ангелина на меня сердится, поэтому не любит, а ей просто на меня было наплевать, ей нужны были мои деньги, — столько горечи было в моих словах.

— Ну, что ты, заяц, все хорошо, мы больше тебя им не отдадим, — Денис меня обнял.

Нет, мне, конечно, интересно было посмотреть на коллекцию моего деда, но деньги для меня не главное, нет у меня чувства счастья и эйфории при упоминании, что становлюсь богатой наследницей. Смотрю на Дениса, вижу, он как-то сник, его не очень обрадовало это известие.

— Руслан, мне не интересны деньги, тем более за эту коллекцию, меня девятнадцать лет заставляют проходить через такие тернии, что радости от получения наследства у меня нет.

— Получив наследство, ты можешь зажить очень богато, тебя это разве не радует?

— Нет, не радует, все, что мне нужно, у меня уже есть, — я смотрю на Дениса, вижу, как он совершенно по-другому на меня смотрит, и улыбается.

Мне почему-то так хорошо становится на душе, так тепло, словно лучик света скользит по моей душе, согревая ее.

А через неделю мы получаем известие, что Семена Петровича арестовали, взяли и его зама и даже Витьку. Вот только Ангелина куда-то исчезла.

Мы выдохнули, больше не надо скрываться, и я с Денисом переезжаю на его городскую квартиру, в Москву.

Глава 27 Неожиданная встреча...

Уже июнь. Солнце по-летнему припекает, заставляет плавиться пыльный асфальт, жара раздражает и утомляет спешащих по своим делам горожан, от пекла так и хочется убежать в тенистые аллеи. Вот и я свернула в маленький парк в центре Москвы. Здесь тихо, почти не слышно городского шума, тень, по дорожкам парка важно ходят жирные голуби в вечных поисках пропитания, в тенистых аллеях прохладно, журчат фонтанчики, и медленно прогуливаются мамы с колясками.

Денис ушел на работу, попросив его подождать два часа, погулять, а потом мы решили ехать в коттедж, сегодня прилетели родители Дениса, и он очень хотел познакомить нас.

Ожидая Дениса, гуляю по аллеям.

Этот голос, он словно из другой жизни, заставил меня дернуться и обернуться.

— Полина! Привет! Что ты здесь делаешь? — это был Станислав.

— Здравствуй, — неприятный холодок побежал по спине, какое-то внутреннее предчувствие....

— Шикарно выглядишь.

— Спасибо.

— Очень рад тебя здесь увидеть, вот познакомься, это моя мама — Людмила Васильевна, она у твоего деда была много лет секретарем, — Стасик оборачивается и показывает, на сидящую, на скамеечки даму.

— Очень рада, — кивком головы приветствую ее, дама даже не соизволила подняться и подойти, смотрит издали холодным, стальным взглядом, губы поджаты, вспомнилось ее прозвище «Мегера», так за глаза звала ее Ангелина и сослуживцы деда.

— Так как ты тут оказалась, — у Полины и в мыслях нет, рассказать Стасику о своих злоключениях, поэтому она сходу придумывает историю.

— Так я у Ангелины отпросилась, Москву посмотреть...

— Вот и мы решили с мамой поездить, посмотреть, мама в Подмоскowie квартиру купила, — говорит, улыбаясь, Стасик, вот только глаза смотрят изучающе, он не верит мне, по глазам вижу, что не верит.

— Ну, удачи вам.

— Стой, Полина, может, зайдём в кофейню тут недалеко, кофе попьём? — голос Станислава заискивающий, он и позой и жестами старается показать, что рад этой встрече, и ему хочется задержать меня.

Мне спешить некуда, в запасе ещё много времени, почему и не выпить кофе. Я киваю, Стасик подхватывает под руку свою маму, и мы идем к кафе.

Кафе действительно оказалось очень оригинальное во французском стиле Прованс, с уютными белыми столиками и стульчиками, изумительно пахнет кофе, на каждом столике маленький букетик лаванды, а ещё по всему помещению разносится запах свежей сдобы. Нам приносят наш заказ: кофе эспрессо, воду в прозрачных стаканах и нежные круасаны. Станислав непринуждённо болтает, что-то рассказывает об очередной выставке, рассказывает о музеях, где они уже побывали, что-то спрашивает меня, а я отвечаю ему очень осторожно, вот где-то шестым чувством ощущаю, что не нужно много говорить.

В какой-то момент, он спрашивает, где я остановилась, и тут понимаю, что это очень скользкая тема, ведь я не знаю название ни одной гостиницы, да и не знаю, где они в Москве живут, да и вообще города не знаю, боюсь попасть впросак. Поэтому извиняюсь и бегу в туалет.

Только вхожу и чувствую как по спине потек холодный пот, вот ведь чувствовала, что не нужно было с ними идти в это кафе. И эти холодные льдистые глаза мамы Станислава, ее взгляд точно иглами готов проткнуть меня. А ещё где-то внутри появилось чувство тревоги, если сначала тревога была такая незаметная, как тень, то сейчас просто воеет как сирена, мигает красной лампой, не понятно почему.

Умываюсь, смачиваю водой шею и волосы, становится чуть легче. Смотрю на себя в зеркало, чувство тревоги никуда не пропало, и это не от того, что жарко и душно, меня напрягает эта встреча.

Вдруг двери в туалет распахнулись, и появилась Людмила Васильевна.

— Полиночка, ты не приболела случайно, ты что-то бледненько выглядишь, — голос ее слишком слащавый, и никак не вяжется с холодным прищуренным взглядом.

— Нет, все нормально, — отвечаю, и чувствую, что голос мой начинает дрожать, а внутри просто все обрывается, и где-то там зреет уверенность, что не просто так она здесь появилась.

— Вот, выпей водички, — она протягивает мне бутылку воды.

— Спасибо, — отвечаю, и цепляюсь за этот бутылку с водой, как за соломинку, как будто бутылка поможет мне отгородиться от этих холодных глаз.

Отпила то чуть-чуть, но вдруг у меня закружилась голова, она стала тяжелой, словно туда положили пудовую гирию, ноги — ватными, я не чувствую рук, и заваливаюсь куда-то вбок. В голове исчезли все мысли, не могу ничего сказать, язык тоже вялый. Только вижу, что дверь открывается и входит Станислав, а туалет на минуточку женский, и его мамаша никого не звала на помощь, он, что за дверями момента ждал! Ловко подхватывает меня на руки и куда-то несет. Вижу персонал кафе, пытаюсь им подать знак, но у меня получается только нечленораздельное мычание, а руки даже взмахнуть не могут, со стороны я, наверное, похожа на сломанную куклу, у которой оборвались веревочки.

Слышу, как Стасик объясняет персоналу, что мне стало плохо, что перегрелась на солнце, те сочувственно смотрят на меня, и никто даже не догадывается, что это похищение.

Черт, меня опять похищают!

А через минуту я проваливаюсь в темноту.

Глава 28 *Меня похитил... Стас?*

Очнулась я на полу. Сначала почувствовала на своем лице солнечный лучик, он согревал и дразнил, он пробудил меня, я с трудом разлепила глаза, не знаю, чем меня опоили, но это просто был как удар кувалдой. Мозги просто плавались, во рту было сухо, как в пустыне Сахаре, видимо я давно уже лежу на чем-то жестком, дернулась и поняла, что руки мои скованны.

И только открыв глаза, поняла, что лежу на полу, а мои руки закованы наручниками, которые прикрепили к трубе батареи. С трудом, не с первой попытке, мне удалось приподняться и сесть, в голове гудит, как будто десятки машин решили разом надавить на клаксоны, руки и ноги ватные. Огляделась. Обычная маленькая комнатка, диван, стол, четыре стула, торшер, в углу тихо мурлычет старенький телевизор, изображение дрожит и бежит рябь. Двери плотно закрыты, но даже через них я слышу разговор на кухне. Тут как обухом по голове ударили, я вспомнила ...

Людмила Васильевна! Ее рука держит бутылку воды! Стас, что спокойно зашел в женский туалет. Вода! Вот куда эта гадина положила наркотик! А я дурочка спокойно приняла! Стас, он знал, что сейчас произойдет, он знал!

А может, они вместе это спланировали! А я попалась, как глупышка, попалась!!!

И снова паника накрыла меня, что делать. Мысли разбежались, я никак не могла сконцентрироваться. Зачем они это сделали?

Дверь открылась, и в комнату вошел мой похититель — Стас.

— Я рад, что ты проснулась, мать переборщила с дозой, ты провалялась почти два дня.

— Два дня! Господи! — наверное, Денис сейчас сходит с ума. — Стас, зачем это было тебе?

— Глупенькая, маленькая девочка, ты даже не знаешь, сколько стоишь...

— Что, и тебе от меня нужны деньги, как вы мне все противны!

— Нет, девочка моя, эти деньги не твои, а мои! И ты мне их вернешь, все до последней копейки, картины, ценности, ВСЕ!

Станислав смотрит на меня холодно, отчужденно, в его взгляде нет похоти, как и нет любви, про которую он мне когда-то говорил, он смотрит на меня как на предмет, который сломался, и надо решить выкинуть его или починить.

Я уже и забыла, каково это, когда ты пустое место, прислуга в своем собственном доме, вещь, которую могут просто выбросить, бессловесная скотина, которую не жалко ударить....

И вот снова я чувствую себя так...

— Я не могу дать вам денег, ни картины отдать, у меня их нет.

— Еще как есть, моя птичка, — смеется Станислав, но глаза его остаются такими же холодными, в них нет смеха, в них нет жизни.

— Вы ошибаетесь.

И в этот момент в комнату вливается Людмила Васильевна.

— Она очнулась? Это хорошо.

— И вам здравствуйте, Людмила Васильевна, никогда не думала, что вы способна на похищение.

— Заткнись и слушай! — рычит на меня маман Стасика.

— Да слушая, слушая, только не орите, голова болит, чего вы хотите, у меня нет.

— Тогда слушай внимательно, твой дед написал завещание, по которому все его имущество переходит к тебе, после твоего полного совершеннолетия, то есть в двадцать один год, либо ты все наследуешь вместе со своим мужем, если замуж выйдешь раньше.

— То есть, я вас правильно поняла, что вы от меня хотите получить деньги и ценности моего деда?

— Ничего ты, мерзавка, не поняла! — Людмила Васильевна стала похожа на фурию. — Нет у твоего деда ничего, все принадлежит семье Куприяновых! Твой прадед вор и убийца, он убил моего прадеда, купца Матвея Куприянова, и присвоил его деньги. Ценности и картины, золото, все!!! И ты нам все вернешь!

Людмила Васильевна стоит передо мной грозная, как янычар, готовый опустить топор на голову преступника. Глаза пылают лютой ненавистью, волосы выбились из прически и висят как космы ведьмы, лицо и шея пошли красными пятнами, вот-вот удар хватит.

Смотрю на нее, перевожу взгляд на Стаса, ничего не понимаю, какие купцы, какие ценности...

И тут в игру вступает Стасик.

— Полина, поверь мне, мы долго раскапывали эту историю, нашли записи купца Куприянова, карту, где он похоронил фамильные ценности, нашли потомков его приказчика, твоего прадеда. Мама вот даже к твоему деду на работу устроилась, и все бы получилось, но твой дед скоростижно скончался, унося с собой в могилу тайну ценностей, возможность восстановить справедливость осталось только у тебя.

— Вы что, меня разыграть решили?

— Что ты возишься с этой дурочкой, ставим ей укол и вызываем психиатра, — мама Стаса смотрит на меня с каким-то садистским наслаждением.

— Пойдите, какого психиатра, я еще здорова, — испуганно говорю.

— А такого, душечка, сейчас мы тебя в больничку поместим, как душевно больную, там тебе таблеточки подадут, укольчики поставят, ты у нас как миленькая все подпишешь, а Стасик поедет домой, и как твой законный супруг, и получит твое наследство, — Людмила Васильевна плотоядно ухмыльнулась.

Я с ужасом посмотрела на Стаса, потом перевела взгляд на довольное лицо его мамы, и снова на Стаса.

— Вот видишь, Полина, все очень плохо, но мы можем все решить полюбовно, давай сделаем прощ, вместе сходим в загс, распишемся, ты пока поживешь с мамой, а я утрясу все дела с наследством, а потом мы мирно разведемся, и каждый из нас пойдет своей дорогой.

Я сижу на полу, прикованная наручниками к батарее, как в плохих сериалах про нашу полицию, а эти два клоуна решили поиграть со мной в плохого — хорошего полицейского! Нет, все с меня хватит!

— А вы не бойтесь, что меня сейчас ищут, мама Ангелина тоже вся в надеждах на мое наследство, а ее муж — дядя Семен еще и майор милиции, — пытаюсь посеять в них страх и сомнение.

— Да, ладно, а то ты не знаешь? Твой отчим уже на нарах чалится, вместе со своим замом, — зло смеется Стас. — А твоя Ангелина как сумасшедшая по городу носится, наверное, ему адвокатов ищет, так что им не до тебя.

Мой блеф не удался, пытаюсь быстро что-нибудь придумать, но мысли скачут как скакуны, а вот придумать какую-нибудь рабочую версию у меня не получается. Стас идет к столу и берет в руки шприц и ампулу.

— Стойте, меня будут искать, — пытаюсь отсрочить неизбежное.

— Кто? — спокойно и холодно говорит Стас.

— Мама и бабушка, — в голове вихрем проносится «мама»...

— Какая мама, твоя Ангелина очень занята...

— Нет, нет, у меня есть настоящая мама, она будет меня искать, она уже ищет!!

И тут раздаётся звонок в дверь....

Глава 29 *Воспоминания Ангелины*

Никогда не любила свою семью. Властный отец подавлял любые наши начинания, мать — вечная серая мышь, боялась отца и слова сказать. Аврора вся такая нимфа неземная, вся в творчестве. Скучно мне было жить с ними, веселья мало, жизнь серая и унылая, а хотелось праздника и безудержного веселья. Приходилось во все угождать папеньке, чтоб не лишил карманных денег.

Отец заставил после школы поступить к нему в университет. Засунул на филологический факультет, потому что там работала его любовница. Стало совсем скучно, на факультете были только девчонки, да несколько пацанов батанов, заучек, на которых без слез не взглянешь, толстые стекла очков, мешковатые костюмы. Учиться мне быстро надоело, поэтому я ходила только на лекции любовницы отца, чтоб та не стучала отцу о моих прогулах. Папочка был крутым ректором, поэтому все остальные преподаватели боялись его и ставили мне зачеты и оценки «за красивые глаза». Отец выдавал мне неплохие карманные деньги, дарил модные шмотки, и украшения с бриллиантами. Поэтому меня быстро заметила местная тусовка, и однажды пригласили в ночной клуб....

На этой вечеринке я встретила Семена, он тогда еще был молодым лейтенантом, и хоть был беден как церковная мышь, зато у него были какие-то общие дела с Жоржем, что был заводила всех тусовок и негласным королем местного бомонда. И полетело.

Семен познакомил меня со своим напарником Петром, и у нас началась действительно бурная сексуальная жизнь. Постель мы делили втроем, а иногда и вчетвером с Жоржем. Вечерами говорила отцу, что еду к девчонкам готовится к зачету или сессии, а сама ехала в очередной загородный отель с друзьями.

Но случилось непредвиденное, я залетела, врачи сказали поздно делать аборт, Семен подсутился и нашел-таки врача, но нужны были большие деньги, у отца попросить было нельзя.

На такую разгульную жизнь денег и так не хватало, а врач попросил огромную сумму. Но помог случай, увидела у отца открытый сейф, он отвлекся на телефонный звонок и не закрыл его. Верхние отделы сейфа занимали его бумаги, порывшись в них, выяснила, что по стенам комнат у нас развешаны картины, стоимостью в миллионы, десятки миллионов рублей. Здесь же лежало завещание отца, в котором он делил все между мной и матерью. Внизу сейфа лежали пачки денег, и старинная шкапулка, когда ее открыла, то просто челюсть уронила на пол. В ней лежали явно старинные украшения с бриллиантами, и золотые слитки еще с царскими печатями. Тогда я поняла, насколько мы богаты, и что дает отец мне просто копейки.

Стащила бриллиантовые серьги, немного валюты, этого хватило на аборт, правда не прошло и полгода, как пришлось делать еще один аборт, потом еще.

Я стала подтягивать деньги из сейфа, пока отца не было дома, иногда брала мелкие украшения, и Семен через своих лиц сбывал их на черном рынке, но денег все равно было мало.

Крутые рестораны, вечеринки со знаменитостями, ночные выезды в дорогие гостиницы и ночные клубы, на все нужны были средства. Вкусив прелести свободной жизни, не хотелось останавливаться.

И я рассказала Семену про картины, у нас созрел план. Семен нашел мелкого вора домушника, я сказала, когда не будет матери и сестры дома, с ключей сделали дубликат. И все бы было хорошо, но отец появился внезапно дома, что-то там забыл. Домушник занервничал, ему бы отсидеться, спрятаться, но он сорвался, ударил отца по голове и скрылся. После этого происшествия, отец отделался всего-то сотрясением, но он снял все картины и куда-то их увез. Деньги из рук уплыли.

Жизнь шла, наш дом потрясал один скандал за другим, то Аврору выгнали из дома, то она в подоле принесла, дура не пошла на аборт. Отец выгнал снова ее из дома, забрав у нее дочь. Мать и отец стали опекунами, я, посмотрев на всю эту «комедию», решила, что рожать никогда не буду, это не мое возиться с пищащими и вечно писающими детьми, утирать им слюни и сопли. Когда вновь случайно залетела, пошла на аборт без сомнения, хотя врачиха меня предупредила, что возможно детей больше не будет.

Как эта история стала известна отцу, не знаю? Но тут он устроил такой вселенский скандал, что пришлось вызывать ему врача. В пылу скандала он сказал, что лишит меня наследства, это была серьезная угроза.

И тут я вспомнила Альку, которая накануне развелась с мужем.

Алька была ещё та прохиндейка, приехала в город из маленького поселка, не красавица, но хитрая, ко мне приклеилась сразу, в рот заглядывала, за меня на лекции ходила, конспекты писала и работы делала, понимала, что я — дочь ректора. На первом курсе клещами вцепилась в мальчика — ботана, что был сыном очень богатого депутата, быстро от него забеременела и женила его на себе, хотя родители были против этого брака. Но родители были ушлые, нашли мальчику подходящую невесту и развели Аллу с мужем. Алла получила в откуп квартиру и денег на содержание сына.

И тут как-то она похвасталась, что перед тем, как муж подписал документы на развод, она ему яду сыпанула чуток, тот провалялся с кровавым поносом и болями целую неделю, и у него сорвалась пышная свадьба с новой избранницей.

Вот так мне в голову пришла мысль, что если отцу также дать немного, чтобы не успел переписать завещание. Пусть приболеет, а я тут вся участливая, за ним поухаживаю, докажу свою преданность, дай бог завещание не будет переписано. Попросила Альку, та достала яд, сказала дозу. Я всего лишь на крупицу бросила больше, и подала отцу чай. Через несколько часов у него начались сильные боли в животе, он упал на пол и его начало корезить. А я ушла в свою комнату и стала ждать, Алька предупредила, что скорую нужно через часик вызывать.

Но мать пришла раньше времени, вызвала скорую, они приехали поздно, у отца случился инсульт, а в больнице, вскоре по приезду, он умер....

Переживала, что на вскрытии моя тайна раскроется, но видимо зря. Решила, что все миновало, но не тут то было. Сразу после похорон адвокат огласил предварительное завещание, мне и матери отец оставил всего по пятьсот тысяч долларов, столько же он оставил своей внучке, деньги переходят ее опекуну, да в сейфе отца нашлось много дорогих украшений, что не успел он убрать в банковскую ячейку, но это лишь крохи от огромного состояния. Адвокат сказал, что по всему остальному имуществу, завещание будет озвучено только после достижения внучкой двадцати одного года. Стало ясно, что все ценности завещаны ей. По секрету адвокат намекнул, что можно будет посудиться с наследницей, но надо ждать ее совершеннолетия. Это в мои планы не входило, хотелось тут и сейчас. Деньги, что оставил отец мне, здорово не разгуляешься.

Поэтому пока суд да дело, маманю дождала, и та, дура набитая, подписала мне доверенность на свою часть денег. Остальные деньги передаются опекуну. Пришлось опять обращаться к Семену, надо было опорочить Аврору, чтобы лишить ее материнских прав.

Семен быстро провернул дело, Аврору повязали на улице, затолкали в машину с проститутками и привезли в милицию. Там быстро оформили административное дело за занятие проституцией. На суде ее никто слушать не стал, свой судья вынес вердикт, ее оштрафовали. Пришлось заплатить Семену, Петру и судье приличную сумму, но это стоило того.

Когда рассматривали дело об опекунстве, то Аврора его проиграла, мне отдали ее дочь, и я получила доступ к деньгам.

На шикарную жизнь денег, конечно, не хватило, но я смогла у хороших хирургов сделать несколько пластических операций, стала посещать косметические салоны. Рассталась с Семеном и Петром. Теперь я была богатой наследницей своего отца, мои приоритеты поменялись. Я уволилась в школе, через знакомых отца устроилась на работу в министерство образования, и стала искать себе состоятельного мужа, ну или при должности.

Но как то семейная жизнь не задалась. Один требовал, чтоб я забеременела и родила ему сына, второй говорил о большой семье с кучей детишек, как то все мимо. Мужики быстро исчезали с моего горизонта, а в тридцать пять лет я вдруг поняла, подросла молодежь, и девчонки двадцати-двадцати пяти лет составляют хорошую конкуренцию, даже дедушки с вставными фарфоровыми зубами требовали себе молоденьких с гладкими телами и красивыми фигурами.

Я решила для себя, что когда получу наследство, то все продам, куплю домик на Лазурном берегу и уеду из этого гребаного города, с такими деньгами заведу себе молодого красивого любовника, а лучше двух, и буду отдыхать на лучших курортах мира! Оставалось только ждать, когда подрастет наследница.

Ненавижу всех.

Маленькая дрянь подросла быстро, не прошло и шестнадцати лет, как за ней стали увиваться мальчики, в Аврорку пошла, красотой природа не обделила. И выйди она замуж, я бы потеряла все наследство, оно бы просто уплыло из моих рук. Чтоб обезопасить себя от такого развития событий, я засунула ее в самый отстойный колледж, где нет ни одного мужчины, даже пня трухлявого, и профессию выбрала, где почти не работают мужчины. Заставила сидеть дома, почти никуда не выпускала. Паспорт отобрала и спрятала подальше, контролировала все и вся.

И тут мне пришла в голову мысль, а ведь можно ее выдать за своего человека и повернуть затею с получением наследства в свою сторону. Нужен всего-то надежный жених, а кто у нас надежнее подруги Аллы с ее глуповатым сыном. Весь расклад Альке конечно не рассказала, но за помощь обещала приличные деньги, когда Алька услышала сумму в один миллион, то уж выложились на все сто. Сынка своего уговорила изобразить влюбленность, дальше шло как по маслу. Все было уже на мази, пришлось опять отстегнуть Семену хорошо денег, он нашел дамочку в загсе, которая нуждалась в деньгах, она все подготовила, надо было только, чтобы эта поставила в двух местах свою подпись и все. С дурачком Витькой тоже все решили, составили бумагу, по которой они мне отписывают все, у нотариуса только подписи поставить и зарегистрировать право перехода наследства. Ему конечно надо будет тоже отслюнявить тысяч сто, на меньшее он не согласился, но все меркнет перед основной суммой, а доверенные люди прикинули, что только с картин можно получить пятьдесят миллионов зеленых, а если

продавать через аукционы, то и больше. А там еще бриллиантовая диадема и перстень с редким рубином, и прочие драгоценности не на один миллион потянут. Да и по мелочи еще много чего есть. Так что мне на безбедную жизнь хватит...

Ну, тут появился Стасик, с его неумемной энергией, с его идеей фикс, он тоже знал о наследстве, именно его мать заверяла у нотариуса завешание. Пришлось ему подрезать крылья, но не сильно помогло. Пришлось ускорять события.

Ведь все предусмотрели, но сначала эта маленькая дрянь сбежала в последний момент, как чувствовала, сорвалась с крючка. Нашли, увезли к Петру в деревню, глушь, уже думали деваться ей некуда, и тут опять она отчебучила, снова сбежала из-под носа дурачка Витьки, не смог девку удержать, всего то надо было посидеть рядом и покарать, и с этим не справился.

Только беда еще в том, что теперь эта девка знает мой секрет, значит, ее надо убрать. Тогда возможно придется убрать и ее мать Аврору, чтобы получить контроль над наследством. Но это потом, сейчас главное найти беглянку.

Глава 30 Не ждали....

И тут раздается звонок в дверь....

Стас с мамашей нервно переглянулись.

— Открой, — он кивает матери, та скосила глаза в мою сторону и кивнула ему головой на меня.

А я с надеждой смотрю в проем, где-то там входная дверь, но меня не будут видно, разве что закричать. Стасик подпрыгивает и быстро заклеивает мне рот скотчем, одной рукой хватая за шкуру, во вторую берет шприц. Чувствую, что сопротивление бесполезно. Он что, мысли мои прочитал?

— Только попробуй заорать, замычать и даже пошевелиться, вкачу всю дозу, станешь на всю оставшуюся жизнь овощем, — шипит он мне на ухо.

Открывать двери идет Людмила Васильевна. Слышу, как щелкает замок, скрип двери, потом непонятные звуки, толи борьбы, толи возни, как будто две большие панды кувыркаются в прихожей. Дверь в комнату с треском открывается, и в комнату ввалились Людмила Васильевна и Ангелина!!!!

Ангелина! Она тут откуда?

Обе выглядят ужасно, волосы Ангелины включены и стоят дыбом, щека расцарапана, порвана футболка, Людмила Васильевна тоже в пылу борьбы сильно пострадала, ее глаз заплыл, на щеке отметина от тяжелой руки Ангелины, уж что-что, а та просто мастер рукопашного боя. Она одним хуком посылает Людмилу Васильевну в аут. Та падает, сбивая хлипкую старую мебель.

— Не подходи, Ангелина, я всажу ей в шею укол и она сдохнет, — тихо говорит Стас, в его голосе слышится напряжение, а рука со шприцем перемещается то в сторону Ангелины, то к моей шее.

— Отдай мне девку, — свистящим шепотом приказывает ему Ангелина, а потом как заорёт. — Девку отдал, придурок!!!!

— Сама ты дура, Ангелина! — не остался в долгу Стас.

Ангелина орет. Лицо ее становится багровым, на шее выступают красные пятна, она напоминает мне Фредди Крюгера, так и кажется, что сейчас у нее появятся металлические когти, и она зарежет ими Стаса. Вот теперь и не знаю, кого стоит больше бояться.

— Сначала ваша семейка мне вернет все ценности нашего прадеда Матвея Куприянова! — продолжает Стас нервным срывающимся голосом.

— Какие еще ценности?

— Все цацки, что на тебе одеты, все с гербом моего пра-прадеда, Это все наше! Деньги, золото, картины и твои бирюльки!

— С чего это ты взял? — Ангелина прищурила глаз и окинула Стаса надменным взглядом.

— Все наше, у меня есть доказательство, твой пра-прадед вор и убийца!!! — голос у Стасика срывается на визг.

— Это вы воры! Это все моё! — уже орёт Ангелина.

Краем глаза вижу, как сзади Ангелины поднимается очухавшаяся Людмила Васильевна, она хоть и помята, но ещё боеспособна. Словно воин ниндзя она тихо встает за спиной врага, а потом ловко бросается вперед, и хватает Ангелину за шею. Хоть ставки делай, кто из этих диких кошек победит. А Стасик трусит, рука его дрожит, и он не спешит на помощь матери. Две большие «панды» сцепились в центре комнаты, ловким движением руки и подсечкой Ангелина таки сбивает Людмилу Васильевну с ног, но и та не льком шита. Она, падая, хватая мою мачеху за ворот и увлекает за собой, и они катаются по полу, сбивая мебель. У обеих уже порвана одежда, причёски превратились в лохмы, макияж растекся, образуя черные пятна и подтеки на лице, но две ведьмы не отпускают друг друга, мутузя противнику бока. Стасик дергается, нервничает, каждый раз, когда его маман оказывается под Ангелиной, он пытается достать Ангелину ногой, но он не мастак драться, и та ловко изворачивается, успевая пнуть в отместку Стасика.

И тут появляется четвертый участник...

Вот уж кого не ждали так это ее!

В дверях появляется фигура массивная фигура Аллы Семеновны...

На миг полная и неуклюжая Алла застывает в дверях. Затем, с несвойственной ей стремительностью, бросается на дерущихся теток, и в один миг, одним удар повергает Людмилу Васильевну в нокаут.

Стасик дергается и нервно сглатывает, шприц в его руке дрожит, того и глади кольнет мне в шею.

И уже две фурии надвигаются на Стасика. Тот трясется, бледнеет, на его висках выступают бисеринки пота, руки начинают так трястись, как будто его разбил Паркинсон.

Я про себя молюсь, чтобы он с испугу не вколол мне эту гадость...

— Отойдите, дайте нам пройти, — он хватает меня за плечо и тянет на себя, видимо с испугу совсем забыл, что пристегнул меня наручниками к батарее.

— Отдай нам девку и вали, — надвигающиеся на нас фигуры Аллы Семеновны и Ангелины напомнили мне кадры из фильма «Кавказская пленница», где вот также Трус, Балбес и Бывалый плечом к плечу надвигались на героиню...

Мне было бы смешно, если бы не было так грустно.

Ангелина, потрепанная в бою, с наливающимся фингалом под глазом, и Алла Семеновна большая, как танк, они медленно, шаг за шагом приближаются к нам. Стасик наперевес со шприцом кинулся на этих разъяренных фурий, первый же удар в челюсть сбил его с ног, а Алла Семеновна схватила со столика огромный и тяжелый телефонный справочник и со всей дури ударила поверженного Стасика по голове...

Все! Стас упал. Не вижу что там с ним, все пространство занимает Алла Семеновна. Она пытается отодрать мою руку от батареи, я кричу от боли, но браслет не снимается.

Наконец Ангелина в штанах Стасика находит заветный ключ.

— Фредди Крюгера — персонаж фильма «Кошмар на улице вязов»

Глава 31 *Опять меня похитили...*

Ключ от наручников найден, Ангелина с какой-то подленькой ухмылкой подходит ко мне. Я чувствую подвох, но пока не знаю, что от нее ждать.

— Ну что, маленькая дрянь, набегалась, вот так и знала, что ты к мужику в Москву побежала, вот не зря я за ним следила...

Мне как то странно, слушаю и сама себе не верю, у нее с логикой видимо совсем плохо, ну как бы я побежала к мужику, который меня тут же приковал наручниками к батарее.

— А Стасик то затейник, наверное, любит жесткий секс, наручники, ммм, — плотоядно улыбается Ангелина.

— Да, встретились бы мы с ним при других обстоятельствах, могли бы поразвлечься, — вторит ей толстая, похожая на бегемота, Алла Семеновна, шуря свои заплывшие жиром глазки.

Фу, мне даже представить это противно...

Почему-то в голову вдруг приходит видение: Алла Семеновна в латексном костюме с наручниками в руках, и Ангелина в черной коже с хлыстом. Фу, на миг стало смешно, но только на миг.

У меня холодный пот от страха бежит по спине, ведь там в сарае мне пообещали закопать меня заживо, хоть и нет с ними сейчас Семена, но не факт, что они этого не сделают сами.

— Может, заберем и его с собой, — Ангелина кивает на поверженного Стаса. — Потом развлечемся.

— Неа, я его приложила хорошо, ему только в больничку, — обнажая мелкие зубы, смеется Алла, а мне становится жалко Стаса. — Я так саданула его по голове, что теперь он долго ничего не сможет.

И она ржет захлебываясь собственным смехом, кашляет и снова ржет, она похожа на самку тарантула, что сжирает самца после спаривания. Мне противно на них смотреть, но я пленница, и сбежать не могу.

Алла достает из кармана куртки бутылку, откупоривает ее и подает мне: Пей!

Я пытаюсь сопротивляться, стискиваю челюсти, но разве можно бороться мне, в которой едва пятьдесят килограмм наберется, с железной стопудовой «леди». Она разжимает мои челюсти своим железным захватом, даже не обратила внимание на то, что я укусила ее за палец, и вливает бесцветную жидкость мне в рот. Давлюсь, пытаюсь выплюнуть, но это мало помогает, часть жидкости все равно попадает в пищевод, и через полчаса мое сознание затуманивается, засыпаю...

Очнулась в машине.

И опять у меня дежавю.

Меня связали и положили на дно, мой рот заклеен скотчем, сверху прикрыли мое тельце какой-то рыхлой тканью, сквозь которую просачивается свет, видимо, они вынесли меня спящую и погрузили в машину.

Слава богу, у Аллы Семеновны универсал, в багажнике много места, и много чего набросано, меня поместили среди каких-то тряпок, свертков, мешков. Лежать не так больно, как в багажнике седана, не так пыльно, и даже мягко, а сквозь ткань видно свет. Меня опять куда-то везут...

Стараюсь ни чем не выдать, что я очнулась, чтобы опять не влили очередную дозу гадости, а сама стараюсь

прислушаться к шуму за окном, вдруг что-то подскажет, где мы.

Но слышно только, как шины шуршат по асфальту, мимо нас проносятся машины, обе фурии молчат, никаких комментариев, ни одного слова, словно они объявили обет молчания.

У меня все повторяется, меня похищают в третий раз...

Снова накатывает сон, и я забываюсь на короткое время...

Временами выпадаю из небытия, каждый раз просыпаясь, чувствую, ход времени, солнце все ниже и ниже, ткань от тряски чуть съехала, и я чуть-чуть вижу, но только верхушки деревьев, да кузов грузовиков, что проносятся мимо.

Через некоторое время ход машины замедляется, и вот мы уже едем по проселочной дороге, у меня мурашки бегут по телу, в голове всплывают воспоминания о сарае, и обещании прикопать меня где-нибудь живьем.

В животе скручивается тугой болезненный узел, от страха тошнит, и мне становится совсем не по себе, рот заклеен, я могу просто задохнуться, если меня стошнит.

Но еще больше пробирает от одной мысли быть похороненной заживо, волны страха накатывают, как волны во время шторма, холодный пот течет по спине, рубашка на мне уже мокрая, неприятно липнет к телу.

В какой-то момент мое сознание опять отключается, и прихожу в себя уже в подземелье!

Страх пробирает до костей.

Глава 32 Отчаянье

Прихожу в себя, темно, сыро и пахнет плесенью...

Страх заползает под кожу, его холодные щупальца проникают в сознание, в голову лезут страшные мысли, а вдруг эти две разъяренные фурии похоронили меня заживо, ведь обещала же Ангелина. Я умру, и никто, никто не узнает, где я похоронена...

А как же мама, бабушка, Денис!!! Денис! Он точно будет искать, но как он сможет меня найти, если я ему даже смс не скинула, с кем пошла и куда? Боже, какая я глупая!!!!

Меня накрывает паника, и когда уже мне становится совсем плохо, когда паника накрывает меня с головой, как накрывает морская волна в момент прилива, вдруг включается свет.

И тут понимаю, где я! Это подвал в садовом домике Аллы Семеновны! Я столько раз спускалась сюда за банками консервированных овощей и фруктов, вон на той полке стоят огурцы, а прямо передо мной банки с вареньем, в углу свалены мешки с картошкой. Под потолком горит тусклая лампочка, меня просто бросили на пол, даже не развязав. Отсюда сбежать не возможно, кричать тоже бесполезно, яма глубиной метров пять, со всех сторон бетон, сверху толстый деревянный пол.

Как только включился свет, услышу скрип половиц над головой, в подвал спускается грузная Алла Семеновна.

Еще немного и я увидела на верхних ступенях ее ноги копытца в ярко-красных атласных тапках с опушкой. Она не спешила, передвигалась осторожно, словно боялась упасть. Сколько себя помню, Алла Семеновна никогда в подвал не спускалась, здесь бывала я, ее сынок, да еще работница, что на лето нанимали ухаживать за хозяйством.

Наконец Алла Семеновна сползла с последней ступеньки и предстала передо мной как грозный янычар, стоит, широко расставив толстые слоновьи ноги, уперев в бока руки, голову наклонила вправо и рассматривает меня как зверюшку на арене цирка, хотя скорее в клетке зверинца.

— Ну, девка, ты даешь, никогда не думала, что у тебя ума хватит все это повернуть, ну теперь тебе надо будет кое-что обратно вернуть, — говорит Алла Семеновна, а сама рукава закатывает, как будто в рукопашную собралась идти.

— Что вернуть, говорите яснее....

— А то, тварь ты, моего сына посадили за твое похищение...

— Так он похитил меня вместе с мачехой моей и отчимом, и удерживал.

— Нет, голуба, так не пойдет, сейчас ты возьмешь бумагу и напишешь, что претензий к моему сыну не имеешь, и когда его выпустят из-под следствия, я, возможно, выпущу тебя.

Я смотрю на эту глупую бабу, которая так любит своего сыночка, что готова сама пойти на преступление, и не понимаю ее действий. Ведь если меня сейчас ищут, то мое заявление в полицию вызовет много вопросов. О чем она только думает. Но я ей этого не говорю, на все соглашаюсь, лишь бы получить свободу. Хотя о чем это я? Какая свобода, им нужны деньги, они ни за что меня не выпустят по доброй воле.

— Несите бумагу, я все подпишу.

Мне надо вырваться любимыми способами отсюда. Но тут слышу еще шаги, в подвал спускается Ангелина, и тут до меня доходит, что все самое страшное впереди.

— Ну что, падчерица, набегалась, ведь сразу сказала, что моя возьмет, не надо было убежать.

— И вам здравствуйте, Ангелина Владимировна, так как то не сложилось у вас, замуж мне идти теперь не за кого, жениха то вон, посадили.

— Ну, это поправимо, сейчас Алле бумагу подпишешь, ей адвокат уже давно документ составил, там глядишь

жениха выпускают, — Ангелина ядовито улыбается, ее глаза остаются холодными и злыми, так и «буравят» мою бедную шкурку.

— А если я не хочу замуж?

— А кто тебя будет спрашивать, будешь артачиться, мы тебя с Аллой прямо тут прикопаем, лет через пятьдесят найдут, — и они ржут, смех у них страшный, это смех двух гиен, перед тем как они бросятся убивать загнанного зверя.

Мои тюремщицы «побеспокоились» обо мне, мне кинули в угол старый матрац, рядом поставили ведро справлять нужду и ящик — импровизированный стол. Мои руки сковали наручниками, через которые продели цепь и прикрепили к балке. Мне отсюда не вырваться!

Страшно принимать пищу из их рук, еще страшнее пить воду, но пить ужасно хочет.

Мои вещи мокрые от пота и грязи стоят на мне колом, тело постоянно чешется, волосы слиплись и висят сосульками. Но это ерунда по сравнению с тем, что меня может ожидать в руках этих двух злых баб.

Через полчаса мне сделали импровизированный стол из ящика, принесли бумагу и ручку, и Алла подсунула мне под нос бумагу от адвоката, как и что нужно написать, чтоб ее любезного сыночка выпустили.

Пишу под диктовку, а у самой мысли носятся как стадо антилоп, вот сейчас напишу эту бумагу, через день два они вытянут Витьку из тюрьмы, пусть неделя на все остальные дела, но как только поставлю подпись под брачным договором, я им больше не нужна. И что со мной сделают эти две мегеры? Может то, что сделала Ангелина со своим отцом, моим дедом. А может и хуже.

Главное, что никто не знает где я! Для них нет ни одной подсказки. А мои похитительницы теперь на стороже, мне удалось сбежать дважды, теперь они меня не отпустят.

А еще я знаю тайну Ангелины, за эту тайну она меня убьет, это я ощущаю кожей, она смотрит холодно, оценивающе, как будто пытается разобрать мое тело по частям, они вместе с Аллой Семеновной страшные люди, смотрю на них и понимаю, что убийства для них не впервой....

И понимаю умом всю безвыходность своей ситуации.

Одна надежда — меня должны найти! Нет, просто обязаны! А мне нужно тянуть время.

И решаю, что лучше умру, чем буду есть ту гадость, что они мне приносят, а главное не пить воды, в воду легко могут подмешать наркотик, и пока соглашаться на все, тянуть время, и надеяться, что меня найдут.

Глава 33 Денис!!!

Я не знаю, сколько уже сижу в этом подвале, может день, а может два, а может уже и неделю, здесь не заметно течение времени.

Раз в день ко мне спускается Ангелина, приносит в миске кашу и меняет ведро. Все это делает с брезгливым выражением на лице.

Она проверяет крепость моих оков, дергая цепь, к которым прикреплены мои наручники, меня при этом вздергивает вверх, выворачивая суставы, как бы не старалась сдержаться, слезы наворачиваются на моих глазах, и я произвольно вскрикиваю.

А Ангелина, получив порцию удовлетворения от моих страданий, удаляется победным шагом.

Чтоб ты хоть раз, спускаясь сюда, навернулась с лестницы!!!

Все эти дни не вижу солнца, даже лучика его, не понимаю, сколько прошло дней, потеряла счет часам, в моей темнице светит только маленькая тусклая лампочка высоко под потолком. Изредка ее выключают, и так я понимаю, что ко мне больше никто не спуститься.

Страшные мысли закрадывается мне в голову!

Меня здесь похоронят!

Тут никто никогда не найдет!

И я не увижу больше никогда солнечного света, голубого неба, как меняются времена года и с ними меняется земля вокруг! У меня не будет будущего, о котором я мечтала.

А ведь почти уже получилось, если бы тогда не сглупила и не пошла со Стасом!

Я больше никогда его не увижу Дениса, маму, любимую бабушку, от этих мыслей наворачиваются слезы, но не буду плакать, не доставлю этим мегерам такого удовольствия. Эти две злые тетki, не знающие любви, не дождутся от меня слез. И все-таки я тихонько плачу.

В один из таких тоскливых дней скрепят ступени, и ко мне в подвал кто-то спускается. Каково было мое удивление, когда я поняла, что на сегодня мой посетитель — Витька. Он сильно изменился, толи осунулся, толи больше похудел, вдруг стал похож на тень (тень отца Гамлета), волосенки поредели, под глазами залегли тени, на лице видны стали следы побоев (когда только успел), его взгляд холодный, какой-то жесткий, в презрительно прищуренных глазах — ненависть.

— Ну что, сука, отбегалась, — эти слова он просто выплюнул мне в лицо.

Витька стоит возле лестницы, не приближаясь ко мне, видимо хорошо запомнил нашу последнюю встречу,

слова как пули вылетели из его рта.

— И тебе, Виктор, здравствуй.

— Что мне твое «здравствуй», у меня по твоей милости два ребра сломано, нос и нет двух зубов, — Витька говорит, шепелявя, значит все-таки достала я его тогда.

— А я то думаю, чего это ты во внешности поменялся как-то, возмужал, да ты не переживай, шрамы украшают мужчину, — смотрю на этого щуплого паренька, и сама себе удивляюсь, чего это я его сразу не отлупило, могла и охоту жениться так отбить.

— Да я работы по твоей милости лишился, чуть уголовником не стал, — Витька сверкает злыми глазенками, брызжет слюной.

— Какие твои годы, станешь еще, да и что там за работа то у тебя была, мальчик на побегушках.

Да ты, да ты... — у недалекого глуповатого Витька слова закончились. — Сука!

У Витьки краснеет лицо, он брызжет слюной, но подойти близко боится, в его позе угроза, крепко сжаты кулачки, того и гляди бросится, но поорав на меня, он убегает вверх, видимо побежал мамочке жаловаться.

А на меня накатила тоска! Ведь Витька отпустили, а это значит только одно — мои дни почти сочтены, сейчас меня заставят поставить подпись под брачным договором и все. На душе тоскливо, безысходность, все определено наперед, а мне остается только проклинать деда, которого я не знала. Именно из-за его решения я лишилась матери, жила всю жизнь прислужгой у его старшей дочери, не видела ни детства, ни юности, и сейчас из-за его глупого завещания лишусь жизни....

Так и сидела, оплакивая свою судьбу, когда услышала наверху топот и гам, грохот. Непонятная возня, дверь в подвал распахивается, и грузная Алла Семеновна что-то вволокла внутрь, это что-то падает вниз по ступеням. И тут я понимаю, что это Денис!

Его волосы в крови, царапины на лице и плече, рубашка расстегнута и выпачкана кровью. Я в ужасе, тянусь к нему, но цепи, которой я привязана, не хватает, мне не дотянуться, могу лишь дотронуться до его ноги. Слышу разговор через плохо закрытую дверь подвала.

...этот следил за домом, небось ухажер...

...надо его кончать...

...когда стемнеет...

...вырыть яму...

У меня холодеет спина и руки, капли пота выступили на лбу, ладони и подмышки стали мокрыми. Боже, я боялась за свою жизнь, теперь боюсь за его жизнь!

Я готова на все, только бы он жил!

Пытаюсь тормошить его, но он не открывает глаза!!!

Слышу, как хлопнула входная дверь, кто-то подходит к двери в подвал и крепко ее запирает.

Темно, свет лампочки очень тусклый, на грязном полу вижу бледное лицо своего любимого, слезы бегут по моему лицу, слезы отчаянья...

— Не плачь любимая, я еще не умер, — подсказываю не то от радости, не то от испуга, чуть не заорала.

— Ты жив? — хрипло спрашиваю, голос предательски сел, почти сиплю.

— И практически здоров, — слышу знакомые вибрации, от них по всему телу катиться приятная дрожь, внутри разливается тепло, и коленки предательски дрожат.

— А как ты тогда...

— Прикинулся, что меня эта дура толстая контузила, иначе бы не оказался здесь, нам надо было найти место, где они тебя держат, — и он перекачивается на другой бок и салится.

Он смотрит на меня своими глазищами, в темноте подвала они кажутся темными, но такими родными и любимыми, и улыбается. И мне так становится хорошо, как будто в мой страшный подвал заглянуло солнце, и теперь страшно уже не будет.

С его появление пришла надежда, надежда на то, что мы выберемся.

— А как вы догадались у кого я?

— Это долгая история, — и он сел, потирая шишку на голове.

Усмехнулся и начал рассказывать.

Глава 34 *Рассказ Дениса*

Денис привстал, полностью разогнуться у него не получилось, балки погреба не были насчитаны на его рост, поэтому ему пришлось перебираться ко мне почти ползком. Он сел рядом, обняв меня и поцеловав в макушку, и стал рассказывать, перебирая своими пальцами мои волосы, а я сидела с открытым ртом и слушала. И только теперь поняла, сколько хлопот, тревог доставила близким мне людям из-за своей беспечности.

— Хватились мы тебя к обеду, когда я тебя не нашел, то стал звонить, но твой телефон был выключен. Я точно знал, что этого не может быть, ведь проверял зарядку твоего телефона каждый день, и был уверен, что ты его не при

каких обстоятельствах не выключишь, как мы и договаривались. Позвонил Руслану, мы попытались искать тебя своими силами, но у нас не получилось.

— Это моя вина, что ушла со Стасом и не позвонила, не поставила тебя в известность.

— Не вини себя, Полина, ты еще молода и не знаешь, на сколько люди могут быть коварны. Мы с Русланом решили подать заявление в полицию, но у нас не приняли, резонно решив, что ты взрослая девушка и могла просто уехать. У нас не было выхода, через Руслана вышли на его контакты в силовых структурах, там нам помогли достать записи видеонаблюдения на входах в парк, где ты ждала меня. И вот на одной из камер я тебя и заметил. Так мы узнали, в какую сторону ты ушла, и нас были фото людей, с которыми ты ушла. Пришлось напрямь всех поисковиков, мы ходи с фото и опрашивали все мелкие магазины и кафе в округе, тут то нам и рассказали в одном кафе, что видели тебя, ты пришла с пожилой женщиной и молодым человеком, что тебе стало плохо и молодой человек вынес тебя на руках бес сознания.

— Они опоили меня какой-то наркотой...

— Да, малыш, мы это тоже поняли. Параллельно искали тех людей, по фото и видео я сразу понял, что это были твои знакомые, ты не могла уйти с малоизвестными людьми. Поэтому искали в ближнем окружении твоих родственников. И нашли Станислава и Людмилу Васильевну Серебряковых. Уж не знаю, как они были связаны с твоим наследством, но мы давно поняли, что вертится все вокруг этого.

— Они сказали, что это они должны наследовать эту коллекцию картин, а еще говорили про какое-то золото и драгоценности.

— Да, все преступления всегда свершаются ради корысти, так было с незапамятных времен, мне жаль, что ты попала под эту раздачу. Не сложно было выяснить наличие квартиры у Серебряковых в Москве, было бы сложнее, если бы они квартиру арендовали. Поэтому сразу поехали по этому адресу, в надежде тебя найти. Вызвали наряд полиции, вошли в квартиру, и тут нас ждало сюрприз. На полу лежал Станислав, а рядом сидела в крови Людмила Васильевна, а у батареи мы нашли наручники. Весь стол завален упаковками психотропных препаратов, шприцами, и таблетками неизвестного происхождения. Станислава с его матушкой увезли в больницу, допросить их не удалось, потом выяснилось, что он получил очень серьезную травму головы, а его матушка поехала в психиатрическую клинику, у нее буйное помешательство, она все твердила о золоте, бриллиантах и деньгах. Квартиру обыскали и нашли следы твоего пребывания, но сыщики почему-то решили, что это ты нанесла эти травмы Станиславу и сбежала.

— Нет, не я, это Ангелина с Аллой Семеновной приехали к Станиславу и устроили все это.

— Да, ты не переживай, мы то это сразу поняли, у тебя бы сил не хватило справиться со здоровым мужчиной, плюс с его матерью. Что, вернее всего это сделала Ангелина, которая тоже неустанно тебя искала, и пока горе сыщики искали тебя по Москве, мы с Русланом рванули за Ангелиной. Перерыли ее связи и вспомнили, что ты рассказывала про дачу Сидоркиных. Стали следить за дачей. Никаких результатов, а тут вдруг появляется в полиции Алла Семеновна с адвокатом и с твоим заявлением, мы сразу поняли, что ты у них. Но где тебя держат, мы не знали. И тогда мы с Русланом пошли на хитрость (хотя не факт, что у нас бы получилось), но я себя обнаружил, Алла Семеновна бросилась в атаку, пришлось разыграть раненого бойца, и вот я здесь.

— Ты рисковал!

— Иначе мы бы тебя еще долго не нашли, а без доказательства, что ты у них, Руслан не мог пойти в полицию, — я смотрю на своего героя с благодарностью и любовью, он как верный рыцарь, рискуя собой, бросился спасать меня.

— И как нам выбраться? — и тут до меня дошло, что мы теперь вдвоем заперты в душном погребке, без помощи извне нам не выбраться.

— Будем ждать! — спокойно сказал Денис и погладил меня по голове.

Он опять крепко меня обнял, и слегка поцеловал, дотронулся так осторожно, словно тут сижу не я, а дорогая китайская ваза эпохи Мин.

— Как ждать, чего? — удивленно спрашиваю.

— Неужели ты думаешь, Руслан бездействует? — мне бы его спокойствие и уверенность.

— Ты ранен, тебе нужна помощь, тебе нужно обработать раны и перевязать, — осматриваю его, осторожно касаясь ран, он шипит, когда я пытаюсь смахнуть с его волос труху и мелкий мусор.

— Успокойся, это просто царапина, в детстве я больше шрамов получал, — смеется Денис, но сам слегка отстраняется, ему больно, но он не подает вида.

Денис вселяет в меня надежду, рядом с ним мне хорошо и спокойно. С ним меня не обидят! Пусть теперь только попробуют, у меня есть защитник.

Но главное — его не связали!

У нас есть возможность дать им отпор! Об этом я и говорю ему. Но он в ответ только смеется и называет меня «маленьким воином».

Нет, я не воин, а зайка трусиха, еще час тому назад умираю, думая о своем будущем, готовилась к страшной смерти, только появление моего защитника в этой тюрьме дало мне надежду на жизнь, влило в мои жилы силы и уверенность.

Денис с ужасом осматривает мою «тюрьму»

— Как ты смогла провести здесь несколько дней, — он сжимает мои руки.

Да и как тут не прийти в ужас от этой ямы сырой и холодной, помещения с мышами и пауками, еды и воды в ограниченном количестве, душно, воздух попадает сюда только через маленькое вентиляционное отверстие, количество воздуха не рассчитано на человека, запертого здесь.

Небольшое количество еды и воды мне, конечно, приносили, но я боялась, что меня отравят, поэтому кроме хлеба ничего не ела. Хотя умереть заживо похороненной еще страшнее.

Чтобы хоть как-то утолить жажду, вскрывала бутылки с соком, что стояли на пыльных полках, это заменяло мне воду, при помощи железки, откупорила банку с лечо, это было мне едой. Даже радовало немного, что у Аллы Семеновны не нашлось сарая...

Глава 35 *Руслан спешит на помощь*

Мы старались сильно не шуметь, сидели как мышки, и все же вызвали у Аллы Семеновны подозрение. Не прошло и часа, как дверь в подвал закрипела, и на верхних ступеньках показались ноги — копытца в бархатных тапочках с опушкой; из распахнутой двери внутрь темного подвала заструился свет солнечного дня; наша тюремщица спускалась проведать нас, полы ее шелкового халата подметали грязные ступеньки, она осторожно переставляла ноги. Так и хотелось пожелать ей упасть и сломать себе ногу. Денис быстро упал на пол, изображая обморок.

— Чо, твой дружок до сих пор в отключке? Здорово же я его кулаком приложила, правая рука у меня самая крепкая, — заржала, как гиена в саванне, Алла Семеновна, — я тут вам водички принесла, пейте.

С этими словами она поставила на ящик, который заменял мне стол, бутылку с водой. Странная забота о своих заключенных, я тут не один день, и за все время мне дали воды пару раз, приходилось вскрывать банки с соком, этим и жила, благо продуктов питания вокруг было великое множество.

Алла Семеновна еще раз внимательно посмотрела на Дениса, и, удовлетворившись, видимо, что клиент скорее мертв, чем жив, и находится в бессознательном состоянии, повернулась и стала подниматься по лестнице, ступени жалобно стонали под ногами толстой бабы, дверь снова скрипнула, свет исчез. Под потолком мигнула тусклым огоньком лампочка, шаги нашей тюремщицы удалялись, пол постанывал от ее тяжелой походки, сверху сыпалась труха и побелка.

Денис быстро вскочил и протянул руку к бутылке.

— Стой, не пей!

— Что такое, Поля!

— Вода, скорее всего, отравлена!

— Почему ты так решила?

— Вчера подписала им бумаги на брак с Витькой. Они все уже оформляют, больше я им не нужна, от нас просто избавятся. Ангелина отравила своего отца, яд брала у Аллы, Алла Семеновна и готовила тот яд.

— Да мы просто попали в подземелье каких-то «Черных вдов», прям мороз по коже.

— Они хуже, на много хуже...

Мы попили сока из моих запасов, этим было не напиться и пить хотелось еще больше, но воду пришлось вылить.

Время тянулось очень медленно, мы даже успели немного вздремнуть, когда наверху послышалась возня, крики, стали падать предметы. По дощатому полу застучали каблуки, сверху на наши головы сыпался мусор. Сквозь двери мы слышали вопли Аллы Семеновны, она орала как раненая бегемотиха в болотах Нила, отборный мужской мат, визгливый крик Витька, вой Ангелины. Шел штурм садового домика спецназом. Через несколько минут открылась дверь подвала, и сюда ворвался Руслан, за ним спускался одетый в камуфляж боец.

— Живы!

— Привет Руслан!

Мы обнялись, боец снял с меня наручники и убрал цепь, я слишком долго сидела в темнице, поэтому едва могла передвигать ногами, Денис легко подхватил меня на руки и вынес из подвала. Яркий свет ударил в глаза, заставив зажмуриться, первые минуты лишь тени скользили передо мной, но вот зрение вернулось, немного размялись ноги, и я могла дальше двигаться самостоятельно. Мы прошли через кухню и гостиную в дачном домике, пришлось перешагнуть через Витьку, лежащего на полу лицом вниз в наручниках, он отчаянно чертыхался и матерился; рядом, раскинув толстые ноги, сидела Алла Семеновна, один глаз у нее заплыл, вид она имела очень потрепанный, руки ее были скованны наручниками. В большом зале на диване сидела Ангелина, растрепанная, злая, она орала матерные слова, и пыталась пнуть ногой бойца, который ее охранял. Увидев нас, она с

ругательствами бросилась к дверному проему, но один из спецназавцев ловким приемом повалил ее на пол. Ну, Ангелину было не унять, она орала, царапалась и старалась укусить бойца за ногу.

Как уж там дальше было, мы не стали досматривать эту комедию с Ангелиной в главной роли.

Впервые за много дней я оказалась на улице, вдохнула свежий воздух, и у меня закружилась голова, если бы Денис крепко не держал меня, я бы, наверное, свалилась в глубокий обморок.

Вокруг участка было столпотворение; вряд выстроились полицейские машины с включенными мигалками, вокруг забора стояли десятки любопытных соседей, каждый, с надеждой увидеть что-то интересное, пытался заглянуть за забор. Разглядеть что-нибудь, а потом разнести новости по соседям, но толпа омонцовцев с оружием оцепила участок, они оттесняли народ от ограждения, не давая любопытным проникнуть внутрь.

На выходе из калитки нас уже ждала скорая помощь, и стояла мама! Мама!

Я бросилась к ней, раскинув руки, обхватила ее, обняла, прижалась к родному человеку. И мы долго стояли так и плакали, пока врач скорой не поторопил нас. Нас увезли в больницу: меня, Дениса, с нами ехала мама, а Руслан остался разруливать ситуацию.

В больнице нас с Денисом разместили в коммерческих палатах, шикарные апартаменты с собственным душем, телевизором, и питаем не хуже ресторанного. Постарались родители Дениса. Обследование было коротким, у Дениса нашли легкое сотрясение, раны и ушибы, а у меня было обезвоживание, большая потеря веса и побочные реакции на психотропные препараты, которые вводили мне Стас и Алла Семеновна.

На вторые сутки приехали родители Дениса. Мы познакомились прямо в больнице. Они сказали, что очень гордятся своим сыном, это был действительно мужской поступок вот так броситься спасать свою девушку, не ждать, когда меня найдет милиция. И еще сказали, что если Денис все бросил и помчался спасать меня, значит я — замечательная девушка, и их сын меня любит.

Его мама обняла меня, и мы, обнявшись, долго плакали, а папа нас успокаивал и все приговаривал: Ну, хватит разводить сырость, все хорошо закончилось....

А потом мы пошли в палату к Денису.

Глава 36 Окончание.

В больнице мы с Денисом лежали неделю, а после выписки мне пришлось явиться к следователю и давать показания. Следствие было долгим, так как рассматривалась сразу несколько дел.

Семен со своим помощником были под следствием за служебные дела, за мое похищение и попытку убийства. Следствие по их делам шло почти полгода и только перед новым годом, состоялся суд, они получили внушительные сроки и надолго сели в тюрьму.

Судили и Ангелину с Аллой Семеновной, они тоже получили максимальное наказание. И да, сделали эксгумацию тела моего деда, экспертиза подтвердила, что дед был отравлен мышьяком, а еще выяснили, что Ангелина травила этим же ядом бабушку, поэтому та болела. И слава богу, отравительница была не слишком умна, дозы были очень маленькие, это бабушку спасло. Ангелина добавляла мышьяк ей в чай, и бабушка чувствовала себя плохо, но не умереть от таких доз не могла. Аллу Семеновну судили сразу за несколько убийств, оказалась, что она давно травит неугодных ей людей, двоих отправила на тот свет, а двоих удалось спасти, так что ее судили за убийства, покушение на убийство, и за изготовление яда, а еще за мое похищение, за нанесение тяжких телесных повреждения Станиславу.

Осудили и Витьку, он получил свои сроки за мошенничество и участие в похищении. На суде Витька плакал и бился в истерике, ему тоже дали немалый срок. Только, говорят, он не доехал до места, что приключилось при этапировании его в колонию, и он попал в психиатрическую больницу.

Денис потом узнавал о судьбе Витьки, доктора сказали, что из больницы он никогда не выйдет.

Станислав Серебряков тоже попал под суд за мое похищение, но так как состояние его здоровья было подорвано, он получил только условный срок, его мамушка же была признана психически не здоровой и помещена в больницу.

Я не люблю вспоминать суд, как давала показания, до сих пор вижу горящие злобой глаза Ангелины, истерики Витьки, холодное, равнодушное лицо Аллы Семеновны. До дрожи боялась Семена, даже сидя за решеткой, он меня пугал. Они все получили по заслугам!

Станислав долго пролежал в больнице, его травмы были тяжелые и привели к непоправимым последствиям, он перенес инсульт, стал плохо ходить и говорить, получил инвалидность. А его мама в психиатрической лечебнице, говорят, все ищет клад, рассказывает всем, что она наследует миллионы и скоро станет очень богатой.

Конечно у всех на устах один вопрос — как же решилось дело о наследовании.

А пока ни как!

Мне исполнилось двадцать лет, до оглашения завещания еще год!

Я не вышла замуж, да мы живем вместе, но не торопимся с заключением брака, решили, что некуда спешить. Мама оплатила мне учебу в институте, и я сейчас на первом курсе, в будущем буду дизайнером интерьеров.

У нас с Денисом все хорошо, мы учимся жить вместе и доверять друг другу, я поняла, что если бы доверилась своему любимому человеку сразу, то ничего из того, что мне пришлось пережить, не было бы...

Видимо судьба у меня такая, надо было пережить все злоключения, именно это научило меня разбираться в людях, не надеяться только на себя, доверять своим близким, стать более открытой и уверенной в себе

А еще я поняла, что не такая я уж и неудачница, не каждому человеку удастся пройти такие испытания и остаться живым, здоровым и позитивным!

А еще у меня родился брат, мама папе Саша родила наследника, моего братишку назвали Русланом, в честь нашего спасителя Руслана. Ведь именно он помог нашей семье воссоединиться, выручал в трудную минуту, и раскрутил весь клубок хитросплетений и интриг.

Теперь у меня есть настоящая семья.

Бабушка продала квартиру, с которой связано так много плохих воспоминаний и у нее и у меня, и переехала к своей дочери в Питер, она здорова и с удовольствием нянчится с внуком, и ждет, что когда-нибудь я ей рожу правнука.

Семья купила большой коттедж под Питером и все дружно живут там.

Глава 37 Окончание *Дневник Прошки Казака*

Прошел еще один год, Мне исполнилось двадцать один!

На день рождения мама с папой подарили мне автомобиль, а Денис сделал мне предложение, это самый лучший день в моей жизни!

На следующий день нас пригласили в адвокатскую контору, которой передали завещание деда. Мы приехали к обеду, ровно к назначенному времени, в коридорах конторы было пусто и тихо, на оглашение завещания нас провели в комнату для переговоров. Там уже присутствовали трое: нотариус, адвокат деда, директор картинной галереи, где хранилась коллекция деда.

И да, по завещанию огромная коллекция картин отходила мне, и не только картин, была там коллекция очень редких книг и библия в серебряном окладе, редкие иконы, а еще прилагалась приличная сумма в банке (дед, оказывается, продал большую часть драгоценностей), а также мне передали старые записи и дневники моих прадедов.

Мы с мамой решили, что будет нечестно оставить Станислава без лечения, и перевели часть суммы ему на реабилитацию, другая часть пойдет мне на обучение и открытие своей фирмы, я хотела в будущем организовать свою дизайнерскую студию.

Главное, мы смогли по дневникам восстановить историю семьи Казаковых и гибель семьи купца Куприянова. Вся история была изложена в нескольких амбарных книгах, что вел еще мой пра — прадед, скрупулёзно записывая все, начиная от своих трат, до событий, которые ему пришлось пережить.

Амбарные книги были настолько старыми, что многие страницы истлели. На других страницах поплыли чернильные строки, но все равно текст можно было разобрать, он был написан твердым каллиграфическим почерком, то писал мой пра-прадед о своей судьбе и судьбе, что переживала целая империя...

Записи начинались с 1917 года. И на первой странице была опись какого-то имущества, видимо того, что спрятали в тайниках купца Куприянова. Расшифровка поплавленного текста заняла у нас достаточно много времени, но теперь мы точно могли сказать, что из нашего наследства было имуществом Матвея Степановича Куприянова, у которого был приказчиком мой пра-прадед — Казак Прокофий Степанович.

Опись была длинная: картины, иконы, утварь из серебра и золота, драгоценности, раритетные книги, серебряные шкатулки. И карта, карта для поиска сокровищ сгинувшего купца.

А дальше шло описание того, что же произошло с ним в том далеком 1917 году. Прокофий Степанович каждый день записывал свои мытарства. Как вернулись они к разоренному разбойниками городу, как кинулись по следам искать жену купца и его детей, и как их настигли пули, вот только Прокофию повезло, пуля прошла на вылет, разбойники, что стреляли в них, решили, что он мертв, ограбили и бросили его. Спасла его девушка с соседней деревни, что везла хворост из леса, подобрала, выходила, а он выкарабкался, и продолжил искать Глашку Куприянову с детьми, ведь дал слово ее мужу и главе — купцу Куприянову. Слово дал — держи...

Купеческое слово — твердое!

Только через полгода наткнулся он на след Глафиры, на маленькой станции нашел памятник умершему шестнадцатилетнему подростку Куприянову. Расспросил оставшихся в живых жителей, те подтвердили, что жила банда в поселке, здесь пировала, сюда награбленное привозили, Глашка та любовница была у офицера. Уже потом, Прокофий нашел служанку Глафиры, от нее и узнал, что та была любовницей у молодого офицера давно, еще до замужества, хотела за него замуж, но строгий отец не отдал ее за голодранца. А офицер тот, когда призвали на войну, дезертировал из армии, обратно вернулся к Глашке, вот такая любовь. Выйдя замуж за Куприянова, она не перестала бегать к офицеру. И дочь была рождена от офицера, а не от Куприянова.

Говорят, что сын Куприянова зимой чем-то заболел, да и помер, врачей во всей округе не сыскать, да видимо

никто и не старался...

А потом офицер со всем награбленным ушел в Китай, прихватив Глафиру и свою дочь. Там и его след простыл. Добытые кровавым путем богатства не принесли им счастья, сгинули где-то там, а дочь их оказалась в детском доме на территории Маньчжурской железной дороге, ее приняла на воспитания семья русских служащих, когда в 28 году служащий выехал в Россию, Даша, приехала с ними. Это Прокофий выяснил намного позже.

Прокофий Степанович вернулся в свой город, был уже конец 1918, шла революция и гражданская война, знакомый и такой привычный мир перевернулся и рухнул. День в городке — Красные, день — Белые...

Он уехал на дольнюю заимку к той девушке, что когда-то спасла ему жизнь, там и женился, и жил до 1922 года. Но настал НЭП, с его нововведениями, другой мир. Прокофий решил уехать в столицу. И так как посчитал, что теперь нет наследников Куприянова, то взял из тайников немного золотишка и украшений.

На перекладных Прокофий с женой добрались до Москвы. Природная смекалка помогла устроиться на работу, хозяйственный, умный мужик стал быстро продвигаться по службе, ему даже удалось получить угол в многоквартирном доме. Хитрый ум и природная изворотливость, подсказали, что не стоит отсвечивать при новой власти своим происхождением, поэтому он выправил себе документы, где по новым документам он числился пролетарием, и с другой фамилией, так Казак Прокофий стал «Кзаков».

Новая власть быстро строила аппарат для управления, везде нужны были грамотные люди, он хорошо разбирался в бухгалтерии, поэтому не успел оглянуться, а уже был при должности и с собственным кабинетом. Через несколько лет его перевели в Питер. Должность выше, дали уже квартиру, а не угол. Появился долгожданный сын Петр Прокопьевич, понадобились деньги.

И тогда Прокофий вернулся в Сибирь, вроде как к родственникам жены, а сам стал вывозить ценности Куприянова.

Прокофий Степанович, человек очень лояльный к новой власти, работающий на должности в каком-то наркомате, при деньгах, семейный, стал богатым коллекционером. Время и после революции были голодные, нищие, а Прокофия в свое время купец натаскал, как оценить картину, что имеет ценность, а что нет, и Казаков стал интересоваться живописью, потихоньку скупать картины за бесценок у обнищавших дворян, пополняя свою коллекцию.

Мы сидим и читаем дневник Прокофия Степановича, поражаемся хитросплетениям, интригам.

Прошло достаточно много времени сын четы Казаковых Петр, поступает учиться в художественное училище в Москве, это мой прадед Казаков Петр Прокопьевич, он становится известным художником, отец его хвалит и в своих записях много описывает из его прошлого, выставки, какие картины им нарисованы, какие награды получены.

Прокофий Степанович прожил очень длинную жизнь, и оставил нам большое наследство, но всю жизнь он сокрушался, что не уберет своего хозяина — Куприянова Матвея Степановича.

Не было у нашего прадеда чувства стыда, что использовал сокровища Куприянова, он вкладывал их в покупку новых полотен для своей коллекции, тем самым продолжая дело Матвея Степановича. В душе он так и остался купцом.

Ну а историю своей семьи дальше, мы восстановили по документам, что остались в архивах моего деда. Петр Прокопьевич стал признанным художником, но рисовал картины для себя и близких друзей, в угоду новой власти писал лишь портреты передовиков производства и партийных боссов. Его продвигали, через какое-то время он даже стал профессором, преподавал живопись. Коллекцию картин своего отца он тоже пополнял, и она расширилась и, за счет многих редких картин, стала уникальна. На старости лет он переехал жить на Волгу, здесь получает роскошную профессорскую квартиру, здесь была и его коллекция, а когда он умер, картины унаследовал мой дед, Владимир Петрович. Он тоже с годами стал очень известным человеком, многого достиг, профессор и преподаватель в университете.

Именно тот случай, когда Ангелина со своим поделщиком Степаном наняли вора для похищения картин, отрезвила Владимира Петровича, он вдруг понял, что хранить в квартире столь ценную коллекцию нельзя, и все картины были вывезены и помещены под охрану в местной картинной галерее. Мой дед даже деньги заплатил музею, и на эти деньги в музее была поставлена сверхновая охранная сигнализация.

Так картины и дождались своего нового владельца!

Ну а про другие сокровища сложно сказать, что-то было потрачено Прокофием Степановичем, что-то украла Ангелина, остальное продал мой дед, вложив деньги в ценные бумаги.

Хоть и семья Серебряковых не была кровными родственниками купца Куприянова, но мы решили, что должны им помочь, и часть наследства выделили на оплату лечения сумасшедшей Людмилы Васильевны, и восстановления Стаса.

Стас, когда ему дали почитать дневник нашего прадеда, он был очень огорчен, когда узнал, чей он пра-правнук, не льстило ему быть родственником офицера дезертира, разбойника, и убийцы.

Но он поведал нам историю своей пра бабки Дочери Глафиры Дарьи, именно она додумалась осмотреть библию, что Куприянов вручил ее матери, когда уезжал. Сама Глафира была глуповата и наставлений мужа не поняла, а вот дочь оказалась на много умнее. При осмотре она и нашла тайничок в ней, а там карта с описью всего, что припрятал купец Куприянов. На поиски места ушли годы, Дарья так и не смогла найти клад, нашли уже ее потомки, но в тайнике было пусто. Так родилась легенда о том, что это приказчик убил Куприянова, ведь кроме приказчика и купца никто не знал место схрона.

Правнук Дарьи отчаянно искал родственников приказчика и нашел...

Только никому эти богатства особого счастья не принесли, все кто гонялись за огромным наследством Куприяновых — Казаковых оказались либо в тюрьме, либо в больнице.

Посмотрев на это все, мы с мамой решили оставить эту коллекцию в музеи, под охраной и выставлять часть коллекции в разных музеях. Теперь коллекцией картин занимается мама, именно она решает, в какой музей едут те или иные картины, она устраивает частные выставки. Вот так нелюбимая дочь своего отца стала продолжательницей его дела.

Деньги от выставок идут на благотворительность, мама помогает начинающим талантливым художникам, поддерживает художественные школы, и талантливых детей, особенно тех, кто остался без родителей.

Именно нам с мамой хорошо известно, как это быть не любимыми, брошенными, и я очень надеюсь, что больше никто в нашей семье не повторит нашу судьбу...

Больше книг на сайте - Knigoed.net